

ISSN 2305-5146

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия:

**«Лингвистика и межкультурная
коммуникация»**

- Лингвистика
- Методика преподавания языков
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология

Выпуск № 2(21), 2016 г.

УДК 800 : 37
ББК 81

ISSN 2305-5146

Редакционный совет Научного вестника Воронежского ГАСУ:

Проскурин Д.К., канд. физ.-мат. наук, доц.;
Рудаков О.Б., д-р хим. наук, проф.;
Суровцев И.С., д-р техн. наук, проф.

Редакционная коллегия серии:

Ковалева Л.В. – д-р фил. наук, проф., зав. кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ (главный редактор);

Лапынина Н.Н. – канд. фил. наук, проф. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ (зам. главного редактора), Почетный работник высшего профессионального образования РФ, член РОПРЯЛ;

Кольцова Л.М. – д-р фил. наук, проф., зав. кафедрой русского языка ВГУ, член РОПРЯЛ;

Клобукова Л.П. – д-р пед. наук, проф., зав. кафедрой русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ им. Ломоносова, действительный академик Международной академии наук педагогического образования, вице-президент РОПРЯЛ;

Томтогтох Гомбо – д-р Ph.D, проф., ведущий проф. отделения азиатских языков Института прикладной лингвистики Монгольского Государственного Университета науки и технологии (МГУНТ), член МАПРЯЛ, член ученого совета МГУНТ, член Ученого совета по защите докторских (Ph.D) диссертаций лингвистических наук;

Олядыкова Л.Б. – д-р фил. наук, проф. кафедры русского языка и общего языкознания Калмыцкого государственного университета;

Белякова С.М. – д-р фил. наук, проф. кафедры общего языкознания Тюменского государственного университета;

Коростылева Н.Н. – д-р социологических наук, профессор кафедры государственной службы и кадровой политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации;

Бугакова Н.Б. – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ;

Воронова Т.А. – канд. фил. наук, доц. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ;

Скуридина С.А. – канд. фил. наук, ст. преп. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ;

Кудрявцева Т.Ю. – асс. кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского ГАСУ (отв. секретарь).

В серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника опубликованы результаты научных исследований учёных, докторантов, аспирантов и соискателей по проблемам лингвистики, методики преподавания языков, литературоведения, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, концептологии и т.д.

Серия предназначена для научных работников, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, студентов, а также может быть интересна всем тем, кто интересуется проблемами современной лингвистической науки, межкультурной коммуникации, литературоведением и методикой преподавания языков в вузе и школе.

Адрес редакции:

394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября,
д. 84, комн. 5203
тел: (473) 271-50-48

© Воронежский ГАСУ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Ковалева Л.В. Вступительное слово главного редактора серии.....	4
---	---

Лингвистика

Николаева Т.Г. Анализ знаковых теорий языка в трудах зарубежных лингвистов	6
Матей И.К. О семантике православной терминологической лексики.....	15
Куликова И.С., Салмина Д.В. К вопросу о терминологическом статусе словосочетания «базовый термин»...	20
Клепиковская Н.В. Особенности технических терминов, номинирующих понятия сварочного производства.....	32
Горбачев К.А. Значение социолингвистических процессов для развития специальной лексики.....	38
Твердохлеб О.Г. «Вещность» и объекты сравнения, выраженные формой родительного падежа имени, в поэтическом языке акмеистов: А.А. Ахматова.....	44
Кушнир К.И. Образ мира в слове В. Солоухина.....	53
Голованова Н.Ю. Языковые особенности мотива одиночества в ранней прозе Л.Н. Андреева (на примере рассказов «Жили-были», «Рассказ о Сергее Петровиче»).....	58

Методика преподавания языков

Распопова Т.И., Китаева Н.А., Сарафанникова О.А. Учебный комплекс «Я люблю русский язык»: традиции и инновации.....	62
Жидкова Ю.Б. От аудирования к изложению.....	67
Цыганенко В.В. Реферирование: наилучший путь к изучению научной информации.....	73
Субота Л.А. Коммуникативная организация научного текста в процессе обучения иностранных студентов русскому языку.....	79
Магиенко А.В. Иноязычная профессиональная коммуникативная компетенция как компонент профессиональной компетентности выпускников вуза.....	85
Гаврюшенко Т.В. Факторы, влияющие на процессы запоминания и забывания учебного материала при изучении русского языка как иностранного.....	92

Аспекты изучения художественного текста

Ядрихинская Е.А. Экзистенциальная «планета» Мерсо.....	99
Безатосная О.М. Образ храма в рассказах Б.К. Зайцева.....	104
Давыдова А.В. Образ Севера в романе Н. Аурова «Под полуночным солнцем».....	107
Карташова Е.Н. Образ тещи в произведениях В.М. Шукшина.....	114
Скуридина С.А. XXXI Международные старорусские чтения «Достоевский и современность».....	118

Межкультурная коммуникация

Томтогтох Г. К вопросу о классификации безэквивалентной лексики и способах ее перевода (на примере монгольского языка).....	120
Недоступова Л.В. Современный диалект как форма коммуникации.....	127
Недоступова Л.В. Говор хутора Растыкайловки (лексический аспект).....	130

Концептология

Перевалова С.Г. Вербализация концепта «мать» («la mère») через пословично-поговорный и фразеологический фонды русского языка (на фоне французского языка).....	135
Авдеева И.Б. Инженерный дискурс в рамках коммуникативно-когнитивной парадигмы.....	142
Правила оформления статей в Научном вестнике.....	151

Вступительное слово главного редактора серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Вниманию читателей предлагается двадцать первый выпуск серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» Научного вестника Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, который представлен к изданию редколлегией данной серии. Выпуск включает исследования актуальных проблем различных научных направлений – лингвистических, литературоведческих, методических, лингвокультурологических и др.

Авторами научных статей данного выпуска являются доктора и кандидаты наук как российских, так и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (аспирантов, магистрантов). В выпуске содержится 24 научные работы.

Выпуск состоит из пяти разделов: *I* – «Лингвистика», *II* – «Методика преподавания языков», *III* – «Аспекты изучения художественного текста», *IV* – «Межкультурная коммуникация», *V* – «Концептология».

Раздел «Лингвистика» содержит результаты исследований в области лексики и лексикологии (Матей И.К.), терминологии (Куликова И.С., Салмина Д.В.; Клепиковская Н.В.; Горбачев К.А.), теории языка (Николаева Т.Г.) и лингвистики текста (Твердохлеб О.Г.; Кушнир К.И.; Голованова Н.Ю.).

Во второй раздел – «Методика преподавания языков» – включены исследования, в которых представлены методические рекомендации по использованию различных способов и приемов организации работы на уроках РКИ (Распопова Т.И., Китаева Н.А., Сарафанникова О.А.; Жидкова Ю.Б.; Цыганенко В.В.; Субота Л.А.; Матиенко А.В.; Гаврюшенко Т.В.).

В разделе «Аспекты изучения художественного текста» заявлены статьи, в которых исследуется образная структура художественного текста (Ядрихинская Е.А.; Безатосная О.М.; Давыдова А.В.; Карташова Е.Н.).

Четвертый раздел – «Межкультурная коммуникация» – включает исследования безэквивалентной лексики и способов ее перевода (на примере монгольского языка) (Томтогтох Г.), а также современного диалекта как формы коммуникации (Недоступова Л.В.).

В работах заключительного раздела – «*Концептология*» – исследуется вербализация концепта «мать» (Перевалова С.Г.) и инженерный дискурс (Авдеева И.Б.).

Содержащиеся в выпуске 2 (21) серии научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, методики преподавания, межкультурной коммуникации, концептологии и изучения языка художественных текстов.

Полагаем, что данная серия будет интересна специалистам-филологам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам и студентам.

Главный редактор серии
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка и
межкультурной коммуникации
Воронежского ГАСУ,
Почетный работник высшего
профессионального образования РФ

Ковалева Л.В.

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 81

*Самарский государственный социально-педагогический университет
доц. кафедры иностранных языков*

*Николаева Т.Г.
Россия, г. Самара, тел. +7(927) 690-40-82
e-mail: tatanik2009@yandex.ru*

*Samara State University of Social Sciences
and Education
The Department of Foreign Languages
associate professor*

*Nikolaeva T.G.
Russia, Samara, +7(927) 690-40-82
e-mail: tatanik2009@yandex.ru*

Т.Г. Николаева

АНАЛИЗ ЗНАКОВЫХ ТЕОРИЙ ЯЗЫКА В ТРУДАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИНГВИСТОВ

В статье рассматривается проблема языка как знаковой системы, а также исследуются основные положения знаковых теорий в работах ведущих зарубежных исследователей. Кроме того, описываются основные виды, функции и особенности языковых знаков, имеющие первостепенное значение для развития современной когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: знаковая система, языковой знак, семиология, понятие, значение, структурная лингвистика

T.G. Nikolaeva

THE ANALYSIS OF SIGN THEORIES IN THE WORKS OF FOREIGN LINGUISTS

The article deals with the problem of the language as a sign system and also with the main ideas of sign theories in the works of foreign scientists. Besides, the article describes the main types, functions and specific features of the language signs, which are of great importance for the development of the modern cognitive linguistics.

Key words: sign system, language sign, semiology, notion, meaning, structural linguistics.

Прежде всего, стоит отметить, что язык представляет собой одну из огромного количества знаковых систем, используемых индивидами для осуществления общения, в процессе которого они транслируют информацию о разнообразных ситуациях в мире, о своих мыслях, чувствах, переживаниях и т.д. Знаки, образующие сообщения, выступают носителями конкретных смысловых значений и позволяют кодировать транслируемую информацию и осуществлять коммуникативные акты [16; с. 45].

Знаки и сформированные ими знаковые системы исследует семиотика, большой вклад в развитие которой внесли Ч.С. Пирс, Ч. Моррис, Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев и др.

Главные положения знаковых концепций были сформулированы в результате

анализа свойств естественного языка разными науками (философией, логикой, математикой, психологией, лингвистикой), что дает возможность разделить знаковые теории по четырём основным научным сферам: философской, логико-математической, психологической и лингвистической.

Логико-математическая линия представлена, главным образом, трудами Ч.С. Пирса, который разрабатывал особый вариант математической логики и, в зависимости от взаимосвязи двух сторон знака, выделил иконические знаки (образуемые на основе сходства означающего и означаемого); знаки-индексы (формируемые отношением смежности означаемого и означающего; знаки-символы (порождаемые установлением связи означающего и означаемого по условному соглашению. По мнению Пирса, для знаковой системы естественного языка синтаксис (в частности, модели предложений) является не менее существенным, чем другие аспекты [12; с. 114].

В работах Р. Карнапа понятие «знак», будучи приспособлено, в основном, к нуждам точных наук, полностью модифицируется. В отличие от предшествующих концепций знака, в теории Карнапа «знак» был приравнен к «знаковому выражению» и тем самым сведен к форме знака, к односторонней сущности. Основным признаком знака стала принадлежность к строго формализованной системе [4; с. 75].

Ч. Моррис создал знаковую теорию языка на бихевиористской основе. Согласно его взглядам, язык представляет собой «целенаправленное поведение», а знак – совокупность условий, необходимых для его формирования. Моррис ввёл новое понятие системности знаков, разделив их по способу сигнификации на характеризующие, оценочные, предписывающие, идентифицирующие и знаки-форматоры. Сильной стороной теории Морриса выступает разграничение таких семиотических сфер как семантика, синтактика и прагматика [9; с. 332].

Основу работ Ч. Огдена и А. Ричардса составляют понятия «символ», «мысль», «вещь», являющиеся необходимыми составляющими «семантического треугольника». Данные ученые разработали теорию знаковых ситуаций, подчеркивающую факт связи знакового выражения с мыслительным образом вещи [3; с. 67].

А. Гардинер трактует язык как совокупность неисчисляемых индивидуальных речевых актов. Знаками, по Гардинеру, являются только слова, имеющие значение и способные к легкой трансформации [11; с. 126].

Представители пражской лингвистической школы определяли языковой знак как социальный феномен, выступающий посредником между представителями одного социума и который можно понять лишь на основе системы значимостей, без которой невозможно существование языкового социума. Кроме говорящего и слушающего, выступающих двумя неизменными факторами, определяющими языковой знак, выдвигается идея об обязательном наличии третьего фактора – реальной действительности, отображаемой знаком.

Э. Бенвенист определял естественный язык как своеобразную знаковую структуру с двинным означиванием её компонентов – в системе средств (первичное означивание, семиологический принцип образования знаков) и в речи (вторичное означивание, принцип семантической интерпретации речевых единиц). При этом единицы первичного означивания (слова) необходимо идентифицировать с обозначаемыми ими предметами и понятиями, а единицы вторичного означивания (предложения и высказывания) должны быть связаны с составляющими их смыслами [1; с. 56].

Так как структурализм оперирует знаками, а не самими предметами, то основное внимание структуралистов привлекла семиология – наука, изучающая свойства знаков и знаковых систем, а также теория коммуникации. С позиции последней, знаки выступают средством общения. С точки зрения структуралистской семиологии, язык человека похож на коммуникационную систему. Поэтому одним из основных постулатов

структурализма является то, что означающее предшествует означаемому, а язык не выполняет функцию средства выражения, так как код предваряет сообщение. Несмотря на то что сообщение не выражает опыта, оно отражает потенциал и границы кода. Кроме того, по мнению структуралистов, смысл порождается бессмыслицей, вот почему говорящий способен создать смысл, только воспроизводя бессмысленное сообщение. Наконец, вместо говорящего субъекта всегда говорит язык, а смысл возникает только вместе с означаемым [6; с. 88].

Говоря о «лингвистическом» структурализме, следует особо остановиться на теории лингвиста Ф. де Соссюра, составляющей основу концепции структурализма, поскольку именно трактовка знаковой системы данного ученого представляет собой наибольший интерес для сферы наших научных интересов.

Ф. де Соссюр, автор билатеральной теории языкового знака, впервые в лингвистике применил понятие знака к конкретному описанию языка и исследовал ряд важных аспектов внутренней организации языка. Он рассматривал язык в качестве системы знаков, объединяющей смысл и акустический образ и вводил семантические понятия «знак», «значение», «значимость» по отношению исключительно к системе слов.

Ф. де Соссюр четко обозначил разницу между реальными речевыми актами (высказываниями) и образующей их основой системой, которой индивид должен овладеть при изучении языка. По мнению Ф. де Соссюра, изучение языковой системы вне зависимости от связи со временем является более предпочтительным по сравнению с исторической лингвистикой. Рассматривая язык как совокупность знаков, структурная лингвистика обнаруживает противопоставления, образующие значения, а также правила сочетания, определяющие формирование языковых последовательностей [13; с. 54].

В своей теории знака Ф. де Соссюр говорил о языке как об универсальной знаковой системе, обладающей четко обозначенной структурой. Ф. де Соссюр выделяет речевую деятельность, язык и речь и указывает на образование первой из них из совокупности двух последних. При этом язык потенциально постоянно присутствует в человеке, а речь присутствует в нас лишь иногда в состоянии реализации. Таким образом, важно дифференцировать объективную представленность языка в речи и знание данного языка.

Взаимосвязь языка, отраженного в речи, и знания языка, приобретаемого в ходе речевой коммуникации с субъектами, уже владеющими данным языком, существенно отличается в силу специфического характера языка как социального феномена. Принадлежность реального звучания речи языку ни в коей мере не сводит язык к звучанию, поскольку язык образуют также и значения элементов, воспроизводимых в речи и образующих в их общем сочетании вокабуляр и грамматический строй языка. Звуковой же аспект языка, несмотря на свою важность, выступает всего лишь его одной (внешней) стороной: язык имеет и другую, внутреннюю, смысловую, сторону. Важно отметить, что значения лексических (и не только) единиц составляют часть языка, наряду с реальным звучанием его единиц. Звучание, вне его связи с семантикой, еще не является языковым фактом. И лишь в совокупности со значением, оно делается словом того или иного языка. При этом стоит указать, что, несмотря на отражение звукового аспекта языка в сознании говорящих как определенной системы «звуковых образов», отличающейся от этого своего отражения, своей смысловой стороной язык существует в сознании, где его истинное существование и его отражение совпадают. Отсюда вытекает взаимосвязь языка в речи и знания языка, имеющегося в сознании человека: знание языка образуется в процессе аккумуляции языковых фактов в сознании и создает условия для воспроизведения этих фактов и, в целом, всей системы языка [13; с. 76].

Единица языка, в сочетании с ее отображением в сознании, состоит из реального звучания, его отражения в виде звукового образа и значения. Несмотря на то что значения присутствуют в сознании и прямо соединяются в речи с реальными звучаниями, а не только со «звуковыми образами», для формирования значений в сознании каждого индивида большое значение имеет реальное звучание, без которого невозможно существование значения. Значение как конкретный феномен в сознании формируется в ходе объединения в нем разрозненных конкретных отражений предметов, явлений и отношений реальности, содержащих в себе что-то общее, а сам процесс обобщения проходит под влиянием социума, протекающим посредством реального звучания.

Важно иметь в виду, что подход ума к отдельной вещи является сложным феноменом, так как самое элементарное обобщение содержит определенный элемент фантазии. Несмотря на отражение реального звучания в виде «звукового образа», большое значение имеет именно реальное звучание, так как посредством него социум управляет процессом формирования значений языковых единиц в сознании каждого человека, транслирует субъекту опыт большого количества поколений данного социума. В результате этого формирующееся в сознании отдельного человека значение представляет собой общественный феномен [2; с. 69].

Развитие мышления с помощью языка невозможно без обмена мыслями, который предполагает социальный характер значений отдельных языковых единиц. При этом, звучание необходимо для формирования самих значений на основе отражения и прямого контакта с действительностью.

При трактовке знания языка как реального феномена, важно дифференцировать скрытое и действующее знание. Первое из них определяется присутствием соответствующих изменений в мозгу, влияющих на употребление языка, но не сопровождающихся в настоящий период психическими явлениями «звукового образа» и осознанием смысла. Несмотря на то что человек, изучивший какой-либо язык, знает этот язык постоянно, подавляющее большинство единиц данного языка содержится в его сознании в каждый отдельный момент в форме скрытого знания, так как в нем возникают «звуковые образы» и значения только тех единиц, которые он в этот момент употребляет. Некоторые единицы языка могут достаточно долго находиться в скрытом знании, до тех пор, пока они постепенно не забудутся, или, наоборот, не станут активно употребляться в речи. Действующее же знание языка – это такая форма его знания, в которой его единицы на самом деле выступают в сознании как «звуковые образы» в сочетании со значениями. В этой форме знание языка обычно проявляется при пользовании им, например, в виде внутренней речи, в процессе молчаливого мышления [7; с. 112].

Важно, что само знание языка невозможно без объективного существования языка, а в процессе взаимодействия между языком и его знанием именно знание является производным, вторичным.

В большинстве случаев язык представляет собой перечень названий, соответствующих аналогичному количеству вещей. Однако, подобное представление не совсем состоятельно, поскольку оно предполагает наличие уже готовых понятий, предшествующих словам. Кроме того, оно не определяет звуковую или психическую природу названия, поскольку слово может рассматриваться и под тем и под другим углом зрения. Также оно позволяет думать, что связь, соединяющая название с вещью, представляет собой нечто элементарное, а это не так. Тем не менее, такая упрощенная точка зрения свидетельствует о том, что единица языка выступает двойственным, сформированным из комбинирования двух компонентов феноменом.

Языковой знак объединяет не вещь и ее название, а понятие и акустический образ. Именно акустический образ представляет собой не материальное звучание, а психический отпечаток звучания, получаемый человеком посредством органов чувств. Акусти-

ческий образ обладает чувственной природой и является материальным в том смысле, что существует возможность противопоставить его более абстрактному второму члену ассоциативной пары – понятию. Таким образом, языковой знак представляет собой двуаспектный психический феномен, в котором тесно связаны понятие и акустический образ [8; с. 58].

Поскольку обе стороны знака обусловлены психикой, то и весь знак не является исключением, образуя собой ментальный, глубинный феномен. Ассоциации, связанные общественным согласием и образующие язык, представляют собой реальности, находящиеся в мозгу. При этом оба эти элемента очень тесно взаимодействуют друг с другом.

Традиционно под знаком понимают сочетание понятия и акустического образа, однако, в повседневном использовании данный термин обозначает лишь акустический образ, например слово. Для избежания подобной путаницы мы, вслед за Ф. де Соссюром, предлагаем обозначать словом «знак» целое, а термины «понятие» и «акустический образ» заменить, соответственно, терминами «означающее» (сигнификат, образ предмета, идея, понятие, содержание, в традиционном употреблении значение) и «означающее» (сигнификант, экспонент, выражение). Достоинством данных двух терминов является то, что они выявляют противопоставление, наблюдающееся между ними, а также между целым и ими как частями этого целого [10; с. 175].

Следует отметить, что языковой знак имеет несколько важнейших свойств, первым из которых выступает его произвольность. Связь означающего с означаемым носит произвольный характер, поскольку понятие никак имплицитно не связано с последовательностью звуков, составляющих то или иное слово. Принципу произвольности знака подчиняется вся лингвистика языка, им обусловлено большинство языковых феноменов.

При обозначении языкового знака, а, точнее, означающего, в ряде случаев применяется термин «символ». Однако, символ отличается тем, что произвольность представлена в нем в неполном виде, а также присутствием в нем зачатков естественной связи между означающим и означаемым.

По мнению Ф. де Соссюра, произвольность означающего проявляется в его немотивированности и произвольности по отношению к означаемому, с которым в действительности у него отсутствует всякая естественная связь. Ученый предложил членение языков на два типа: лексические (с преобладанием немотивированных элементов) и грамматические (с преобладанием мотивированных элементов). В каждом языке подразумевается обязательное наличие как мотивированного, так и немотивированного. Используя язык, говорящий должен употреблять знак в значении, принятом социумом.

Означающее выбирается свободно по отношению к тому, что оно выражает. Напротив, по отношению к языковому социуму, который его использует, оно не свободно, а навязано. Произвольность знака предохраняет язык от любых попыток целенаправленно трансформировать его [13; с. 157].

Второй главной чертой языкового знака является линейный характер означающего, которое, будучи воспринимаемым на слух, разворачивается лишь во времени и имеет такие заимствованные у времени признаки, как протяженность и линейное измерение этой протяженности. Данная характеристика языкового знака является столь же существенной, как и произвольность, так как он обуславливает механизм языка, в целом. В противоположность означающим, воспринимаемым визуально, которые способны сочетаться в одно время в нескольких измерениях, означающие, воспринимаемые аудиально, располагают свои элементы по порядку один за другим, образуя цепь

Знак является своего рода целостностью, выступающей результатом взаимодействия означающего (акустического образа слова) и означаемого (понятия). Означающее и означаемое неразрывно связаны друг с другом. Помимо этого, язык является коллективным по характеру и коммуникативным по природе. Отсюда вытекает понятие кода как объединения правил или ограничений, без которого невозможно функционирование речевой деятельности естественного языка или любой знаковой системы. То есть код делает возможным общение [15; с. 34].

Третьей чертой языкового знака является его одновременная неизменность и изменчивость. Без неизменности языка и языкового знака (за большой промежуток времени) невозможно осуществить общение и взаимопонимание представителей разных поколений. Изменчивость же языка и языкового знака неизбежна в силу постоянных трансформаций языка в результате изменений общества.

Следующими отличительными характеристиками языкового знака являются его двусторонний характер и оппозитивная природа. Знак способен к существованию лишь как компонент системы, только благодаря своим отличиям от других единиц. В этой связи Соссюром вводится понятие значимости, которая представляет собой элемент содержания языка, обусловленный позицией знака в системе. Весь механизм языка основан на сходствах и различиях, последние из которых представляют собой обратную сторону первых [14; с. 112].

Наконец, стоит выделить такие характеристики языкового знака как индифферентность знака к способу реализации, множественность знаков (знак не может существовать вне системы), а также ограниченность знаков в языке, обусловленная ограниченностью человеческой памяти.

Следует отметить, что языковой знак имеет ряд отличий от других знаков. Прежде всего, в отличие от природных знаков, он создается целенаправленно для обозначения какого-то содержания. В отличие от искусственных знаков, языковой знак трансформирует свое значение исключительно в речи, то есть в процессе употребления. Все другие знаковые системы являются вторичными, порождаются при помощи языка и носят вспомогательный характер. Язык – единственная система знаков, выполняющая большое количество функций, в то время как искусственные знаки способны выполнять какую-либо одну конкретную функцию [14; с. 115].

Ещё одним отличием языкового знака от других знаковых систем является неограниченность его семантического поля по сравнению с другими знаковыми системами. Наконец, относительная автономность аспектов знака наблюдается только в языке, вот почему число единиц плана выражения языка является довольно ограниченным, в отличие от числа единиц плана содержания. Отсюда вытекает понятие членораздельности языка, позволяющее, объединив незначительное количество единиц низших уровней на высшем, синтаксическом уровне, построить неограниченное количество текстов и высказываний.

Итак, язык является весьма конкретным в разнообразии фактов речевой деятельности. Он может находиться в конкретной части анализируемого речевого акта, в которой аудиальный образ связывается с понятием. Язык выступает в качестве общественной стороны речевой деятельности, носящей внешний по отношению к индивиду характер. Кроме того, язык способен существовать исключительно благодаря своеобразному договору между индивидами как членами социума, а для понимания его функционирования, человеку необходимо усиленно и постепенно заниматься.

В отличие от разнородного характера речевой деятельности в целом, язык по своей сути является однородным феноменом, образованным из системы знаков, важнейшую характеристику которой составляет сочетание смысла и акустического образа.

Язык так же, как и речь, отличается конкретностью, что значительно облегчает его изучение. Языковые знаки являются достаточно реальными и осязаемыми (например, их легко отразить в письменном виде при помощи условных написаний), что дает исследователям возможность корректно изучить вокабуляр и грамматику языка [13; с. 196].

Языковой знак представляет собой двустороннюю психическую сущность, в которой оба компонента неотделимо связаны друг с другом. Заменяя термины «понятие» и «акустический образ» терминами «означаемое» и «означающее», за Ф. де Соссюр мотивировал это тем, что именно последние два отражают противопоставление между ними самими, а также между целым и его частями. Именно единство двух сторон языкового знака образует обязательное свойство морфемы, слова, словосочетания, предложения, текста.

Тем самым, знак нельзя свести ни к «идеальному смыслу» (понятию), ни к его материальному (звуковому) образу, а компоненты языка способны функционировать лишь из-за наличия системы оппозиций, в которой они различаются и соотносятся друг с другом, порождая смысл в процессе своего взаимодействия [5; с. 335].

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что знак предназначен для номинации денотата, представляющего собой какой-либо вычлененный сознанием предмет, признак, действие, состояние и т.д. Важно, что предмет действительности становится денотатом только в пределах конкретной знаковой ситуации и в конкретном акте высказывания, то есть денотат является не любым предметом, а только тем, который выделен для номинации.

Часто связь означаемого и означающего носит условный (конвенциональный) характер, не зависящий от природных факторов. Это объясняет тот факт, что знаки разных языков могут сильно отличаться друг от друга. Тем не менее, связь конкретного означаемого и конкретного означающего является обязательной в каждом языковом социуме, поскольку её нельзя нарушить без риска оказаться непонятым.

В силу асимметрической природы знака, его стороны способны как бы смещаться относительно друг друга, в результате чего одному означаемому могут соответствовать два или более означающих и, наоборот, одно означающее может сочетаться с несколькими означаемыми.

Любой знак способен существовать только в качестве элемента системы, выступая противоположностью другим знакам данной системы по одному или нескольким отличительным признакам. Именно сочетание этих признаков, определяющих отношения конкретного знака к другим знакам, позволяет идентифицировать его в разных контекстах его функционирования [16; с. 229].

Означающее и означаемое знака делятся на отдельные составляющие, которые сами по себе знаками не являются. Например, означающее слова состоит из следующих друг за другом мельчайших звуковых единиц языка (фонемы), а его означаемое – из элементарных семантических компонентов (сем), существующих в одном временном промежутке.

В современной лингвистике знаки изучаются с точки зрения разных параметров: строения (синтактика), отношения к называемым объектам и внутренней организации их смыслового содержания (семантика), а также их целенаправленного использования в актах речи (прагматика).

Основными функциями языковых знаков являются различительная, конструктивная и классифицирующая. По отношению к объектам и элементам сознания языковые знаки могут выполнять следующие функции: номинативную (название объекта), дейктивную (указание на объект), экспрессивную (выражение состояния сознания), сигни-

фикативную (обозначение понятия), моделирующую (создание знакового аналога ситуации) и прагматическую (воздействие на человека).

Одним из основных свойств языкового знака является его относительно условный характер связи с реальными вещами и их свойствами, а также звуковой стороны знака со смысловой. Кроме того, языковой знак может вступать в линейные отношения в составе более сложного знака и речевой цепи. Также он связан с другими знаками в сознании носителей языка. С одной стороны, для него характерна стабильность (в силу традиции, необходимой обществу), а с другой стороны, он изменяется во времени благодаря изменению условий его употребления. Знаки языка обязательно взаимодействуют друг с другом, а знаковая система языка посредством сознания связана с системой общественной жизни индивидов [16; с. 256].

Таким образом, языковые знаки функционируют и развиваются в соответствии с характеристиками своей системы и под воздействием отношений с системами сознания и общественной жизни индивидов, а язык в целом представляет собой вторичную естественную вероятностную многомерную динамическую знаковую систему. Именно благодаря трактовке языка как системы взаимопротивоположных и различающихся элементов были разработаны четкие структурные методы анализа, созданы структурные модели в разных аспектах языка, а также получила значительное развитие математическая лингвистика.

Библиографический список

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Пер. с фр. Изд. 4. М.: УРСС, 2010. 448 с.
2. Гречко В.А. Теория языкознания. М.: Высшая школа, 2003. 375 с. (С.65-75).
3. Звегинцев В.А. Зарубежная лингвистика: Пер. с англ. Т. 2. М.: УРСС, 2002. 268 с.
4. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике. М.: УРСС, 2007. 384 с.
5. Коровина И. В. Соотношение понятий «знак», «референт», «денотат» и «концепт» как основных элементов референции // Вестник Нижегородского университета им. Н. Лобачевского. 2010. № 4. С. 332–336.
6. Кошечкина И.Г. Проблемы языкознания и теории английского языка: Лимитативная сущность языковых категорий (к проблеме знака и значения в языке). Теоретический курс. Изд. 2, доп. М.: УРСС, 2012. 176 с.
7. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. М.: Изд. Моск. ун-та, 1982. 480 с.
8. Мельников Г. П., О типах дуализмов языкового знака // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. М.: Высшая школа, 1971, № 5. С. 54-69.
9. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика. Сборник переводов. Под ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. 636 с.
10. Николаева Т.Г. Уровни семантической структуры предложения в различных лингвистических концепциях // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Самара: Издательство СГПУ, 2006. С. 171-177.
11. Общее языкознание / Под ред. А.Е.Супруна. Минск, 1983. 456 с. (С. 122-140)
12. Пирс Ч. Начала прагматизма. Логические основания теории знаков. Т. 1. М.: УРСС, 2000, 672 с.

13. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики: Изданный Ш. Балли и А. Сеше при участии А. Ридлингера. Пер. с фр. Изд. 7. М.: УРСС, 2016. 256 с.
14. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. Изд. стереотип. М.: УРСС, 2016. 334 с.
15. Степанов Ю. С. Семиотика. Изд. стереотип. М.: УРСС, 2015. 168 с.
16. Сусов И.П. Введение в языкознание. М.: Восток-Запад, 2006. 382 с.

References

1. Benvenist E. The general linguistics. Transl. from Fr. Ed. 4. Moscow: URSS, 2010. 448 p.
2. Grechko V.A. A theory of linguistics. Moscow: The higher school, 2003. 375 p. (C.65-75).
3. Zvegintsev V.A. A foreign linguistics: Transl. from Eng. Vol. 2. Moscow: URSS, 2002. 268 p.
4. Karnap R. Meaning and necessity. The research on semantics and modal logic. Moscow: URSS, 2007. 384 p.
5. Korovina I.V. The correlation between the notions “sign”, “referent”, “denotat” and “concept” as the main elements of reference // The bulletin of Nizhny Novgorod University of N. Lobachevsky. 2010. № 4. P. 332–336.
6. Koshevaya I.G. The problems of linguistics and theory of the English language: The limitative nature of the language categories (on the problem of sign and meaning in the language). Atheoretical course. Ed. 2, add. Moscow: URSS, 2012. 176 p.
7. Losev A.F. Sign. Symbol. Myth: The works on linguistics. Moscow: Mosk. University press, 1982. 480 p.
8. Mel'nikov G.P. On the types of dualisms of the language sign // The scientific reports of higher school. Philology. Moscow: The higher school, 1971, № 5. P. 54-69.
9. Morris Ch. The Foundations of the theory of signs // Semiotics. Comp. of translations. Ed. Y.S. Stepanov. Mocsow: Rainbow, 1983. 636 p.
10. Nikolaeva T.G. The levels of semantic structure of the sentence in different linguistic conceptions // Higher humanitarian education of the 20th century: the problems and perspectives. The materials of the all-Russia scientific practical conference with the international participation. Samara: Publishing house of SGPU, 2006. P. 171-177.
11. General linguistics / Ed. A.E.Suprun. Minsk, 1983. 456 p. (C. 122-140)
12. Pierce Ch. The foundations of pragmatism. The logical basis of the theory of signs. Vol. 1. Moscow: URSS, 2000, 672 p.
13. Sossur F. de The course of general linguistics: Ed. Sh. Balli, A. Seshe and A. Ridlinger. Transl. from Fr. Ed. 7. Moscow: URSS, 2016. 256 p.
14. Stepanov Y.S. In a tridimensional space of the language: Semiotic problems of linguistics, philosophy, art. Stereotype ed. Moscow, URSS, 2016. 334 p.
15. Stepanov Y.S. Semiotics. Stereotype ed. Moscow: URSS, 2015. 168 p.
16. Susov I.P. The introduction into linguistics. Moscow: East-West, 2006. 382 p.

УДК 811.161.1'06

*Воронежский государственный архитек-
турно-строительный университет
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры рус-
ского языка и межкультурной коммуника-
ции
Матей И.К.
Россия, г. Воронеж, +7(950)7523567
e-mail: mateiik@yandex.ru*

*Voronezh State Architecture and Construc-
tion university
The chair of Russian language and cross-
cultural communication
PhD, senior lecture
Matey I.K.
Russia, Voronezh, +7(950)7523567
e-mail: mateiik@yandex.ru*

И.К. Матей

О СЕМАНТИКЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ

Русские религиозные традиции формировались под влиянием греко-славянской книжности, что обусловило развитие и усложнение системы богословских и богослужебных терминов. Особое внимание в статье уделяется семантическим особенностям православной терминологической лексики и такому важному аспекту, как многозначность.

Ключевые слова: православие, термин, терминологическое поле, православная терминологическая лексика.

I.K. Matey

ABOUT SEMANTICS OF ORTHODOX TERMINOLOGICAL LEXICON

The Russian religious traditions were created under the influence of Greek-Slavic book tradition that has caused development and complication of system of theological and liturgical terms. The special attention in article is paid to semantic features of specialized terms of orthodox lexicon. The polysemy is considered as one of important aspects of this research.

Key words: Orthodoxy, term, terminological field, orthodox terminological lexicon.

Вопрос об особенностях семантики православной христианской лексики остается одним из актуальных в современной русистике. Выделяя тематическую группу «Православие» среди других, ученые предлагают различные термины для обозначения языковых знаков с религиозным содержанием: религионим, религиолектизм, фидеистическая лексика, религиозная лексика, православная лексика, конфессиональная терминологическая лексика и др. [3; 4; 6; 7; 14].

Как показывает анализ научной литературы, среди исследователей нет общепринятого взгляда на язык верующих. Некоторые ученые выделяют в лексике русского языка отдельное семантическое поле (терминологическое поле) религиозной лексики, что представляется правомерным в первую очередь по отношению к богословской и богослужебной лексике.

Общеизвестно, что исследуемое семантическое поле формировалось в результате взаимодействия иноязычных элементов греко-славянской книжности и исконных слов народного языка. Многим словесным единицам исследуемого поля в современном русском языке может соответствовать различное содержание, выражаемое как общеупот-

ребительными, так и специальными значениями.

Слова старославянского происхождения нередко употребляются в различных типах дискурса со значениями, не связанными друг с другом в смысловом отношении. Например, словесные знаки старославянского происхождения *прелесть* и *теплота*, которые могут употребляться в религиозном и светском дискурсах, тождественны по своему графическому и акустическому облику общеупотребительным словам нерелигиозного содержания. Ср.: *Прелесть духовная – состояние ложного духовного самосознания*, при котором тонкое действие собственных страстей (прежде всего тщеславия) и *воздействие на душу и тело падших духов субъективно воспринимается человеком как Божественная благодать и, в крайней форме, как святость* [1]. *Прелесть* 1. Обман, обольщение. 2. Блуждание, уклонение [16, с. 271]; 1. Очарование, обаяние, привлекательность. 2. Приятные пленяющие явления, впечатления. 3. О ком-чем-н. прелестном, чарующем. 4. мн. Внешние черты женской красоты: женское тело (устар. и ирон.) [16, с. 583]; *Теплота́* 1. кипение, пыл... пыл веры, исполненный Духа Святаго. 2. вода (кипяток), которая вливается в потир [16, с. 355]; 1. Горячая вода, вливаемая в потир перед причащением. 2. Горячая вода (иногда подслащенная или с добавлением вина), которую дают причастникам вместе с кусочком просфоры непосредственно после причащения; запивка [17, с. 380]. 1. см. тёплый. 2. Форма движения материи – беспорядочное движение частиц тела; энергетическая характеристика теплообмена, определяющаяся количеством энергии, к-рое получает нагреваемое тело (отдает охлаждаемое тело) (спец.) 3. То же, что тепло (разг.) [15, с. 794].

Анализ толковых словарей общенародной лексики показывает, что в статьях нередко отсутствуют значения слов, принадлежащих православной терминологической системе (последний пример содержит только термин физики с пометой *спец.*) и не поясняются различия общенародных нейтральных слов и терминов.

В настоящее время уже существуют специальные словари, которые помогают разграничить исследуемые термины и общеупотребительные слова. Например: *Возглас* и *Возглас (терм.)* [5, с. 33]. *Воздух (нейтр.)* и *Воздух (терм. плат, предмет богослужения)* [5, с. 33]; *Воздух*. Предмет богослужения, относящийся к священным сосудам: четырехугольный плат, которым во время литургии покрывают священные сосуды – дискос и потир [17, с. 97] Ср. также с информацией, которую дает Русско-сербский и сербско-русский богословский словарь: *воздух* – воздух [*богослужебный предмет*], *воздух* – ваздух [13, с. 65].

Важным для исследуемого вопроса представляется анализ таких общенародных слов, как *любовь*, *гордость*, *смирение*, в плане содержания которых наблюдается «семантическая двуплановость» [9; 10; 11; 19]. Подобные словесные знаки могут выступать и в роли православных богословских терминов, и в роли общеупотребительных слов, в семантике которых отсутствует или почти отсутствует христианская составляющая. Ср.: *Страсть*. 1. Сильная любовь, сильное чувственное влечение. 2. Сильно выраженное чувство, воодушевленность. 3. Крайнее увлечение, пристрастие к чему-н. [15, с. 772]; *Страсть*. 1) страдание 2) обыкн. под титлом: Страсти Христовы 4) свидетельство, подвиг 5) страсть, порабощающее желание, влечение [13, с. 341-342].

Очевидно, что подобные неоднозначные словесные единицы требуют особого внимания специалистов таких направлений языкознания, как терминоведение, семаσιология и лексикография.

Важно подчеркнуть, что современные исследователи терминов и терминологических систем активно обсуждают вопрос о важнейших признаках термина, к числу которых многие ученые относят следующие: соотнесенность с определенным научным понятием (в нашем случае – с богословским или богослужебным понятием), точность и системность. При этом, как справедливо отмечают исследователи, «не могут рассматриваться как обязательные для современных терминологических единиц» требования однозначности и краткости, «так как многие терминологические номинации нередко оказываются полисемантическими и многокомпонентными». Вместе с тем в научной литературе утверждается мысль о возможности терминологических единиц иметь единственное точное значение только внутри определенного терминологического поля. Однако даже в своём терминологическом поле термин может иметь несколько значений. [12, с. 35]. Обозначенные особенности касаются в большинстве случаев терминов греческого происхождения.

Анализ терминов-заимствований греческого происхождения, функционирующих в русскоязычной православной терминологической системе, позволяет сделать вывод о существовании нескольких типов многозначных терминологических единиц:

- однозначные термины: *Иеромонах*. Монах-священник. Рел. Богослужение, совершаемое вечером [18, С. 120];

- терминологические единицы, имеющие многозначность внутри терминосистемы православия: *Предстоятель* – 1) епископ (или священник), совершающий в данный момент таинство Евхаристии; 2) глава поместной, Автокефальной Церкви [2];

- многозначные термины, одновременно существующие в различных терминологических системах: *Анафора* – единоначатие, повторение определенного слова или отдельных звуков в начале нескольких строф, стихов или полустиший. Ср.: *Анафора* – греч. = возношение, или приношение [8, с. 16] Возношение = прославление, славословие, величание Возношение святое – одно из наименований св. Даров (хлеба и вина), возносимых Господу на литургии в жертву безкровную [8, с. 89].

Думается, что описанные семантические особенности православной терминологической лексики, требуют дальнейшего научного осмысления. Представляется необходимым включение в толковые словари некоторых многозначных словесных единиц для разъяснения точных правил употребления терминов в сфере религии и за ее пределами.

Библиографический список

1. «Азбука веры» – православный интернет-портал. Духовная прелесть. URL: <http://azbyka.ru/prelest-duxovnaya>
2. «Азбука веры» – православный интернет-портал. Предстоятель. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogosluzhenie/bogoslovsko-liturgicheskij-slovar/239
3. Алексеева М.О. Когнитивные аспекты изучения терминологии русского православия // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 119. С. 197-201.

4. Бугаева И.В. Язык православных верующих в конце XX–XXI века. Монография. М.: РГАУ-МСХА им. Тимирязева К.А., 2008. 240 с.
5. Бугаева И.В. Словарь ударений религиозной лексики Словарь сокращений религиозной лексики: Русский язык. Православие. Кругъ, 2009. 224 с.
6. Гольберг М.И. Религиозно-проповеднический стиль современного русского литературного языка: моральные концепты: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002. 16 с.
7. Горюшина Р.И. Лексика христианства в русском языке (системные отношения прямых профессиональных и производных светских значений слов): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01: Волгоград, 2002. 180 с.
8. Дьяченко Г. (сост.) Полный церковно-славянский словарь. М., 1993. 1158 с.
9. Загоровская О.В. О семантических особенностях лексики тематической сферы «Православие» в современном русском языке // Русский язык в диалоге культур: материалы Междунар. науч. конф.: в 3-х ч. / науч. ред. Л.В. Ковалева. Воронеж: Воронеж. гос. арх.-строит. ун-т, 2010. Ч. 1. С. 220-224.
10. Загоровская О.В. Русская православная лексика как предмет изучения в современной русистике // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе: сб. научных трудов. Вып.18 [под ред. докт. филол. наук, проф. О.В. Загоровской]. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2012. С. 3-14.
11. Загоровская О.В. Семантическая многоплановость слова «совесть» в русском языке и русской духовной культуре (по данным лингвистических и энциклопедических словарей и справочников) [Текст] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 10(40). Ч. 2. С. 54-58.
12. Загоровская О.В. Термин и терминология. Воронеж: Научная книга, 2011. 136 с.
13. Кончаревић К. Радовановић М. Руско-српски и српско-руски теолошки речник. Руско-сербский и сербско-русский богословский словарь, Београд: Службени гласник, 2012, 360 с.
14. Матей И.К. Православная лексика в современном русском языке и языковом сознании его носителей: дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012. 185 с.
15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. 944 с.
16. Седакова О.А. Церковно-славянорусские паронимы: Материалы к словарю. М.: Греко-латинский кабинет И.М. Шичалина, 2005. 432 с.
17. Складаревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. 2-е изд., испр. М.: Астрель АСТ, 2008. 447 с.
18. Складаревская Г.Н. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. СПб, 1998. 700 с.
19. Шевченко И.С. История формирования семантики слова «алчность» в русском языке // Известия ВГПУ. № 4(269). 2015. С. 100-102.

References

1. "Alphabet of faith" – Orthodox Internet portal. Spiritual charm. URL: <http://azbyka.ru/prelest-duxovnaya>

2. "Alphabet of faith" – Orthodox Internet portal. The Primate. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogoslužhenie/bogoslovsko-liturgicheskij-slovar/239
3. Alekseeva M.O. Cognitive aspects of studying the terminology of Russian Orthodoxy // *Izvestiya RGPU A.I. Herzen*. 2009. № 119. P. 197-201.
4. Bugaeva I.V. Language of Orthodox believers in the end of XX–XXI century. Monograph. Moscow: RGAU-ICCA them. Timiryazev K.A., 2008. 240 p.
5. Bugaeva I.V. The Dictionary of accents of religious vocabulary. Dictionary of religious vocabulary: Russian language. Orthodoxy. 2009. 224 p.
6. Gol'berg M.I. Religious preaching style of the modern Russian literary language: the moral concepts: abstract. Diss. cand. filol. sciences. M., 2002. 16 p.
7. Goryshina R.I. Vocabulary of Christianity in the Russian language (the system of relations of direct religious and secular values derived words): Diss. kand. filol. sciences: Volgograd, 2002. 180 p.
8. Diachenko G. (ed.) Full Church Slavonic dictionary. M., 1993. p. 1158.
9. Zagorovskaya O.V. On the semantic features of the vocabulary and thematic fields of "Orthodoxy" in the modern Russian language // *Russian language in dialogue of cultures: materials of Intern. scientific. Conf.: in 3 hours*. edited by L.V. Kovaleva. Voronezh: Voronezh. GOS. Arkh. builds. Univ, 2010. Part 1. P. 220-224.
10. Zagorovskaya O.V. Russian Orthodox vocabulary as a subject of study in modern Russian) // *Modern problems of linguistics and methods of teaching Russian language in University and school: collected scientific papers. Vol.18* [under the editorship of doctor. filol. Sciences, Professor O. V. Zagorovskaya]. Voronezh: IPC Science book", 2012. P. 3-14.
11. Zagorovskaya O.V. Semantic diversity of the word "conscience" in the Russian language and Russian spiritual culture (according to linguistic and encyclopedic dictionaries and reference books) // *Philological Sciences. Issues of theory and practice*. Tambov: Gramota, 2014. № 10(40). Part 2. P. 54-58.
12. Zagorovskaya O.V. Term and terminology. Voronezh: Scientific book, 2011. 136 p.
13. Koncharevich K. Radovanovich M. Rusko-srpski and srpski-Ruski Rechnik teoloski. Russian-Serbian and Serbian-Russian theological dictionary, Beograd: sluzbeni glasnik, 2012. 360 p.
14. Matey I.K. Orthodox vocabulary in the modern Russian language and linguistic consciousness of the native speakers: kand. filol. Sciences. Voronezh, 2012. 185 p.
15. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Dictionary of the Russian language: 80000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences. The Russian language Institute. V.V. Vinogradov. 4-e Izd., supplemented. M.: OOO "ITI Technologies", 2008. 944 p.
16. Sedakova O.A. Church-slavonic paronyms: materials for the dictionary. M.: Greco-Latin Cabinet Shichalina I.M., 2005. 432 p.
17. Sklyarevskaya G.N. Dictionary of the Orthodox Church culture. 2nd ed. Rev. M.: Astrel, AST, 2008. 447 p.
18. Sklyarevskaya G.N. Explanatory dictionary of Russian language of the late XX century. Language changes. SPb, 1998. 700 p.
19. Shevchenko I.S. History of the formation of the semantics of the word "greed" in the Russian language // *Proceedings of the VGPU*. № 4(269). 2015. P. 100-102.

УДК 81

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка

Куликова И.С.

канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка

Салмина Д.В.

Россия, г. Санкт-Петербург,

тел. +7(812)705-73-36

e-mail: salminad@rambler.ru

The Herzen State Pedagogical University of Russia

The department of the Russian language

PhD, associate professor

Kulikova I.S.

PhD, associate professor

Salmina D.V.

Russia, St. Petersburg, +7(812)705-73-36

e-mail: salminad@rambler.ru

И.С. Куликова, Д.В. Салмина

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ «БАЗОВЫЙ ТЕРМИН»

В статье рассматривается вопрос о терминологическом статусе словосочетания **базовый термин** в его отношении к сходным словосочетаниям **основной термин** и **ключевой термин** как компонентам метаязыка научного текста. Отмечается, что семантика **базового** и **ключевого** терминов дифференцируется на основе очевидной, но разнонаправленной когнитивной составляющей: творческой у **базового термина** и познавательной у **ключевого термина**. Словосочетания (синтагмы) **основные понятия/термины** имеют широкий экстенционал вследствие чрезвычайно широкого экстенционала определяющего прилагательного, что лишает их терминологического статуса. Поэтому выбор из двух определений к слову *термин* – **основной** или **базовый** – не является принципиальным и предположительно зависит от общетеоретической или описательной, собственно научной или обучающей направленности текста.

Ключевые слова: базовый термин, ключевой термин, основные понятия/термины.

I.S. Kulikova, D.V. Salmina

ON STATUS OF THE TERMINOLOGICAL PHRASES «BASIC TERM»

This paper examines the status of the terminological phrases **basic term** in its relation to similar phrases **generic term** and **key term** as a component of meta-language scientific texts. It is noted that the semantics of the **basic** and **key terms** is differentiated on the basis of the obvious, but multidirectional cognitive component: creative at the **base term** and informative at the **key term**. Phrases (syntagma) **basic concepts/terms** are due to the extension of a very broad extensional qualifying adjective, which deprives them of the status of terminology. Therefore, the choice of the two definitions of the word *term* – the main or base – is not critical and is expected to depend on the theoretical or descriptive, strictly scientific or training orientation of the text.

Key words: basic term, key term, basic concepts/terms.

В метаязыке лингвистической науки есть словосочетания, терминологический статус и содержание которых, в силу их внешней простоты и как будто бы очевидности, чаще всего не обсуждаются. Однако как только они становятся объектом лингвистической рефлексии, выясняется, что дать таким словосочетаниям выверенную и строгую дефиницию – дефиницию, которая явила бы исследователю сущность «изученной

вещи», как минимум не очень просто. Мы имеем в виду словосочетание «базовый термин», а также ассоциативно связанные с ним «основной термин» и «ключевой термин».

Много лет занимаясь теоретически и практически проблемой лингвистической терминологии, мы пользуемся словосочетанием «базовый термин» в своих книгах: в монографии «Введение в металингвистику» [7, с.154, 215, 223, 245 и др.], в «Обучающем словаре лингвистических терминов» [8, с. 5], в учебнике «Введение в языкознание» [9, с. 12, 44, 71, 96 и др.], а также на занятиях по общелингвистическим дисциплинам, но *никак при этом не оговариваем его собственно терминологическое содержание*, ошибочно полагая его само собой разумеющимся.

А.В. Лемов в диссертации «Система, структура и функционирование научного термина» высказал сомнение в правомерности употребления сочетания «базовый термин»: «Прозрачность внутренней формы обусловила возможность неодинаковых осмыслений и приписывания ему разнообразных характеристик и определений, уводя от строго терминологического употребления», вследствие чего он приобретает в научных текстах «настолько неопределённое содержание, что по сути дела детерминологизируется» [12, с. 251–252].

Сравним несколько случаев такого употребления, сознательно ограничившись на этом этапе собственными работами, в которых лексема **базовый** встречается часто, в том числе и в синтагматической связке с лексемой **термин**:

► «Введение в языкознание» (первая в ряду «**Комплексных целей**» к гл. 11. «Язык и картина мира»): «**знать: базовые понятия и термины: этнолингвистика, лингвокультурология, картина мира, научная картина мира, наивная картина мира, языковая картина мира, ключевые слова культуры**» [9, с. 440].

► «Введение в металингвистику»: «**Структурным центром Т–МКС [текстовой металингвистической коммуникативной ситуации] является, как правило, термин или парадигма терминов, базовых для соответствующего исследования или для его части (последнее особенно характерно для учебников по введению в языкознание и общему языкознанию)**» [7, с. 154].

► «Современная лингвистика в контексте смены научных парадигм» (электронное учебное пособие). Формулировка задания: «1. На основании прочитанного лекционного материала подготовьтесь к беседе на тему, как именно вы используете **термины функциональной и / или коммуникативной серии в своей исследовательской работе**: <...> – являются ли они для вас **базовыми** или **проходными**?» [10, с. 232].

К сожалению, очевидно, что словосочетание «базовый термин» в приведённых фрагментах функционально и семантически не тождественно, т.е. причина сомнений А.В. Лемова весьма основательна. При этом *первопричина* устойчивого смыслового разнобоя прилагательного **базовый** заложена в самом языке и в особенностях коммуникативного узуса, сложившегося в современном научном дискурсе. Цель данной статьи – защитить и обосновать терминологический статус словосочетания **базовый термин**.

Необходимо обратить внимание на одно немаловажное обстоятельство: прилагательное **базовый**, особенно в абстрактных значениях общей семой ‘основной’ (а не ‘опорный’) – слово молодое. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова оно имеет помету (нов.) и первоначально соотносилось только с конкретными значениями слова **база** (воен.) и (спец.). Абстрактные оценочные значения начинают активизироваться, по данным НКРЯ, только в самом конце 90-х годов XX в., а с 2000

года график ruscogroga.ru фиксирует резкий – и не кончающийся – взлёт его активности: в НКРЯ лексема (лемма) **базовый** представлена 3462 вхождениями в 1995 документах, из которых на XX век приходится только 193 (т.е. менее 10%). Иными словами, мы имеем дело с одним из «модных» слов начала XXI века, подобным лексемам *концепт* и *дискурс*, для которых возможность нестрогого употребления стала своего рода нормой, в данном случае к тому же провоцируемая общностью сем ‘основной’, ‘главный’ в абстрактных значениях «основополагающий», «принятый за основу», «ведущий в ряду подобных».

Толковые словари фиксируют у исходного слова **база** 3–6 значений (расхождение за счёт оттенков значения в МАС). Однако относительное прилагательное **базовый**, что в принципе характерно для дериватов, с одной стороны, соотносится не со всеми значениями производящего, а с другой – приобретает дополнительные значения. Наиболее полно его семантика раскрывается в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова, хотя прилагательное и дано внутри статьи производящего существительного **база**: < **Базовый**, -ая, -ое. Соотнесём примеры этого словаря с соответствующими значения полисеманта **база** и дополним, где этого требует тема, многократно повторяющимися словосочетаниями из текстовых фрагментов НКРЯ:

- *Базовый лагерь альпинистов* (4. Опорный пункт какой-л. профессиональной группы людей (во время их работы, похода и т.п.));
- *Базовый аэродром* (6. Воен. Специально оборудованная территория с размещёнными на ней войсками, боеприпасами, оружием и т.п.);
- *Базовое предприятие* (2. Основа, основание чего-л. → «ведущее в ряду подобных»). НКРЯ: *организация, отрасль, кафедра*;
- *Базовый размер детали* (2. Основа, основание чего-л. → «принятый за основу; типовой»). НКРЯ: *образование, знания, программа, учебник, технологии; документ, стандарт, схема, модель; бюджет, ставка, пенсия*;
- *Базовые проблемы науки* (2. Основа, основание чего-л. → «основополагающие»). НКРЯ: *понятия, идеи, проблемы, ценности, принципы, концепции, положения, выводы, дисциплины, компоненты, права, условия, факторы, посылки* и т.п. (обычно в форме мн. ч.). Полагаем, что значение «основополагающий» прежде всего актуально для научного дискурса.

Интересующее нас сочетание **базовый термин** (в им и род п. ед. ч.) в НКРЯ зафиксировано **только в 3 вхождениях**, т.е. как минимум на порядок реже, чем, например, словосочетания *базовый принцип*, *базовые ценности*. Это, к сожалению, свидетельствует о его слабой узуальной закреплённости, что не способствует терминологизации и фактически поддерживает позицию А.В. Лемова. Мы усматриваем две причины низкой частоты словосочетания. Первая причина, формальная, – малое количество извлечений из собственно научных текстов в этой части НКРЯ – казалось бы, должна устраняться прямым обращением к научным (в нашем случае – лингвистическим) текстам, для которых актуально значение «основополагающий». Вторая причина скрыта в самом научном дискурсе, и к ней мы вернёмся позже.

Именно значение «основополагающий» открывает в «Словаре русских синонимов» [dic.academic.ru] богатый синонимический ряд: **Базовый** – *базисный, основной, центральный, коренной, кардинальный, узловый, ключевой, стержневой, основопола-*

гающий, краеугольный, базальный, конститутивный, субстанциональный, органический, имманентный, атрибутивный, опорный, существенный.

Однако неоднородность синонимического ряда (см., например, несинонимичность прилагательных *опорный* и *атрибутивный*, *основной* и *имманентный*) свидетельствует об отсутствии у этого значения доминанты ряда **базовый** абсолютной целостности, что подтверждает мысль Л.О. Чернейко: «Особенность абстрактных имён состоит в обязательности приращённых смыслов в их содержании, не позволяющих представить их семантику как арифметическую сумму простых идей» [17, с. 72]. Это хорошо демонстрирует и контекстуальное окружение слова **базовый** в разных авторских фрагментах в НКРЯ (сохранены только имена авторов): *единые для всех правила, некие базовые понятия* [Игорь Пылаев]; *базовые принципы, требования заложены в основу выбора приоритетов* [Дан Медовников, Андрей Фурсенко]; *базовые, универсальные знания* [коллективный. Профессиональный стандарт: pro et contra]; *так называемые универсалии, обозначающие базовые понятия, без которых невозможно человеческое существование в любой культуре и в любое время* [Ирина Прусс]. Примеры показывают, что наиболее осознаваемым и фиксируемым в значении слова **базовый** является компонент 'универсальный'.

Обратимся непосредственно к работам лингвистов. Из всего богатства синонимического ряда в сочетании со словом **термин** в 17 лингвистических текстах (см. библиографию) встретились определения **базовый** (27), **основной** (8), **ключевой** (6), **базисный** (1), **узловой** (1), **опорный** (1).

Однокоренной, паронимический синоним **базисный**, по данным НКРЯ, на порядок менее активен: помимо отчётливо ощутимой книжности, за ним – в сознании старшего поколения лингвистов – тянется идеологический шлейф марковского «нового учения о языке» как надстройке над экономическим базисом. Однако для основной массы современных отечественных языковедов слово **базисный**, очевидно, уже лишено такой коннотации, что позволило, например, М.П. Котуровой и Е.А. Баженовой использовать его как синоним в терминологическом словосочетании **«исходные (базисные) термины»**, «не определяемые в рамках терминосистемы излагаемой концепции» [6, с. 53]. На наш взгляд, перспектива его дальнейшего функционирования как наиболее точного синонима лексемы **базовый** туманна. (По крайней мере до «освящения» его каким-либо фундаментальным исследованием.)

Слово **опорный** используется для именованя родового компонента (терминоэлемента) составного термина атрибутивной структуры [см. например: 1, с. 23]. Так, *язык* – опорный термин для большого числа составных терминов: *литературный язык, национальный язык, мёртвый язык, искусственный язык* и др. Способность таким образом участвовать в структурировании составных терминологических единиц отмечается А.М. Лейчиком у **базовых терминов** [11, с. 127], а Д.С. Лотте у **узловых** [13, с.16], но это именно структурная характеристика – предикат одного и того же, хотя и по-разному названного, класса (типа) терминов в составе терминосистемы.

Следовательно, эпизодически (в нашем материале – однократно) встречающиеся прилагательное **базисный** [6, с. 53] и **узловой** [13, с. 16] не могут претендовать в связке с лексемой **термин** на узуюльную терминологическую закреплённость, а **опорный** выводит составной термин из поля «Терминосистема» в поле «Терминообразование».

Объект, подлежащий дальнейшему анализу, сокращается до трёх компонентов: **базовый, основной и ключевой**.

Вторая причина невысокой частоты рассматриваемого словосочетания кроется в самом научном дискурсе: коммуникативные и текстовые ситуации, которые нуждаются в прямой экспликации иерархической характеристики используемых автором терминов, а следовательно, и в использовании словосочетания **базовый термин**, ограничены. Обычно это методологически важное для любого исследователя знание, обуславливающее и отбор терминов, и особенности их введения в текст (например, с определением или без него), существуют на уровне авторского сознания, но не вербализуются.

Имеющийся материал позволяет выделить три сферы их использования для иерархического распределения терминов: а) в описании метаязыка и теоретических основ науки (в нашем случае – лингвистики), т.е., в терминологии В.М. Лейчика, в терминофиксирующих и терминоиспользующих текстах (в терминологических словарях идеографического типа и в учебных пособиях); б) в терминоиспользующих исследовательских текстах, предлагающих анализ концепции научного направления, школы или авторской теории, что предполагает обязательный анализ соответствующего метадиалекта; в) в собственно исследовательском, т.е. терминосоздающем, научном тексте при его подготовке к публикации. По нашим наблюдениям, в первой сфере конкурируют словосочетания **базовый термин** и **основной термин**, во второй и третьей – **базовый термин** и **ключевой термин**. Из этого следует, что семантика словосочетания **базовый термин** расщепляется. Рассмотрим выдвинутую гипотезу.

Словосочетание **базовый термин как единица метаязыка** терминоведения получают более или менее чётко оформленное определение и **соответствуют определённому классу терминов** в двух работах по общему терминоведению: у В.М. Лейчика и С.В. Гринёва-Гриневича. Оба автора выделяют – на нетождественных основаниях – базовые термины в ряду других типов, которые частично пересекаются.

В.М. Лейчик на основе «логического подхода к составу терминосистемы» [11, с. 124] выделяет интересующий нас класс (тип) терминов в следующем – логически не слишком однородном – ряду: *основные термины, производные, сложные, базовые, привлеченные, общенаучные и общетехнические термины и термины широкой семантики* [11, 126–128]. К **базовым** отнесены термины, которые «обозначают используемые в терминосистеме (выделено нами. – И.К., Д.С.) понятия базовых наук, т.е. наук и других областей знания, которые образуют фундамент данной области знания» [11, 127]. В качестве примеров приводятся термины физики, *атом* в химии, термины анатомии и физиологии в медицине. Надо полагать, что для лингвистики на разных этапах её формирования такими базовыми терминами, если следовать Лейчику, могут быть термины логики (*понятие, суждение, концепт, пропозиция* и др.) или психологии (*представление, ассоциация, апперцепция* и др.), хотя не совсем понятно, как тогда провести границу между базовыми и привлеченными терминами.

Как уже отмечалось, важным признаком базовых терминов признаётся их способность «выступать в качестве терминоэлементов при создании составных терминов» [Там же], что перекликается с характеристикой **узловых терминов** у Д.С. Лотте [см.:13, с. 16].

С.В. Гринёвым-Гриневичем словосочетание **базовый термин как факт метаязыка** включено в два классификационных ряда на двух основаниях. Первый ряд пред-

ставлен «с точки зрения образования и развития терминологии» и включает *базовые, собственные* и *привлечённые* термины. К **базовым терминам** отнесены «заимствованные при зарождении данной терминологии из области лексики, которая лежала в её основе, являлась базой для её формирования» [2, с. 61]. Эта характеристика близка к той, которую даёт В.М. Лейчик (и на которого есть отсылка в работе), но возглавляемый базовыми терминами классификационный ряд иной, двухуровневый: на втором уровне среди *собственных терминов* выделены «основные термины, называющие основные понятия данной области знания», *производные, сложные*, а далее – «ядерные, принадлежащие к ядру данной терминологии», и *периферийные* [Там же]. (Приходится с сожалением отметить, что тавтология и логический круг делает приводимые определения неудовлетворительными.)

Далее хронологическое основание выделения класса базовых терминов усугубляется в сторону этимологии: «Наиболее древние области знания *заимствовали базовые термины* из общеразговорной лексики <...> более молодые науки *заимствовали базовые термины* из общенаучной и общетехнической лексики, а еще более молодые – из лексики конкретной области знания, на основе которой они возникли (выделено нами. – И.К., Д.С.)» [2, с. 196]. В этом случае проекция на лингвистику оказалась бы весьма противоречивой: будучи сравнительно молодой наукой, языковедение шло и по первому пути терминологизации своих объектов, метафоризируя общенародные слова *глагол, корень, лицо, время, число* и т.п., и по третьему пути, облекая в строгие термины наивные понятия «бытовой философии языка» [4]: *язык, слово, речь, имя, звук, письмо, высказывание, текст*. Но можно ли все их отнести безоговорочно к базовым в историко-хронологической трактовке Гринёва?

Отмеченный генетический (исторический) и классификационный подход, естественный для терминоведов, фактически ограничивает зону использования специальной номинации **базовые термины** пределами терминоведческих текстов. Между тем материал показывает, что сфера её употребления шире, конкурируя с синтагмой **основные термины**. Ср. например, в монографии Е.И. Гусевой: «*Представители новых направлений склонны считать вытеснение традиционной терминологии, в том числе и базовых терминов лингвистики, уже состоявшимся фактом*»; «*Неоднозначность отличает почти все основные метатермины*» [3, с. 99, 225]. Попытаемся разобраться в природе этой конкуренции.

Если у С.В. Гринёва-Гриневича **основные термины** отодвинуты назад хронологическим подходом к классификации, то В.М. Лейчик не только отводит им первое место в типологии терминов, но и предлагает очень содержательное контекстуальное определение: «Обозначая главные понятия системы понятий некоторой определённой области знания и (или) деятельности, эти *термины* представляют **ядро терминосистемы**, почему их и называют еще *ядерными* или *терминами-доминантами* (выделено нами. – И.К., Д.С.)» [11, с. 126]. Если номинация «**термины-доминанты**» (доминирующие термины?) кажется достаточно удачным и перспективным синонимическим напарником к *основному термину*, то номинация *ядерные термины* в этом же значении, с нашей точки зрения, слишком привязана к полемому взгляду на терминологию, который не является общепризнанным.

Общенаучные термины – в нашем случае общелингвистические – начиная с терминов *язык* и *речь*, обозначают структурные и функциональные **универсалии** языка (например, *значение, функция, система, узус, норма, структура, единица языка* и др.) и

необходимы при описании любого языка и в разных лингвистических дисциплинах. Иными словами, это **термины теории языка**, без овладения которыми невозможно представить подлинно научное обсуждение ни одной языковой проблемы. **Именно они (основные, по Лейчику), по нашему мнению, имеют больше всего оснований называться базовыми, т.е. «основополагающими».**

Такой смысл, хотя и не сформулированный, вкладывается авторами данной статьи в сочетание **базовый термин** в их учебнике «Введение в языкознание», где каждая глава предварена методическими комплексными целями «знать», «уметь», «владеть», причём первая цель раскрывается списком *базовых терминов и понятий*. При этом учитывается наличие не только общенаучных, но и отраслевых основополагающих терминов, за которыми стоят универсальные понятия отдельных дисциплин. См., например, в начале главы 4 «Фонетика»: **знать: базовые понятия и термины: речевой аппарат, активные и пассивные органы речи, артикуляция, фазы артикуляции, артикуляционная база, вокализм, консонантизм, фонология, фонема, сигнификативная и перцептивная функции фонемы, дифференциальные и интегральные признаки фонемы, аллофон, позиционные и комбинаторные процессы, слог, ударение** [9, с. 96].

Всего в 16 главах учебника представлены таким способом 207 базовых терминов, за которыми стоят базовые понятия. Сочетание **базовый термин** получает здесь статус **составного термина со значением «основополагающий», совмещая теоретическое содержание с методической функцией**. Это особенно очевидно в следующем комментарии «Введении в металингвистику»: *«Понятия-термины “номинативный” и “эргативный” строй не входят в обязательный минимум базовых терминов по данному курсу»* (имеется в виду введение в языкознание) [7, с. 176].

Представляется, что такое совмещение «ролей» словосочетания **базовый термин** вполне оправдано в учебниках и других пособиях по общелингвистическим дисциплинам, где студент вводится в метаязык теории. Именно таков его статус и в «Обучающем словаре лингвистических терминов», хотя в предисловии к нему методический аспект выведен на первое место: *«Большой объём словника предполагает разные уровни коммуникативного усвоения терминов, что отражено в словаре параграфически – разной шрифтовой подачей терминов.*

***I уровень – уровень базовых понятий** общей лингвистики и её разделов – выделен «чёрным» (жирным) шрифтом. Соответствующие термины должны быть усвоены как обязательные и войти в активный профессиональный словарь студента, т.е. первокурсник должен не только правильно употреблять их в специальной речи, но и уметь давать им дефиницию, устную и письменную»* [8, с. 5].

Отметим важный момент: соседство «под зонтиком» одного определения **базовый** таких единиц метаязыка, как **термины и понятия** или даже их совместное использование («**термины и понятия**») типично для научного дискурса. Определяемые «термин» и «понятие» в этих синтагмах, исходя из сути термина как обозначения специального понятия (концепта), неразрывно связаны, как форма и содержание, означающее и означаемое. Причём – в отличие от пары «слово» и «понятие» – эта связь такого рода, которая допускает кореферентную мену: говоря «термин», мы подразумеваем «понятие» – говоря о научном понятии, мы подразумеваем обязательное закрепление его в термине. См., например, в монографии Л.В. Поповой, посвящённой проблеме определения качества термина, цитаты из ЛЭС, где в словарной статье «Функции языка»

«термин эмотивная функция указан как **базовый термин**», и из работы Н.А. Слюсаревой: «... в XX столетии... в число **базовых понятий лингвистики** вошло понятие *функции*» [14, с. 89, 140]. Разумеется, если автор подчёркивает именно процесс означивания специального понятия, то кореферентная мена становится невозможной. Например: «...варианты ословливания одного из **базовых понятий когнитивной науки**: ...ментальные **репрезентации** (внутренние **представления, модели**)» [3, с. 76]

В работах по соответствующим отраслевым проблемам чаще встречается обозначение **основные термины** или **основные понятия**, например: «*основные лексикографические понятия*» «...английские и русские словари, содержащие *основные лексикологические термины*» [15, с. 81, 196], «*основные понятия синтаксиса*» [5, с. 5] и т.п. Однако экстенционал этих номинаций шире, чем у номинации **базовые термины**, охватывая как основополагающие термины типа *толкование слова, словарная статья; лексическое значение, денотат, коннотация; предложение, предикативность*, так и **родовые** термины следующего, более низкого уровня. Например, в фонетике *ряд, подъём, лабиализация, ассимиляция*, и т.п.: им тоже соответствуют структурные универсалии, но они, в отличие от перечисленных выше, **не являются основополагающими**, т.е. такими, на которых держится современная теория фонетики. Видовые термины к основным не относятся, поскольку лишены свойства универсалий, обозначая реалии, варьирующиеся по языкам.

Представляется, что столь широкий экстенционал синтагмы **основные понятия / термины** – следствие безгранично широкого экстенционала самого прилагательного, что характерно для свободных словосочетаний, лишённых терминологического статуса. Поэтому выбор из двух определений к слову *термин* – **основной** или **базовый** – не является принципиальным и зависит, видимо, от общетеоретической или описательной, собственно научной или обучающей направленности текста. Показательно, что авторы данной статьи в своём учебнике не включают в список базовых терминов и понятий фонетики наименования дифференциальных признаков фонем и типов позиционных и комбинаторных процессов (см. пример выше), но – из лингводидактических соображений – повышают их статус до базовых в «Обучающем словаре...».

Итак, словосочетание **базовый термин / понятие** – в отличие от синтагмы **основной термин / понятие** – в терминофиксирующих и терминоиспользующих текстах имеет статус составного термина со значением «основополагающий».

Обратимся к терминосоздающим научным текстам, имеющим как конечный выход публикацию. В XXI в. получил распространение композиционный компонент научных публикаций «ключевые слова» (в НКРЯ термин *ключевые слова* зафиксирован в 494 документах, из которых 470 – с 2000 г.). Это, безусловно, активизировало употребление прилагательного *ключевой* в научном дискурсе с расширенной синтагматикой, в том числе и в сочетании **ключевой термин** (13 вхождений в разных словоформах в НКРЯ; 6 употреблений в нашем материале). Именно оно становится конкурентом синтагмы **базовый термин**, когда речь идёт об основополагающих терминах *научной концепции или научного направления*. Однако в статусе терминов эти словосочетания – в отличие от пары **базовый / основной термин** – не могут быть свободно заменяемыми в силу различия семантики.

По данным НКРЯ слово **базовый** (преимущественно в форме мн. ч.) в значении «основополагающий» часто и свободно сочетается с ментальной лексикой: *понятие*,

концепция, проблема, вопрос, принцип, положения, идея, т.е. **содержит в значении и чётко выраженный когнитивный компонент**. Назовём его условно 'концептообразующим'. Именно в таком значении лексема *базовый* в разном синтагматическом окружении чаще всего встречается в собственно научных текстах. Так, В.Д. Табанакова в монографии 2013 г. использует терминологическое словосочетание **базовые категориальные понятия**, имея в виду понятия, «которые могут выполнить классификационную и систематизирующую функции в процессе моделирования лингвистического знания», и выделяет 8 **универсальных базовых категорий**: единица, форма, категория, значение, структура, функция, система, метод [16, с. 15–16]. Очевидно, что для автора эти понятия являются методологическими и не имеют прямого отношения к иерархии терминов в системе.

Поэтому базовый термин в научном тексте должен, на наш взгляд, рассматриваться с позиции когнитивистики, т.е. **не столько с точки зрения места термина в системной иерархии, сколько с точки зрения роли в познавательном процессе – как термин концептосоздающий**.

Слово *ключевой*, синонимизируясь с лексемой *базовый* в значении «главный, важный» (МАС: 3. Наиболее значительный в каком-л. отношении) не имеет значения «основополагающий», т.е. сочетание *ключевой термин* предполагает иной угол зрения. В данном случае актуализируется сема 'открывающий возможности в овладении' (содержанием предлагаемого текста), что перемещает *ключевой термин* в область не творческой, а **познавательной когниции**, и более того – **в область коммуникации и прагматики** (т.е. как *концептораскрывающий* термин). Одно и то же понятие, один и тот же термин в оригинальной научной концепции – это базовое понятие, базовый термин с позиции исследователя и *ключевой* – с позиции читающего текст или анализирующего, знакомящегося с концепцией, поскольку слова-ключи служат ориентирами для читателя, помогают расшифровать текст и организовать его понимание

Выше приводились примеры использования слова *базовый* (о функциях языка) из книги Л.В. Поповой; тем примечательнее, что, анализируя в сопоставительном плане терминосистемы нескольких направлений функциональной грамматики, автор последовательно использует как предикат термина слово *ключевой*: «**ключевыми терминами теории функциональной грамматики М. Хэллдея являются...**»; «**ключевыми терминами теории Г. А. Золотовой являются ...**»; «**ключевыми терминами теории Н. А. Слюсаревой являются...**» [14, с. 150, 153, 155].

Поэтому, предлагая студентам при изучении современных лингвистических направлений *аналитическое чтение* словарных статей ЛЭС с выделением «*базовых терминов* данной отрасли знания ...» [7, с. 215], было бы уместнее использовать сочетание *ключевые термины*. Однако это смысловое различие может нейтрализоваться, если познавательно-аналитический аспект уступает место описательно-фиксирующему. Ср.: «...практика введения **базовых терминов** когнитивной лингвистики» [3, с. 85]

Предлагаемое разведение употребления сочетаний *базовый термин* и *ключевой термин* не всегда легко осуществляется на практике. Рассмотрим следующий пример – описание работы студентов магистратуры с предметным указателем в книге В. Гумбольдта «Избранные труды по теории языка»:

«Студентам предлагается сделать выборку **базовых**, следовательно, *наиболее употребительных и образующих тематические серии единиц метаязыка* [терминов] Гумбольдта, и в ходе беседы представить в самом общем виде тезаурусную структуру

его научной концепции, обосновав ее характеристику как «философии языка» и обозначив основные проблемы, требующие углублённого рассмотрения на занятиях. Цитатная форма «Предметного указателя» позволяет использовать и дополнительный ориентир для выбора *концептообразующих понятий*, а именно – использование соответствующих терминов в предложениях тождества, выполняющих функцию более или менее строгих дефиниций» [10, с. 29–30]. Поскольку источником выборки является не сам текст, а предметный указатель, т.е. список разных по частоте терминов с краткими цитатными комментариями, читатель-студент получает *базовые* для Гумбольдта *термины* как готовую фиксацию сложного когнитивного процесса творения теории, т.е. *базовый термин* (базовая единица метаязыка) в этом случае получает сдвоенный смысл: и «концептообразующий», и «концептофиксирующий». Одновременно в распоряжении студента оказывается список *ключевых терминов* для последующего этапа работы уже с текстом.

Последний аспект рассмотрения терминосочетания *базовые термины* связан с созданием научного текста: определение статуса термина в этом случае особенно важно, так как от него зависит необходимость дефиниции термина в данном тексте.

М.П. Котюрова и Е.А. Баженова в учебном пособии «Культура научной речи» выделяют в «терминологической системе текста» понятия трёх типов: «1) *исходные* (базисные) – не определяемые в рамках терминосистемы излагаемой концепции, 2) *основные* – определяемые в рамках данной терминосистемы, 3) *уточняющие* – используемые для развития основных понятий» [6, с. 53]. О первой группе речь уже шла выше – это по сути дела общелингвистические базовые основополагающие термины, необходимые для разработки темы. **В перспективе оформления текста** вторую группу терминов, фактически базовых – концептосоздающих и концептофиксирующих для автора работы, предпочтительнее, на наш взгляд, называть, *ключевыми терминами*. Это предпочтение чисто прагматического свойства: именно эти термины выносятся в особую рубрику «Ключевые слова» перед публикуемым текстом; в бакалаврской работе и магистерской диссертации список ключевых слов и представление их дефиниций являются обязательными компонентами приложения.

Подведём итог. Синтагмы *базисный термин* и *узловой термин* не являются терминами, поскольку не закрепились в узусе; синтагма *опорный термин* уводит из области иерархической типологии терминов в область терминообразования.

Синтагма *основной термин* представляется свободным словосочетанием в силу очень широкого экстенционала и функциональной неограниченности прилагательного *основной*. Но в описательных и учебных текстах может выступать субститутом терминологического сочетания *базовый термин* при условии нейтрализации компонента '*основополагающий*'.

Словосочетания *базовый термин* и *ключевой термин* как компоненты метаязыка научного текста-исследования имеют дифференцированную семантику с ярко выраженной, но разнонаправленной когнитивной составляющей: творческой, концептосоздающей и концептофиксирующей, у *базового термина* и познавательной, концептооткрывающей, у *ключевого термина*.

Базовый термин имеет статус термина в значении «основополагающий» для терминов теории языка в любом типе специальных текстов и с добавлением компонентов '*концептосоздающий*' и '*концептофиксирующий*' – для центральных терминов собственно научного исследования. В этом последнем случае он может заменяться словосочета-

нием **ключевой термин**, что стимулировано формированием композиционного компонента публикаций и квалификационных работ «ключевые слова».

Библиографический список

1. Анисимова А.Г. К вопросу о закономерностях перевода терминологических словосочетаний (на материале терминов гуманитарных и общественно-политических наук) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. № 1. 2009. С. 26–31.
2. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. М.: Академия, 2008.
3. Гусева Е.И. Динамика термина: Заимствование. Обновление метаязыка. Развитие лингвистической теории. Мариуполь, Ультрамарин, 2012. 332 с.
4. Кашкин В.Б. Обыденная философия языка, наивная лингвистика и наивная лингвистическая технология // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. I. Кемерово–Барнаул, 2009. С. 41–60. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/kashkin-09a.htm>
5. Коршунова С.О. Тезаурусное моделирование терминологии синтаксиса: Дис. .... канд. филол. наук. Иркутск, 2009. <http://www.dissercat.com/content/>
6. Котюрова М.П., Баженова Е.А. Культура научной речи. Текст и его редактирование: Учебное пособие. 2-е изд. Перераб. и дополн. М.: ФЛИНТА, 2008: Электронная книга. URL: <http://e.lanbook.com>
7. Куликова И.С., Салмина Д.В. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии). СПб.: САГА, 2002. 350 с.
8. Куликова И.С., Салмина Д.В. Обучающий словарь лингвистических терминов. СПб., Москва: Наука, САГА, Совпадение, 2004. 176 с.
9. Куликова И.С., Салмина Д.В. Введение в языкознание: Учебник для бакалавров М.: ЮРАЙТ, 2013. 703 с.
10. Куликова И.С. Современная лингвистика в контексте смены научных парадигм (электронное учебное пособие для студентов 1 к. магистратуры). 2016. 331 с. [russjaz.herzen.spb.ru>Kylik/Kurs_dlya_mag-1_kursa.pdf](http://russjaz.herzen.spb.ru/Kylik/Kurs_dlya_mag-1_kursa.pdf)
11. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
12. Лемов А.В. Система, структура и функционирование научного термина: На материале русской лингвистической терминологии / Автореф. дис....доктора филол. наук. Саранск, 2000. URL: <http://www.dissercat.com/content/>
13. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. М.: Изд-во Академии наук, 1961.
14. Попова Л.В. Лингвистический термин: проблема качества. Опыт составления «Комплексного словаря терминов функциональной грамматики». 2-е изд., стереотип. М.: Флинта, 2011.
15. Табанакова В.Д. Идеографическое описание научной терминологии в специальных словарях (текст): докт. дис. Тюмень, 2001. URL: <http://frgf.utmn.ru/last/diss/diss01.rtf>
16. Табанакова В.Д. Авторский термин: знаю, интерпретирую, перевожу: монография. Тюмень: Изд-во Тюменского ГУ, 2013.
17. Чернейко Л.О. Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.

Reference

1. Anisimov A.G. On the question of the laws governing the transfer of terminological word combinations (on the basis of terms of humanitarian and socio-political science) // Bulletin of KSU named after N.A. Nekrasov. № 1. 2009. P. 26–31.
2. Grinyov-Grinevich S.V. Terminology. M.: Academy, 2008.
3. Gusev E.I. Dinamika term: Borrowing. Update meta-language. The development of linguistic theory. Mariupol, Ultramarine, 2012. 332 p.
4. Kashkin V.B. Ordinary language philosophy, linguistics naive and naive linguistic technology // The ordinary metalinguistic consciousness: the ontological and epistemological aspects // The ordinary metalinguistic consciousness: the ontological and epistemological aspects. Part I. The Kemerovo–Barnaul, 2009. P. 41–60. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/kashkin-09a.htm>
5. Korshunova S.O. Tezaurus modeling of syntax terminology: Dis ... PhD. Philology Sciences. Irkutsk, 2009. <http://www.dissercat.com/content/>
6. Kotyurova M.P., Bazhenova E.A. The culture of scientific speech. Text and editing: Textbook. 2nd ed. Revised and enlarged ed. M.: Flinta, 2008: E-book. URL: <http://e.lanbook.com>
7. Kulikova I.S., Salmina D.V. Introduction to metalinguistics (system, lexicographic and communicative-pragmatic aspects of linguistic terminology). St. Petersburg: SAGA, 2002. 350 p.
8. Kulikova I.S., Salmina D.V. Training Dictionary of linguistic terms. St. Petersburg, Moscow: Nauka, SAGA, Sovpadenije, 2004. 176 p.
9. Kulikova I.S., Salmina D.V. Introduction to Linguistics: A textbook for undergraduate. M.: Yurayt, 2013. 703 p.
10. Kulikova I.S. Modern linguistics in the context of changing scientific paradigms (electronic textbook for students to 1. Magistrates). 2016. 331 p. [russjaz.narod.ru>Kylik/Kurs_dlya_mag-1_kursa.pdf](http://russjaz.narod.ru/Kylik/Kurs_dlya_mag-1_kursa.pdf)
11. Leychik V.M. Terminology: subject, methods, structure. Ed. 3rd. M.: LCI Publisher, 2007. 256 p.
12. Lemov A.V. The system, structure and functioning of the scientific term: On a material of Russian linguistic terminology / Author. Dis ... the doctor filol. Sciences. Saransk, 2000. URL: <http://www.dissercat.com/content/>
13. Lotte D.S. Fundamentals of scientific and technical terminology. M.: Publishing House of the Academy of Sciences, 1961.
14. Popova L.V. Linguistic term: quality problem. Experience in preparation of "Integrated functional grammar dictionary of terms". 2nd ed., a stereotype. M.: Flinta, 2011.
15. Tabanakova V.D. Ideographic description of scientific terminology in specialized dictionaries (text): Doctor. Dis. Tyumen, 2001. URL: <http://frgf.utmn.ru/last/diss/diss01.rtf>
16. Tabanakova V.D. Author's term: I know, interpret, translate: monograph. Tyumen: Publishing House of the Tyumen State University, 2013.
17. Cherneyko L.O. Linguistic and philosophical analysis of abstract name. M., 1997.

УДК 81'373.46

Северный арктический федеральный университет Northern Arctic Federal University

канд. филол. наук, ст. преп. кафедры общего и германского языкознания PhD, Senior lecturer of General and German Linguistics chair

Клепиковская Н.В. Klepikovskaya N.V.

Россия, г. Северодвинск, тел. +7(911)5629859 Russia, Severodvinsk, +7(911)5629859

e-mail: ddiamond-71@yandex.ru

e-mail: ddiamond-71@yandex.ru

Н.В. Клепиковская

ОСОБЕННОСТИ ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ, НОМИНИРУЮЩИХ ПОНЯТИЯ СВАРОЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Статья посвящена определению понятия «термин сварочного производства» и выявлению его основных системных и структурно-семантических признаков. Особенно подчеркивается двойственная природа технического термина, что позволяет трактовать его как единицу общего языка, но номинирующую специальное понятие сварки.

Ключевые слова: терминология, технический термин, признаки термина, структурность термина, системность термина, семантические признаки, сварочное производство.

N.V. Klepikovskaya

SOME PECULIARITIES OF TECHNICAL WELDING TERMS

The present article deals with the defining of welding term and revealing its basic systematic, structural and semantic features. The dual nature of technical term is brought into focus. It allows to regard term as the unit of general language but nominating the special welding concept.

Key words: terminology, technical term, term features, structural property, systematic property, semantic property, welding.

Терминология каждой отрасли научно-технического знания представляет собой совокупность языковых единиц, номинирующих объекты и явления этой области. Технический термин – единица специальной номинации, входящая в состав терминологического массива, обслуживающего конкретную область научно-технического знания. Технический термин сварочного производства – лексическая единица языка (в данном случае английского), которая номинирует научное специальное понятие и употребляется в области сварочного производства.

В данной статье рассматривается технический термин, входящий в состав терминологии сварочного производства, а также определяются его системные и структурно-семантические признаки и свойства.

Долгое время одной из актуальных проблем современного терминоведения оставалась задача определения места термина в языковой системе. Исследователи лингвистического статуса термина определяют его двойственную системность как один из его основных признаков. Рассматриваемый технический термин принадлежит, прежде все-

го, системе общего английского языка, но он также является и элементом терминологической системы данной отрасли технического знания, поэтому его необходимо изучать в системе понятий сварочного производства. Подобная терминологическая системность основывается на понятийной и структурной организации терминосистемы.

Понятийная системность обнаруживается в соотношении сварочного термина со специальным понятием. Термин невозможно рассматривать изолированно, поскольку он через свою семантику оказывается тесно связанным со всей терминосистемой [8; с. 185].

Системность технического термина реализуется в том, что каждый сварочный термин соотносится с определенным понятием в области сварки и занимает свое строго обозначенное место среди других единиц терминологической системы. Данный тип системности находит свое проявление, прежде всего, в существовании гипонимических отношений внутри терминосистемы, а также реализуется на морфологическом уровне, о чем свидетельствует регулярность в употреблении тех или иных словообразовательных средств [4; с. 105].

Все микротерминосистемы в макротерминосистеме сварочного производства организованы по иерархическому принципу и отражают родовидовые отношения между понятиями, характеризующими предметы и явления действительности. Термины каждой микротерминосистемы объединены одним родовым понятием, которое отражено в названии группы. При этом родовидовые связи выражаются терминами-словосочетаниями. В ряду таких словосочетаний постоянная (общая) их часть выражает родовую принадлежность (гипероним), а изменяемые части обладают уточняющей, ограничивающей функцией и выражают более узкие по своей семантике видовые понятия (гипонимы), например:

battered joint / 'соединение с предварительной наплавкой промежуточного металла на свариваемые кромки', *double joint* / 'соединение с двумя швами', *T-joint* / 'Т-образное угловое соединение', *tie-in joint* / 'захлестный стык', *plug joint* / 'защелочное соединение', *double full-fillet lap joint* / 'соединение внахлестку с двухсторонней приваркой', *double-beveled joint* / 'стыковое соединение с двухсторонним скосом кромок', *but-welded joint* / 'стыковое сварное соединение';

austenitic seam / 'аустенитный шов', *double-flanged seam* / 'шов с отбортовкой двух кромок', *fillet seam* / 'угловой шов', *V closing seam* / 'V-образный сварной шов с одним скосом', *girth seam* / 'кольцевой шов', *side seam* / 'горизонтальный шов', *staggered seam* / 'шахматный шов', *strap seam* / 'шов с накладкой', *flanged seam* / 'шов с отбортовкой';

friction stir welding / 'перемешивающая сварка трением', *furnace butt welding* / 'печная сварка встык', *heat welding* / 'термическая сварка', *line welding* / 'прямошовная сварка', *manual arc welding* / 'ручная электродуговая сварка', *narrow gap welding* / 'сварка в узкий зазор', *orbital friction welding* / 'орбитальная сварка трением', *oxy-fuel gas welding* / 'газопламенная кислородная сварка', *seam welding* / 'шовная сварка', *socket welding* / 'сварка внахлест', *taper welding* / 'сварка внахлест'.

Анализ приведенных выше примеров терминологических словосочетаний показывает, что термины *joint*, *seam* и *welding*, входящие в состав словосочетаний, являются родовыми понятиями (гиперонимами) по отношению к терминам с более конкретной семантикой, выраженным сочетанием атрибутива и родового термина; приведенные примеры терминосочетаний представляют собой видовые понятия (гипонимы).

Л. Л. Кутина отмечает, что «действие словообразовательных связей характеризуется двоякой направленностью: группировкой слов в словообразовательные гнезда (объединяющим моментом здесь является тождество корневой морфемы) и группировкой слов в словообразовательные категории и типы на основе общности аффиксов» [7;

с. 91]. Например, в терминах *precoating* / ‘предварительное покрытие’, *precooler* / ‘холодильник предварительного охлаждения’ и *precompression* / ‘предварительное сжатие’ присутствует общий префикс *pre-*, который позволяет объединить данные терминологические единицы сварочного производства в словообразовательную категорию или тип. В свою очередь, наличие общей корневой морфемы в терминах *welder* / ‘сварщик’, *weldable* / ‘поддающийся сварке’, *welded* / ‘сварной, сварочный’, *welding* / ‘сварка’ позволяет объединить данные единицы в одно словообразовательное гнездо.

Структурно-языковую системность термина обеспечивает активное использование терминологических элементов, которые, с точки зрения большинства исследователей, считаются минимальными структурно-семантическими элементами термина.

Термины, обслуживающие сварочное производство, оказываются систематичными на морфологическом уровне, что подтверждается анализом морфемной структуры терминологии. Количественный анализ терминологических элементов, выступающих в префиксальной и суффиксальной функциях и используемых для образования терминов сварочного производства, показывает, что максимальной продуктивностью по сравнению с прочими аффиксами обладают префиксы *un-*, *re-*, *in-*, *over-* и *dis-*, а также суффиксы *-ing*, *-ion*, *-er*, являющиеся по своей этимологии как исконными, так и заимствованными.

Константность (или стабильность) словообразовательных моделей, по которым образованы термины, также можно рассматривать как один из структурных признаков термина. Под данным признаком понимается, прежде всего, наличие в терминологии постоянных моделей, по которым могут быть образованы термины. «Структурная модель термина способна передать грамматическую структуру соответствующего термина. Она указывает на части речи, к которым принадлежат компоненты термина, на морфемный состав компонентов, на порядок их расположения в термине» [5; с. 48].

Анализ терминов сварочного производства позволяет сделать вывод о том, что самым продуктивным способом образования терминоточетаний является модель *A+S*, где в качестве атрибутивного компонента (*A*) выступают имена существительные (в том числе и имена собственные), прилагательные, причастия. Например, *dovetail joint* / ‘соединение в ласточкин хвост’, *elbow pipe* / ‘колени трубы’, *Laval nozzle* / ‘сопло Лаваля’, *cutter head* / ‘режущая головка’, *mushroom head* / ‘грибовидная закладная головка’, *piston cup* / ‘юбка поршня’, *umbrella hood* / ‘кожух зонтичного типа’, *independent pump* / ‘автономный насос’, *idle current* / ‘ток холостого хода’, *movable guard* / ‘съемный кожух’, *live spindle* / ‘вращающийся шпиндель’, *magnetic bridge* / ‘мост для измерения магнитной проницаемости’, *breaking arc* / ‘дуга при размыкании’, *forked end* / ‘вилкообразная головка’, *melting pot* / ‘плавильник, тигель’, *welding gun* / ‘сварочный пистолет’.

Системность технического термина сварочного производства, являющаяся его важнейшим признаком, позволяет рассмотреть термин во взаимосвязи с другими элементами системы и определить его место в данной системе. Изучение морфемно-синтаксического состава термина выявляет 1) способность последнего именовать специальное понятие посредством слова или словосочетания, 2) особенности структуры терминологического знака, состоящей в вычленении терминологического элемента, и 3) наличие постоянных моделей терминообразования.

Изучение семантических особенностей терминов занимает одно из важнейших мест в теории терминоведения. По признанию большинства исследователей, многие особенности семантики термина не носят абсолютного характера, являясь, скорее, его идеальными характеристиками, и, следовательно, должны быть причислены к числу требований, предъявляемых к терминологической единице.

К базовым семантическим признакам технического термина сварочного производства следует отнести его *содержательную системность*, т.е. соотношение значения терминологической единицы с семантикой других терминов, входящих в состав данной терминосистемы. «Нет и не может быть понятия (а следовательно, и обозначающего его термина), которое бы не было системно связано с другими понятиями данной предметной области, и, следовательно, каждый термин существует лишь как член определенной системы терминов» [1; с. 46]. Анализ понятийной структуры единиц специальной номинации, применяемых в области сварочного производства, и связей, существующих между понятиями, показывает, что сварочные термины обладают системностью, поскольку соотносятся со специальными понятиями, занимающими строго установленное место в данной системе специальных понятий.

Специализированность рассматриваемого технического термина можно трактовать как соотнесенность с конкретной областью знаний, в данном случае речь идет о соотнесенности с отраслью сварочного производства. Приписывая термину такую функциональную особенность, как обозначение специального профессионального понятия, терминологи признают тем самым в семантике термина наличие специального компонента, эксплицирующего специализированность значения терминологической единицы и составляющего основную специфику его содержательной структуры [2; с. 3]. Именно этот признак и позволяет отграничить термин от нетермина: если нетермин соотносится с общеизвестным объектом, то сварочный термин – с объектом специфическим, известным только в кругу специалистов-сварщиков.

Сварочный термин характеризуется *содержательной точностью*, что предполагает четкость и строгость его значения. Этот признак реализуется в дефиниции термина. Термин может считаться точным, если он соотнесен с дефиницией, по которой, в свою очередь, может быть однозначно восстановлен и сам термин. С учетом того, что значительная часть терминов образуется на основе слов общеупотребительного языка, дефиниция будет являться неотъемлемым признаком, при помощи которого термины нормируются и унифицируются. Как показывает наблюдение за материалом терминологических словарей, подавляющее большинство терминов сварочного производства обладает дефиницией, что позволяет говорить о содержательной точности терминологических единиц данной отрасли.

Дефинируемость обуславливает такие свойства технического термина, как *однозначность* и *независимость от контекста*. Д.С. Лотте был одним из первых, кто указал на целый ряд недостатков, свойственных терминосистемам, и назвал основные требования, которым должен удовлетворять термин: однозначность, точность, систематичность, краткость, простота, отсутствие синонимов и др. Самыми существенными недостатками он считал многозначность термина и наличие у него синонимов. Он утверждал, что любой термин должен обязательно иметь фиксированное содержание, независимое от контекста [9; с. 15–16]. Однако следует отметить, что уже давно эти требования подвергаются критике со стороны исследователей терминологии, показывающих в своих работах, что данные требования к термину довольно противоречивы и с трудом выполняются в реальных терминосистемах.

Специфика и важнейшая характеристика технического термина видится, прежде всего, в однозначности и отсутствии у него синонимов и омонимов, свойственных общеязыковым лексическим единицам. С другой точки зрения, основные признаки термина – только тенденция в их развитии или их желательные качества, которые в реальности никогда полностью не реализуются. На самом деле “реальные” термины могут быть многозначными, им может быть свойственна и полисемия, и синонимия, и омо-

нимия [6; с. 25]. Отсюда попытки исследовать термин с позиций двух подходов, по-разному трактующих его сущность и наделяющих его различным набором отличительных особенностей, – нормативный и дескриптивный подходы.

Кроме этих подходов (нормативного и дескриптивного), можно выделить третью точку зрения, в соответствии с которой говорят об относительной однозначности, т.е. однозначности термина в пределах одной терминологии, поскольку принцип однозначности никогда не достигается в терминосистеме в целом [3; с. 11]. В рамках этого подхода утверждается, что термин стремится к однозначности, но только лишь в пределах одной терминосистемы, в целом же полисемия может являться одним из качественных состояний, присущих термину.

Существование у термина относительной однозначности связывается с понятием *терминологического поля*, под которым понимается «своеобразная область существования термина, внутри которой он обладает всеми характеризующими его признаками, область, искусственно очерченная и специально охраняемая от посторонних проникновений». Свою однозначность термин манифестирует только внутри своего терминологического поля [11; с. 110].

Обращение к техническим терминам, зафиксированным в терминологических словарях и употребляющимся в научно-теоретических и прикладных работах, позволяет сделать вывод о том, что терминам, номинирующим понятия сварочной отрасли знания, в известной степени присуще нарушение принципа изоморфизма, постулирующего однозначные отношения между знаком и значением. Однако подавляющее большинство технических терминов сварочного производства подчиняется закону «один знак – одно содержание».

Стилистическая нейтральность термина предполагает отсутствие у него признака эмоциональности. Термин как знак, именуемый научное понятие, не должен вызывать никаких дополнительных ассоциаций. А.И. Моисеев полагает отсутствие эмоционального компонента в структуре значения термина следствием номинативности последнего. Главная функция термина – только называть предмет, нести о нем соответствующую информацию. Термин не дает никаких дополнительных характеристик, не показывает отношения к предмету. Эмоционально-стилистическая окрашенность термина проявляется лишь, когда он употребляется вне своей профессиональной сферы, за пределами научного текста, а также на этапе своего формирования [10; с. 138].

Подводя итоги анализа основных признаков технического термина сварочного производства в сфере его семантики, необходимо заметить, что, с одной стороны, моносемантность, стилистическая нейтральность могут быть признаны качественными характеристиками, присущими термину, с другой стороны, термин оказывается лишен этих признаков, так как перечисленные выше признаки носят «эталонный» характер и реализуются, как правило, только у терминов, входящих в конвенционально признанную базовую терминологию соответствующей научной или технической отрасли, существующую достаточно длительное время и понимаемую пользователями однозначно.

Библиографический список

1. Авербух К.Я. Терминологическая вариантность // Вопросы языкознания. 1986. № 6. С. 38-50.

2. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы: Сб. статей по языковедению. М., 1939, Т. V. С. 3-54.
3. Денисов П.Н. Некоторые лингвистические аспекты терминологии // Русский язык в школе. 1965. № 6. С. 10-15.
4. Иванов А.В. Метаязык фонетики и метрики: монография. Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2004. 342 с.
5. Кияк Т.Р. Лингвистические аспекты терминоведения. Киев, 1989. 103 с.
6. Комарова З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание. Свердловск, 1991. 155 с.
7. Кутина Л.Л. Языковые процессы, возникающие при становлении научных терминологических систем // Лингвистические проблемы научно-технических терминологий. М.: Наука, 1970. С. 82-94.
8. Литовченко В. И. Семантические особенности термина // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева. 2006. № 2. С. 185-186.
9. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 159 с.
10. Моисеев А. И. О языковой природе термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970. С. 127-138.
11. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: Вопросы теории. М.: Наука, 1989. 246 с.

References

1. Averbukh K.Y. Terminology variation // Questions of Linguistics. 1986. № 6. P. 38-50.
2. Vinokur G.O. About some phenomenon of word-formation in Russian technical terminology // Writings of Moscow History, Philosophy and Literature Institute: collection of articles on Linguistics. M., 1939, T. V. P. 3-54.
3. Denisov P.N. Some linguistic aspects of terminology // Russian Language in school. 1965. № 6. P. 10-15.
4. Ivanov A.V. Metalanguage of Phonetics and Metrics: monograph. Arkhangelsk: Pomor State University, 2004. 342 p.
5. Kiyak T.R. Linguistic aspects of terminology. Kiev, 1989. 103 p.
6. Komarova Z.I. Semantic structure of special word and its lexicographic description. Sverdlovsk, 1991. 155 p.
7. Kutina L.L. Linguistic processes in developing of scientific terminological systems // Linguistic problems of scientific technical terminologies. M.: Nauka, 1970. P. 82-94.
8. Litovchenko V. I. Semantic features of term // Vestnik of Siberian State Aerospace University after M.F. Reshetnev. 2006. № 2. P. 185-186.
9. Lotte D.S. Principles of scientific technical terminology development. Questions of theory and method. M., 1961. 159 p.
10. Moiseev A.I. About linguistic nature of term // Linguistic problems of scientific technical terminology. M.: Nauka, 1970. P. 127-138.
11. Superanskaya A.V., Podolskaya N.V., Vasilieva N.V. General terminology: Theory questions. M.: Nauka, 1989. 246 p.

УДК 816.21.47

*Ивановский государственный университет
аспирант кафедры английской филологии
Горбачев К.А.
Россия, г. Иваново, тел. 8(960)513-72-06
e-mail: kpoet@mail.ru*

*Ivanovo State University
Post-graduate student of the Department of
English Philology
Gorbachev K.A.
Russia, Ivanovo, 8(960)513-72-06
e-mail: kpoet@mail.ru*

К.А. Горбачев

ЗНАЧЕНИЕ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ДЛЯ РАЗВИТИЯ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

В статье язык рассматривается как сложное и постоянно развивающееся социальное явление. Цель статьи – обосновать связь исторических терминов с социальными процессами в контексте определённого исторического периода. Познавательная деятельность человека не может осуществляться без передачи информации внутри общества. Особенно подчёркивается роль профессиональной коммуникации в формировании специальной лексики, а также анализируются причины возникновения терминов в рамках общества и профессионального сообщества.

Ключевые слова: исторический термин, терминоведение, специальная лексика, коммуникация, общество, язык.

К.А. Gorbachev

THE IMPORTANCE OF SOCIOLINGUISTIC PROCESSES FOR THE LSP DEVELOPMENT

The article considers language as a complex and constantly developing social phenomenon. The objective of the article is to justify the connection between historical terms and social processes in context of particular historical period. The human cognition can't be realized without communication within society. The role of the professional communication is particularly emphasized in forming LSP, also the reasons of terms origination are analyzed in the context of society and professional community.

Key words: historical term, terminology, LSP, communication, society, language.

Язык по своей сути представляется сложным социальным явлением, это практический результат познания мира отдельно взятым человеком. Вся социальная структура буквально пронизана многоуровневой системой взаимоотношений, что в определённой мере предопределяет многообразие лексического состава каждого языка в мире. Общество и язык в равной степени характеризуются определённой динамикой. Тем более, что природа любого литературного языка вместе с совокупностью своих атрибутов «не является абсолютно тождественной, ни тем более стабильной» [8: с. 92]. Поэтому, говоря о языке, всегда надо иметь в виду его закономерное синхронное развитие. Язык всегда отражал уровень развития общества, уклад жизни, тип мышления и культурные ориентиры. Все перечисленные факторы имеют непосредственное влияние на формирование специальной лексики.

Будучи естественным результатом человеческой эволюции, язык всегда выполня-

ет отведённую ему функцию передачи мысли. Сознание каждого живого человека, несмотря на его происхождение и род занятий, формируется «не изолированно, а под влиянием среды и прежде всего национального языка и национальной культуры» [5: с. 87]. Здесь стоит подчеркнуть главенствующую роль коммуникативной деятельности человека в формировании специальных знаний с целью их постепенного увеличения и широкого распространения в профессиональных сообществах. В отношении процесса возникновения специальной лексики в профессиональной среде уместней вспомнить слова А.С. Герда: «специальное знание, достигнув определённой стадии зрелости, ищет знаковую систему, язык своего выражения» [3: с. 27]. Из этого следует, что к определённому моменту своего развития лексика определённой области знаний или деятельности фиксируется таким образом, чтобы обособиться от чисто быденной лексики. Таким образом, можно сделать вывод, что специальная лексика имеет ключевое значение в том смысле, что является благодатным материалом для «консолидации и совершенствования профессиональных сообществ, которые находятся в развитии и периодически обновляются» [9: с. 28].

Касательно связи человека и общества З.И. Комарова утверждает, что в большей степени «доминирует в языке не личностное, а общественное» [7: с. 66]. Во многом это довольно спорный момент, потому что трудно измерить вклад личностный и вклад коллективный, а они взаимозависимы в силу непосредственной связи личности и профессионального сообщества. Но есть определённое обстоятельство, которое подтверждает вышеприведённые слова – создание специальной лексики всегда действие корпоративное, достигнутое в результате общих договорённостей среди представителей сообщества. В качестве иллюстрации стоит привести такой случай: слово «flotsam», которое датируется 1600 г. Оно происходит от англофранцузского «floteson», что означает «груз, плывущий по воде». Слово «jetsam» датируется ещё 1560 г. и происходит от среднеанглийского «jottsme», что означало «груз, сброшенный за борт». В итоге к 1861 г. оба слова постепенно приобрели переносное значение, а именно - «бродяги» или «хлам, мусор».

Предпосылкой возникновения и обособления исторических терминов является уже сформировавшаяся база определённой науки. К.Я. Авербух следующим образом оценивает роль термина как центрального системообразующего элемента специальной лексики: «Семантическим ядром специальных текстов являются термины, причём термины отнюдь не только данной предметной области, но и смежных» [2: с. 31]. В свою очередь, А.С. Герд добавляет к этому своё утверждение о том, что «Одной из форм представления научного знания является термин, а одна из функций термина – фиксация специального знания» [3: с. 52]. Здесь имеет смысл остановиться и объяснить процесс появления новых терминов с целью его осмысления. Механизм выработки подобных терминов предполагает под собой переход с абстрактного уровня на конкретный и наоборот. Это значит, что термины представляют собой выражение абстрактных явлений, далее проходя путь конкретизации, то есть соотношения слова с называемым объектом в рамках сознания человека. Таким образом, чтобы достичь качественно иного уровня конкретики, практически каждый термин, в свою очередь, должен выйти на совершенно новый уровень абстракции.

По мнению Е.И. Головановой, нельзя недооценивать роль терминов в развитии современной науки, потому что «одиночный термин и стоящее за ним понятие могут быть использованы в качестве инструмента познания» [5: с. 85]. Научные термины также являются результатом познания, так как возникают в процессе осмысления человеком окружающей его действительности. Этот процесс включает в себя постепенную переоценку и пересмотр уже выработанных знаний. Человеческий разум стремится выразить полученные знания в определённой системе координат, так как «язык является средством репрезентации структуры знания» [10: с. 116]. Их специфика наглядно характеризуется тем, что «они создаются для обозначения предметов, явлений, отношений, коммуникативно и когнитивно значимых лишь в особом семиотическом пространстве – пространстве той или иной профессиональной деятельности» [4: с. 19]. Соответственно, функция любого термина, по большому счёту, в отличие от обычного слова – «номинативная, с той лишь разницей, что у термина выражаемое понятие – специальное, профессиональное» [2: с. 15]. Это положение подтверждается тем, что ключевым признаком любого научного термина «является его номинативный характер» [6: с. 29]. Вслед за К.Я. Авербухом можно с уверенностью утверждать, что лингвистическая наука в плане исследования терминологии придерживается «возможности исследования значений терминов путём расчленения значений на элементарные смыслы» [1: с. 9].

Любой термин является неотъемлемой частью профессиональной коммуникации, так как именно при помощи аппарата специальной лексики члены профессионального сообщества смогут передавать друг другу знания о каком-то определённом объекте. Л.А. Чернышова подчёркивает роль представителей профессиональных сообществ в формировании терминологий «со свойственным им личностным восприятием мира, живущих в условиях того или иного национального языка и в конкретных социально-исторических условиях» [11: с. 66]. В этом отношении К.Я. Авербух подчёркивает важность профессиональной коммуникации в социолингвистическом плане: «Терминология может изучаться и упорядочиваться в социолингвистическом аспекте с точки зрения её роли в процессе коммуникаций определённой социальной (профессиональной) группы, сообщества» [1: с. 9]. Осмыслив вышесказанное, можно утверждать, что профессиональное сообщество является живым сегментом любой сферы деятельности человека, потому что формирует тот метаязык, на котором изъясняются представители этой группы, развивает и фиксирует в рамках литературного языка.

Термин характеризуется природным свойством накапливать новые значения и интерпретации на фоне уже приобретённых. В свою очередь, на информационное содержание отдельно взятого термина непосредственно влияет социальная группа. Ситуацию определяют тенденции, преобладающие в обществе и языке. Происходит это по причине постоянно возрастающих темпов развития общества и постепенного роста объёмов специальной лексики: «темпами становления экономического, политического и культурного единства народа и связанным с этим соотношением разных форм существования языка, распределением и закреплением этих форм за отдельными сферами человеческой деятельности» [8: с. 92]. А с помощью специальной лексики профессиональные общества стремятся развиваться и с течением времени обособляться.

В качестве иллюстрации можно привести довольно популярное слово «election», которое датируется ещё концом XIII в., восходящее к англо-французскому «elleccion», означавшее «действие, факт, право выбора». С XIV в. добавляется уже религиозное значение «избранность Богом для спасения». Подобный процесс можно наблюдать и в случае со словом «dean», которое датируется началом XIV в., восходящее к старофранцузскому «deien», относящееся ещё к XII в. Первоначальным значением этого слова был «старшина» (в армии), которое со времен трансформировалось в более общее значение «управляющий». Самый интересный момент здесь заключается в том, что с 1570 г. добавляется всем знакомое общеупотребительное значение «декан» (глава факультета). Таким образом, значение руководящей роли в одной сфере со временем распространилось на другие сферы человеческой деятельности.

Не всегда можно с уверенностью утверждать, что специальная лексика возникает стихийно, потому что в большинстве случаев она возникает «на базе общелитературного языка, что позволяет рассматривать терминологию как часть его лексико-семантической системы» [12: с. 80]. Значение терминологии для научной сферы имеет огромное значение, так как «позволяет построить непротиворечивую концепцию языка, представить научную картину его сложного взаимодействия с человеческим мышлением, познанием и деятельностью» [5: с. 85]. Ряд социолингвистических факторов влияет на развитие термина как специального слова, но может способствовать либо его закреплению, либо исключению из лексики определённого временного периода. При образовании в языке пустых мест, номинация для объекта может быть позаимствована из другого языка. Стоит обратить внимание на то, что заимствованными считаются те термины, которые «полностью или отдельными аспектами заимствованы из других языков» [6: с. 60]. Это считается вполне закономерным явлением, так как обмен информацией в мире со временем увеличивал свою значимость и сейчас также является центральным в плане выработки научного языка.

Само собой, в английском языке существует большое количество французских и латинских заимствований. В качестве первого примера возьмём слово «attorney», которое датируется началом XIV в. и восходит к старофранцузскому «atorne» («назначенный»). Разница между современным словом и прототипом очевидна: двойное «t» явилось попыткой заменить французское слово и восстановить несуществующий латинский оригинал. Следующий пример – слово «doyen», которое датируется началом XV в. и восходит к средне-французскому аналогу, который означал «старшина» или «старейшина». Ещё одним примером стоит привести слово «memorandum», которое также датируется началом XV в. и происходит от латинского «memorandus» («то, что надо запомнить»). Исходное значение «записка на память» к 1540м гг. развилось до современного значения «дипломатический документ».

Возвращаясь ко всем приведённым выше примерам, считаем необходимым обозначить специфику общественно-политической лексики в аспекте британской истории. Этот пласт английского языка характеризуется больше французским, чем латинским влиянием. Данная ситуация объясняется чисто историческими причинами – норманны вместе с завоеванием привнесли свою культуру, в том числе и язык. А это выразилось в появлении новых сфер общественной жизни, развитии политической культуры и даже

изменении в укладе жизни, в основном среди привилегированных слоёв населения. Приход норманнов ознаменовался созданием новых реалий, таких как политические и социальные институты, должности, законодательные акты. В свою очередь, всё это подтолкнуло к коренным изменениям в обществе. Таким образом, был запущен маховик изменений, когда появляются новые явления, а для них уже появляются соответствующие номинации. Те реалии, которых ещё вчера не было, появились и закрепились, как мы знаем, вплоть до современного периода.

Совмещение исторической науки и лингвистики позволяет выработать объективный взгляд на формирование и развитие специальной лексики. Именно таким образом можно рассмотреть исторический термин не только как языковой, но и социальный феномен. Среди характерных особенностей термина важно осознавать его познавательную природу, так как термин зарождается в процессе познания и впоследствии двигает его вперёд. Поэтому развитие терминологической базы всегда созвучно с прогрессивно-поступательным движением всех сфер научной деятельности. Но не только познание, но и коммуникативная деятельность является движущей силой в контексте эволюционных тенденций в языке. Очевидно, что термин какой угодно сферы деятельности человека затрагивает определённую сферу жизни человека. А если говорить про исторический термин, то он имеет непосредственное отношение к многочисленным сферам жизни, становясь естественным отражением и показателем развития общественных отношений, культурных ценностей и уровня жизни в обществе. Специальная лексика является живым организмом с точки зрения языка и науки, а термин – их клеткой, занимающей своё место в упорядоченной системе, предполагающей внутривидовые связи. Под влиянием изменений в человеческом обществе даже язык испытывает на себе воздействие интеллектуальной деятельности. Но всё зависит от их качества, от того, к чему приведут изменения в этом обществе, какую сферу они затронут и насколько глубоко.

Библиографический список

1. Авербух К.Я. Общая теория термина. Иваново, 2004.
2. Авербух К.Я. Лексические и фразеологические аспекты перевода: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / К.Я. Авербух, О.М. Карпова. М., 2009.
3. Герд А.С. Прикладная лингвистика. Санкт – Петербург, 2005.
4. Голованова Е. И. Лингвистическая интерпретация термина: когнитивно-коммуникативный подход / Е.И. Голованова // Известия Уральского государственного университета. 2004. № 33.
5. Голованова Е.И. Базовые когнитивные понятия и развитие терминоведения/ Е.И. Голованова // Вестник Удмуртского университета. Челябинск, 2010. № 2.
6. Гринёв-Гриневиц С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С.В. Гринёв-Гриневиц. М., 2008.
7. Комарова З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012.

8. Петрашова Т.Г. Язык для специальных целей в контексте содержания понятий национальный язык и литературный язык / Т.Г. Петрашова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. 2.
9. Профессиональное общение: монография / под общ. ред. Е.В. Харченко. Челябинск, 2013.
10. Савицкая Л.В. Когнитивный аспект перевода в свете межкультурной коммуникации / Л.В. Савицкая // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Воронеж, 2013. № 10.
11. Чернышова Л.А. Отраслевая терминология в свете антропоцентрической парадигмы: монография. М.: Изд-во МГОУ, 2010.
12. Чигашева М.А. Исследование терминологической лексики методом семантического поля / М.А. Чигашева // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. М., 2004. № 6.

References

1. Averbouh K.J. General Theory of term. Ivanovo, 2004.
2. Averbouh K.J. Lexical and phraseological aspects of translation: tutorial for high school students / K.J. Averbouh, O.M. Karpova. Moscow, 2009.
3. Gerd A.S. Applied linguistics. Saint Petersburg, 2005.
4. Golovanova E.I. Linguistic interpretation of term: cognitive-communicative approach / E.I. Golovanova // Ural State University Newsletter. 2004. Issue № 3.
5. Golovanova E.I. Basic cognitive concepts and development of terminology / E.I. Golovanova // Udmurtia University Newsletter. Chelyabinsk, 2010. Issue № 2.
6. Grinev-Grinevich S.V. Terminology. Moscow, 2008.
7. Komarova Z.I. Methodology, method, methodic and technology of scientific researches in linguistics: tutorial. Ekaterinburg: UFU publishing, 2012.
8. Petrashova T.G. Language for special purposes in the aspect of content of concepts of national language and literary language / T.G. Petrashova // Philology sciences. Theory and practice issues. Tambov, 2008. Issue № 1 (1). Vol. 2.
9. Professional communication: monography / under general supervision by E.V. Harchenko. Chelyabinsk, 2013.
10. Savitskaya L.V. Cognitive aspect of translation in cross-cultural communication / L.V. Savitskaya // Scientific Newsletter: Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series "Linguistics and cross-cultural communication". Voronezh, 2013. Issue № 10.
11. Chernyshova L.A. Sectoral terminology in the aspect of anthropocentric paradigm: monography. Moscow, MSRU publishing, 2010.
12. Chigasheva M.A. Terminological vocabulary research by the semantic field method / M.A. Chigasheva // PFUR Newsletter. Linguistics series. Moscow, 2004. Issue № 6.

УДК 811.161

Оренбургский государственный педагогический университет

канд. филол. наук, доц. кафедры языкознания и методики преподавания русского языка

Твердохлеб О.Г.

Россия, г. Оренбург, тел. +7(3532) 77-12-48

e-mail: ogtwrд@gmail.com

Orenburg State Teacher Training University (in Orenburg)

The department of linguistics and methodology of teaching Russian language

PhD, associate professor

Tverdokhleб O.G.

Russia, Orenburg, +7(3532) 77-12-48

e-mail: ogtwrд@gmail.com

О.Г. Твердохлеб

**«ВЕЩНОСТЬ» И ОБЪЕКТЫ СРАВНЕНИЯ,
ВЫРАЖЕННЫЕ ФОРМОЙ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА ИМЕНИ,
В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ АКМЕИСТОВ: А.А. АХМАТОВА**

В статье показана связь языковых особенностей поэтических текстов А.А. Ахматовой с основными идейными установками акмеистов – требованием логичности и внимания к вещным деталям. Приведены статистические данные об использовании компаративов с целью создания четкой логической синтаксической структуры в поэтическом произведении. Выявлено, что в компаративных конструкциях, употребляемых поэтессой, объект сравнения представлен формой родительного падежа имени разных лексико-тематических групп, среди которых особо функционирует тематическая группа имен, называющих лиц. Указано, что в этих случаях реалистичность акмеизма выражается четкой передачей душевных переживаний через быденное, через бытовое, а в качестве субъекта сравнения активно используются личные местоимения. При конвергенции сравнений с другими стилистическими приёмами создаются более яркие и выразительные образы.

Ключевые слова: акмеизм, компаратив, имя прилагательное, вещьность, логичность.

O.G. Tverdokhleб

**«MATERIALITY» AND THE COMPARISON OBJECTS
EXPRESSED BY THE GENITIVE OF THE NAME WHEN COMPARATIVO
IN THE POETIC LANGUAGE OF THE ACMEISTS: A.A. AKHMATOVA**

The article shows the relationship of linguistic characteristics of poetic texts by Anna Akhmatova with the basic ideological attitudes of the acmeists – requirement consistency and attention to corporeal detail. Statistical data on the use of comparatives to create a clear logical structure in syntactic poetic work. It has been shown that comparative structures are used by the poet, the object of comparison is represented by the form of the genitive of a name different lexical-thematic groups, among which especially, there is the thematic group of names that call. Stated that in these cases, the realism of Acmeism expressed a clear transfer of spiritual experience through the mundane, through the household, and as the subject of comparison of widely used personal pronouns. In terms of convergence comparisons with other stylistic techniques are created more vivid and expressive images.

Key words: acmeism, comparative, adjective, materiality, consistency.

Начало XX в., ставшее трагической эпохой потрясения от двух мировых войн накануне великой революции, стало Серебряным веком русской литературы и создало множество литературных направлений. Ярчайшим направлением в поэзии первых десятилетий XX века остается акмеизм (от греч. ἀκμή ‘высшая степень чего-либо, цвету-

щая сила'), яркими представителями которого были С.М. Городецкий, А.А. Ахматова, Н.С. Гумилев, О.Э. Мандельштам, М.А. Кузмин, М.А. Зенкевич.

Изучение поэзии акмеистов имеет со времени своего возникновения (см. сборник статей критиков-современников: [1]) большую историю и в литературоведении (В.М. Жирмунский, Б. Эйхенбаум, Л.Г. Кихней, Е.В. Меркель, О.А. Клинка, О.А. Лекманов и мн. др.), и в лингвистике (В.В. Виноградов, С.С. Аверинцев и др.).

Поэзия А.А. Ахматовой (1889–1966) занимает особое место в литературе акмеизма. Ее изучению в литературоведческом аспекте посвящены работы В.М. Жирмунского (1973), М.Л. Гаспарова (1989), С.В. Бурдиной (2002); поэтический язык Ахматовой описывается в работах Б.М. Эйхенбаума (1923), В.В. Виноградова (1976), В.М. Жирмунского (2001); регулярно выпускаются сборники научных трудов, посвященные творчеству поэтессы (см.: «Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник» [2]). Однако до сих пор остается много невыясненного.

Объектом исследования в нашей статье является поэтический язык А.А. Ахматовой, в частности, грамматические средства выражения, способствующие выполнению задач, заявленных акмеистами в их программных работах.

И. Ключевые идеи акмеистов изложены в программных манифестах Н.С. Гумилёва «Наследие символизма и акмеизм», С.М. Городецкого «Некоторые течения в современной русской поэзии» (опубликованы в журнале «Аполлон» за 1913 в № 1) и О.Э. Мандельштама «Утро акмеизма» (1919). Они включали целый ряд положений, среди которых были требования логичности и внимания к вещным деталям.

Вещный, предметный мир как главная тема, доминанта акмеизма, потребовала замены «поэзии намеков и настроений» «искусством точно вымеренных и взвешенных слов»; стали цениться отточенность деталей, точно вымеренная композиция, предметная четкость стиха, «живописная, графическая четкость образов», «графичность в сочетании слов» [6, с. 31], а также логическая ясность.

О.Э. Мандельштам провозглашал: «Логика есть царство неожиданности. Мыслить логически значит непрерывно удивляться. Мы полюбили музыку доказательства. Логическая связь – для нас не песенка о чижике, а симфония с органом и пением...» [2]. Такая логическая ясность потребовала вовлечение в художественное пространство стихотворений определенных грамматических построений. В.М. Жирмунский даже пишет о «логическом синтаксисе» и «логических формах синтаксической связи как основе композиционного оформления», «свидетельствующих о проникновении в поэзию Ахматовой чуждой эпохе символизма рациональной стихии» [7, с. 332-336].

Логико-лингвистическим построением, свойственным русскому синтаксису, становятся у акмеистов разные сравнительные конструкции, особенно включающие грамматическую форму, способную самостоятельно выражать компаративную семантику, – степень сравнения имен прилагательных, наречий, слов категории состояния.

Путем выборки из поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [8] нами было обнаружено более 2,5 тысячи конструкций с компаративами от прилагательных, наречий и слов категории состояния, с разной степенью частотности используемых поэтами-акмеистами (подробный анализ статистических данных см. в нашей предыдущей работе: [12]). Из них в подборке по А.А. Ахматовой НКРЯ показал:

- 303 документа из найденных 945 общим объемом 6 443 предложения;
- 513 вхождений – 0,85% от 60 200 слов.

Логичность и «вещность» обусловили не только активное употребление компаративов, но и некоторые особенности употребления конструкций, включающих в свой состав компаративы.

«Для акмеистов вещи реальной действительности имеют значение сами по себе» [11], поэтому возникает необходимость обозначения «статического состояния», и компаративные конструкции здесь оказываются весьма кстати, т. к. сравнение, обычно включающее в себя три элемента: *субъект сравнения* (то, что сравнивается), *объект сравнения* (то, с чем сравнивается) и *основание (признак) сравнения* (общее у сравниваемых предметов), отражает реальность вне действия, т. е. статически.

Заявленные эстетическими манифестами акмеистов «борьба за нашу планету Землю», за «природу всех вещей» и «бесповоротное принятие мира во всей совокупности красот и безобразий» [4] потребовали названия этих «вещей», а это, в свою очередь, определило «преобладание в стихах имен существительных и незначительную роль глагола» [11]. Потому среди обнаруженных нами сравнительных конструкций оказалось достаточно много случаев (более 200), где с компаративом сочетаются имена в родительном падеже.

Далее мы подробнее опишем именно эту группу сравнительных конструкций, выявленных в поэтическом языке А.А. Ахматовой (около 50 единиц).

И. В.В. Виноградов указывал, что «сравнительная степень с объектом в родительном падеже является одним из излюбленных Ахматовой средств нового, непривычного сцепления “фраз”» [3, с. 409].

По данным нашей картотеки, объект сравнения, представленный формой родительного падежа имени в обнаруженных нами конструкциях, распределяется по самым разным лексико-тематическим группам, среди которых отметим несколько, выражающих запечатленное особенно точно, реалистично, зримо:

1) названия **природных** стихий и атмосферных явлений, напр.: *Эти глаза зеленее моря...* (А.А. Ахматова. У самого моря); *Заря была себя самой алее...* (А.А. Ахматова. Городу Пушкина); *Взоры огненной огня...* (А.А. Ахматова. «Взоры огненной огня...»); *Какой короткой сделалась дорога, / Которая казалась всех длинней* (А.А. Ахматова. «Не мудрено, что похоронным звоном...»);

2) названиях **времен** года, частей суток, напр.: *Но не было в мире прекрасней зимы...* (А.А. Ахматова. Еще тост); *А тебе от речи моей / Стали ночи светлее дней* (А.А. Ахматова. «Как у облака на краю...»);

3) названия **архитектурных** сооружений, напр.: *Воздвигнуто зданье прочней пирамид* (А.А. Ахматова. Слава миру!); *И не было в небе <...> длиннее мостов...* (А.А. Ахматова. Еще тост); *Белее сводов Смольного собора, / <...> Она была* (А.А. Ахматова. «Тот голос, с тишиной великой споря...»);

4) названия **растений**, напр.: *Там поет бродяга-соловей, / <...> земляники слаще...* (А.А. Ахматова. «Уходи опять в ночные чаши...»); *Эти глаза <...> / И кипарисов наших темнее...* (А.А. Ахматова. У самого моря); – *Этот сад / Всех садов и всех лесов дремучей...* (А.А. Ахматова. Под Коломной);

5) названия **неодушевленных** реалий, предметов быта, материалов и изделий из них, пищи, напр.: *И не было в небе узорней крестов, / Воздушной цепочек* (А.А. Ахматова. Еще тост); *А небо ярче синего фаянса* (А.А. Ахматова. «Весенним солнцем это утро пьяно...»); *И прочнее ижевской стали / (Это значит, прочнее всего) / Слово то, что сказал нам Сталин, / – Наша слава и торжество* (А.А. Ахматова. Волга – Дон); *Там поет бродяга-соловей, / Слаще меда...* (А.А. Ахматова. «Уходи опять в ночные чаши...»); *С каждым днем <...> / Хрупче воска – тело* (А.А. Ахматова. Сказка о черном кольце); *Значит, хрупки могильные плиты, / Значит, мягче воска гранит...* (А.А. Ахматова. Поэма без героя). Как видим, в последних двух примерах один и тот же объект сравнения (*воск*) употреблен при разных компаративах (*хрупче, мягче*).

Зримость достигается в том числе и за счет основания сравнения, в роли которого представлены компаративы от имен прилагательных со значением свойств и качеств, которые непосредственно воспринимаются органами чувств и (или) выражают оценку.

Именно такие признаки, проявляясь в разной степени в разных предметах, могут изменяться, что и фиксируют выше приведенные отрывки из поэтических текстов А.А. Ахматовой. В них везде чувствуется вещная, конкретная плоть мира: его четкие пространственные формы и контуры (*длиннее мостов, узорней крестов*), цвет (*кипарисов темнее, зеленее моря, ярче синего фаянса, светлее дней, лесов дремучей*), вкус (*слаще меда, земляники слаще*), вес (*воздушной цепочек*), твердость (*мягче воска, прочнее стали, прочней пирамид, хрупче воска*).

При этом сочетание компаративов и «вещных» имен создает внутреннюю связь между внешней средой и потаенно бурной жизнью лирического героя, особенно когда субъектом сравнения становится человек (люди) и его части: *глаза зеленее моря; глаза кипарисов темнее, хрупче воска – тело*.

Названия **отвлечённых** реалий, действий, чувств, физических ощущений, состояний в позиции объекта сравнения в нашем материале не частотны и также приводятся при компаративах, называющих свойства и качества, непосредственно воспринимаемые органами чувств, и (либо) выражающих оценку, что в определенной степени конкретизирует описываемое событие.

Ср. следующие примеры: *А за нами таких миллионы, / И безмолвнее шествия нет* (А.А. Ахматова. Поздний ответ); *Там поет бродяга-соловей <...> / Даже слаще ревности моей* (А.А. Ахматова. «Уходи опять в ночные чащи...»); *И звуков нет возвышенной и чище...* (А.А. Ахматова. Говорят дети); *Как была я ему запретней / Всех семи смертельных грехов* (А.А. Ахматова. Решка. Поэма без героя); *И какую-то собою мукой, / Что всех чище и всех черней* (А.А. Ахматова. Запретная роза); *Но в мире нет власти Грозней и страшней, / Чем вещее слово поэта* (А.А. Ахматова. «...Но в мире нет власти...»); *И голос мой – и это, верно, было / Всего страшней – сказал из темноты...* (А.А. Ахматова. «Так вот он – тот осенний пейзаж...»).

III. Поэзия Анны Ахматовой характеризуется глубокой лиричностью и грустью, особой интимностью и сдержанностью, душевным переживанием и диссонансом. Поэтому для поэтической манеры поэтессы особо характерна в позиции объекта сравнения в компаративной конструкции тематическая группа имен, называющих лиц (*человек, люди* и др.).

Рассмотрим детально эту группу.

1. Вещный, предметный мир – главная тема акмеизма – включает в себя и физиологию человека как отражение его психологии. Приведем слова О.Э. Мандельштама из его программной статьи «Утро акмеизма»: «Мы не хотим развлекать себя прогулкой в „лесу символов“, потому что у нас есть более девственный, более дремучий лес – божественная физиология, бесконечная сложность нашего темного организма. <...> Любите существование вещи больше самой вещи и свое бытие больше самих себя – вот высшая заповедь акмеизма. А = А: какая прекрасная поэтическая тема. Символизм томился, скучал законом тождества, акмеизм делает его своим лозунгом...» [5].

В компаративах с именами в форме родительного падежа, относящимся к тематической группе «человек», возникает ахматовская «вещная» символика. Ср. особо характерные примеры: *А я стала безродных безродней...* (А.А. Ахматова. «Позвони мне хотя бы сегодня...»); *А теперь, усопших бестелесней / <...> Я к нему влетаю...* (А.А. Ахматова. «Первый луч – благословенье Бога ...»); *По столице одичалой или, / Там встречались, мертвых бездыханней...* (А.А. Ахматова. Посвящение. Реквием); *Стала забывчивей всех забывчивых...* (А.А. Ахматова. «Вместо мудрости – опытность,

пресное...»); *И томился драгунский Пьеро, – / Всех влюбленных в тебя суеверней...* (А.А. Ахматова. Поэма без героя).

Здесь реалистичность акмеизма у поэтессы выражается в четкой передаче душевных переживаний через обыденное, через бытовое. Чаще в качестве объекта сравнения становятся печальные в земной жизни явления (*безродные, усопшие, мертвые*), что и придает особую грусть и душевный диссонанс поэзии Анны Ахматовой.

В отрицательных оборотах сравнительная степень может приобретать значение превосходной: *Но в мире нет людей бесслезней...* (А.А. Ахматова. «Не с теми я, кто бросил землю...»).

2. В таких конструкциях представлены и местоимения.

1) Бесспорно, отображение замкнутого, узкого интимного мира потребовало употребления в тексте в позиции объекта сравнения личных местоимений для указания на лицо (лиц).

Личное местоимение 1-го лица множественного числа *мы* указывает на некое объединение (я-автор, я-лирический герой и еще кто-то), ср.: *И, наверное, нас разлученней / В этом мире никто не бывал* (А.А. Ахматова. Через много лет); *Но в мире нет людей бесслезней, / Надменнее и проще нас* (А.А. Ахматова. «Не с теми я, кто бросил землю...»).

Личное местоимение 2-го лица множественного числа *вы* указывает на окружение автора, на окружение лирического героя: *А теперь он знает все не хуже / Мудрых и старых вас* (А.А. Ахматова. «Мальчик сказал мне: “Как это больно!”...»).

2) Есть и определительное местоимение, напр., *другой* в форме множественного числа: *Тот, кто был других смелее...* (А.А. Ахматова. Сказка о черном кольце); *Он не лучше других и не хуже...* (А.А. Ахматова. Поэма без героя). При введении еще одного местоимения (в данном случае притяжательного *твоя*, согласующегося с именем в позиции субъекта сравнения) создается еще большая интимность, ср.: *Твоя избранница покорней Других...* (А.А. Ахматова. Последнее письмо). Хотя обычно при помощи слова *всех* образуется сложная превосходная степень: *А ты, конечно, всех проворней...* (А.А. Ахматова. Последнее письмо).

Во всех выявленных нами компаративных конструкциях с одушевленным объектом сравнения субъекты сравнения также являются одушевленными, в результате такого сопоставления одного лица с другим лицом (другими лицами) изображаемое конкретизируется, становится более очевидным.

3. Части тела обычно представлены в сочетании со сложной превосходной степенью (образованной при помощи слова *всех*): – «*Сильней всего на свете / Лучи спокойных глаз*» (А.А. Ахматова. «Горят твои ладони...»); – «*Белей всего на свете / Была ее рука*» (А.А. Ахматова. «Горят твои ладони...»); *Всех наряднее и всех выше, / <...> Голова Madame de Lamballe* (А.А. Ахматова. Через площадку. Поэма без героя). В последнем примере для объекта сравнения дается часть тела достаточно известного, популярного лица той эпохи, что делает стих конкретнее, реальнее.

4. Изображение узкого, замкнутого мира лирической героини вводит и ограничение на употребление одушевленных существительных, в частности, функциональных названий лиц (по профессии и роду занятий, по принадлежности к социальной и возрастной группе), которые в современном языке становятся активным средством. Кроме этого в выявленных нами примерах нет и релятивов родства (*отец, мать, сын, дочь, брат, сестра, дитя, ребенок* и др.) для обозначения объекта сравнения, выраженного родительным падежом имени, так как эти слова с коннотацией домашнего уюта, душевной теплоты оказываются невозможными в «драматургичной» акмеистической поэзии А.А. Ахматовой, изображающей душевные муки лирического героя, душевный диссонанс.

IV. Отметим, что в компаративных конструкциях в поэтическом языке А.А. Ахматовой всё же одушевленным чаще оказывается субъект сравнения, для указания на который также используются личные местоимения, в употреблении которых имеется некоторые особенности.

1) Особо частотным является местоимение 1-го лица единственного и множественного числа *я*. Ср.: *Как была я ему запретней / Всех семи смертельных грехов* (А.А. Ахматова. Решка. Поэма без героя); *Неужто я всех виноватей / На этой планете была?* (А.А. Ахматова. Подражание Кафке); *Я всех на земле виноватей, / Кто был и кто будет, кто есть* (А.А. Ахматова. «Кому и когда говорила...»), т. к. автору особенно важно передать свои чувства, свой внутренний мир, а это значит высказаться от первого лица.

2) Личные местоимения 2-го лица единственного числа *ты*, употребляющиеся в современном русском языке «при обращении к одному лицу, преимущественно близкому» [9; 667], у А.А. Ахматовой передают чувство близости, хорошего знакомства автора со своим лирическим героем: *А ты, конечно, всех проворней...* (А.А. Ахматова. Последнее письмо); *Всегда нарядней всех, всех розовой и выше, / Зачем всплываешь ты со дна погибших лет...* (А.А. Ахматова. Тень).

3) Личные местоимения 3-го лица единственного и множественного числа *он, она, они*, указывают на известное, возможно, уже упомянутое, лицо или их совокупность: *...они казались / Всех благородней, сдержанней, скромнее* (А.А. Ахматова. Пауки в окне); при употреблении форм единственного числа в контексте возникает еще и указание и на пол – мужской: *Он не лучше других и не хуже...* (А.А. Ахматова. Поэма без героя) или женский: *Белее сводов Смольного собора, / <...> Она была* (А.А. Ахматова. «Тот голос, с тишиной великой споря...»).

Личные местоимения в позиции субъекта сравнения, отражая склонность поэтессы к самоанализу, как бы впускают читателя в глубоко личный мир автора, делают его соучастником событий, описываемых в стихотворении.

4) Относительное местоимение *кто* и отрицательное местоимение *никто* при компаративе в стихах поэтессы вызывают некую недосказанность, неясность, неизвестность, создавая таинственность и загадочность, ср.: *И догнав меня в аллее, / Тот, кто был других смелее, / Уговаривал меня / Подождать до склона дня* (А.А. Ахматова. Сказка о черном кольце); *И доблесть народа, и доблесть того, / Кто нам и родней, и дороже всего, / Кто – наше победное знамя!* (А.А. Ахматова. «Нам есть чем гордиться и есть что беречь...»); *И, наверное, нас разлученней / В этом мире никто не бывал.* (А.А. Ахматова. Через много лет).

V. Наш материал свидетельствует о том, что сравнения часто сочетаются с другими стилистическими приёмами. Конвергенция стилистических приёмов помогает созданию ярких и выразительных образов при лексической «скудости», отмеченной, в частности, в поэзии Анны Ахматовой В.В. Виноградовым [3, с. 367].

Опишем выявленную нами конвергенцию стилистических приёмов.

1. Используются традиционные для художественных построений лексические связи между компаративами в роли основания сравнения, напр., синонимические: *Кто нам и родней, и дороже всего...* (А.А. Ахматова. «Нам есть чем гордиться и есть что беречь...») или антонимические: *Он не лучше других и не хуже...* (А.А. Ахматова. Поэма без героя). Может создаваться и оксюморон, напр.: *А тебе от речи моей / Стали ночи светлее дней* (А.А. Ахматова. «Как у облака на краю...»).

2. Выражение компаративной семантики может быть усилено средствами словообразовательного уровня (суффиксация, префиксация), а именно:

- при помощи суффикса *-оват-*, ср.: *Я всех на земле виноватей, / Кто был и кто будет, кто есть* (А.А. Ахматова. «Кому и когда говорила...»); *Неужто я всех ви-*

новатей / На этой планете была? (А.А. Ахматова. Подражание Кафке); *Так и знай: обвинят в плагиате... / Разве я других виноватей? / Впрочем, это мне все равно.* (А.А. Ахматова. Решка. Поэма без героя), где прилагательное *виноватый* с суффиксом *-оват-* добавляет в сравнительное значение конструкции оттенок своеобразной уменьшительности, неполноты, ослабленности ('несколько', 'слегка') качества;

- при помощи приставки *пре-* (единичный пример), обозначающей «высшую степень качества, названного мотивирующим словом» [10, I, § 706]: *Но не было в мире прекрасней зимы...* (А.А. Ахматова. Еще тост);

- при помощи приставки *раз-*, обозначающей «высшую степень проявления качества, названного мотивирующим словом» [10, I, § 711], ср.: *И, наверное, нас разлученней / В этом мире никто не бывал* (А.А. Ахматова. Через много лет);

- при помощи приставки *без-* в прилагательном (субстантивированном), ср. следующий пример: *А я стала безродных безродней...* (А.А. Ахматова. «Позвони мне хотя бы сегодня...»), где нагнетание одноструктурных образований с префиксом *без-* создает еще одно основание для сравнения – по отсутствию признака. Хотя в позиции дополнения при компаративе всё-таки слова с этой приставкой единичны, а гораздо чаще представлены указанные словообразовательные типы слов в качестве основания сравнения, ср.: *А за нами таких миллионы, / И безмолвнее шестивия нет* (А.А. Ахматова. Поздний ответ); *А теперь, усопших бестелесней / <...> Я к нему вле-таю...* (А.А. Ахматова. «Первый луч – благословенье Бога...»); *По столице одичалой или, / Там встречались, мертвых бездыханней...* (А.А. Ахматова. Посвящение. Реквием); *Но в мире нет людей бесслезней, / Надменнее и проще нас* (А.А. Ахматова. «Не с теми я, кто бросил землю...»). Такое активное употребление описанных образований объясняется семантикой этих прилагательных, характеризующихся «отсутствием того, что названо мотивирующим слова» [10, I, § 686], а потому особенно способствующие раскрытию творческого стиля поэтессы, окрашенного в тона грусти и печали.

3. Конкретные, и вместе с тем яркие, выразительные, образы создает поэтесса при помощи сочетания сравнения с разными типами повторов. В частности, нами обнаружены такие конвергенции:

а) повтор основания сравнения: *Там поет бродяга-соловей, / Слаще меда, земляники слаще...* (А.А. Ахматова. «Уходи опять в ночные чащи...»); *И прочнее ижевской стали/ (Это значит, прочнее всего)* (А.А. Ахматова. Волга – Дон);

б) повторов субъекта и объекта сравнения: – *Этот сад / Всех садов и всех лесов дремучей...* (А.А. Ахматова. Под Коломойной). В том числе и повтор только семантический (при сравнении с собою), что достигается введением формы родительного падежа возвратного местоимения *себя*), ср.: *Заря была себя самой алее...* (А.А. Ахматова. Городу Пушкина);

в) повтор родственных слов: *Взоры огненной огня...* (А.А. Ахматова. «Взоры огненной огня...»);

г) повтор разных форм одного и того слова: *Стала забывчивей всех забывчивых...* (А.А. Ахматова. «Вместо мудрости – опытность, пресное...»);

д) повтор одноструктурных образований, напр.: *А я стала безродных безродней...* (А.А. Ахматова. «Позвони мне хотя бы сегодня...»).

Такие повторы, являясь средством усиления, выделения внимания читателя, создают особую функциональную значимость, как бы уравнивают, уравнивают разные части сравнения (субъект и объект сравнения, основание сравнения и объект), либо подчеркивают их равнозначность друг другу. При этом и стих, и эмоции становятся лаконичными. Об этом писал Б.М. Эйхенбаум: «Лаконизм стал принципом построения. Лирика утратила как будто свойственную ее природе многословность. Все сжалось –

размер стихотворений, размер фраз. Сократился даже самый объем эмоций или поводов для лирического повествования» [13, с. 89].

4. Вносит в описание высокую степень экспрессии, повышает силу функционального воздействия на читателя и нагнетание компаративов типа: *Всего прочнее на земле печаль/ И долговечней – царственное Слово* (А.А. Ахматова. «Кого когда-то называли люди...»); *...они казались / Всех благородней, сдержанней, скромнее* (А.А. Ахматова. Пауки в окне); *Всегда нарядней всех, всех розовой и выше, / Зачем всплываешь ты со дна погибших лет...* (А.А. Ахматова. Тень).

5. Характерной особенностью большинства примеров является предельная контактность объекта и основания сравнения, что придает сравнению психологическую глубину, ср. конструкции:

- с препозицией объекта: *А я стала безродных* (препозиция) *безродней...* (А.А. Ахматова. «Позвони мне хотя бы сегодня...»)
- с постпозицией объекта: *Белее* (постпозиция) *сводов Смольного собора, / <...> Она была* (А.А. Ахматова. «Тот голос, с тишиной великой споря...»),
- а также с пост- и препозицией при нагнетании: *Там поет бродяга-соловей, / Слаще меда* (постпозиция), *земляники* (препозиция) *слаще...* (А.А. Ахматова. «Уходи опять в ночные чаши...»).

Таким образом, проведенное нами исследование выявило связь языковых особенностей поэтических текстов А.А. Ахматовой с их основными идейными установками – требованием логичности и внимания к вещным деталям. А потому в компаративных конструкциях, употребляемых поэтессой, объект сравнения представлен формой родительного падежа имени разных лексико-тематических групп. Среди этих групп особо активно функционируют имена, называющие лиц. В таких случаях реалистичность акмеизма выражается четкой передачей душевных переживаний через обыденное, через бытовое, а в качестве субъекта сравнения активно используются личные местоимения. При конвергенции сравнений с другими стилистическими приёмами (синонимия и антонимия, средства суффиксации и префиксации, разные типы повторов, нагнетание, предельная контактность) создаются более яркие и выразительные образы.

Библиографический список

1. Акмеизм в критике. 1913-1917 / сост. О.А. Лекманова и А.А. Чабана; вступ. ст., примеч. О.А. Лекманова. СПб.: Изд-во Тимофея Маркова, 2014. 544 с.
2. Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник / Сост. и науч. ред. Г.М. Темненко. Вып. 6. Симферополь: Крымский Архив, 2008. 276 с.
3. Виноградов В.В. О поэзии Анны Ахматовой (Стилистические наброски) // Виноградов В.В. Поэтика русской литературы: Избранные труды. М.: Наука, 1976. С. 482-508.
4. Городецкий С. Некоторые течения в современной русской поэзии // Антология акмеизма: Стихи. Манифесты. Статьи. Заметки. Мемуары / Вступ. статья, сост. и примеч. Т.А. Бек. М.: Московский рабочий, 1997. С. 202-207.
5. Мандельштам О.Э. Утро акмеизма // Собрание сочинений в 4 тт. М.: Арт-Бизнес-Центр, 1993. Т. 1. URL: http://rvb.ru/mandelstam/01text/vol_1/03prose/1_250.htm
6. Жирмунский В.М. Преодолевшие символизм // Русская мысль. М. 1916. № 12. С. 25-56. URL: http://postsymbolism.ru/joomla/index.php?option=com_content&task=view&id=20&Itemid=39
7. Жирмунский В.М. К вопросу о синтаксисе А. Ахматовой // Жирмунский В.М. Вопросы теории литературы. Статьи 1916–1926. Л.: Academia, 1928. С. 332-336. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/zhirmunskij-k-voprosu-o-sintaksise-ahmatovoj.htm>
8. Национальный корпус русского языка. URL: <http://search.ruscorpora.ru/>

9. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1988. 750 с.
10. Русская грамматика. В 2 т. / редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1980. Т. I. 784 с.
11. Совсун В. Акмеизм, или Адамизм // Литературная энциклопедия. В 11 т. М., 1929-1939. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le1/le1-0702.htm>
12. Твердохлеб О.Г. Простые формы сравнительной степени прилагательных, наречий и слов категории состояния в поэзии акмеистов (статистические данные) // Научная интеграция. Сборник научных трудов. М.: Издательство «Перо», 2016. С. 1170-1172. URL: [http://olimpiks.ru/d/797165/d/nauchnayaintegratsiya\(2\).pdf](http://olimpiks.ru/d/797165/d/nauchnayaintegratsiya(2).pdf)
13. Эйхенбаум Б.М. Анна Ахматова. Опыт анализа // Эйхенбаум Б. О поэзии. Л.: Советский писатель, 1969. С. 75-147.

References

1. Lekmanov O.A. & A.A. Shepherd (introd.). The Acmeism in criticism. 1913-1917], article, note. O.A. Lekmanov. SPb.: The publishing house of Timothy Markova, 2014. 544 p.
2. Temnenko G.M. (ed.) Anna Akhmatova: age, destiny, and creativity: the Crimean Akhmatova scientific collection. Vol. 6. Simferopol: The Crimean Archive, 2008. 276 p.
3. Vinogradov V.V. About the poetry of Anna Akhmatova (Stylistic sketches) // Vinogradov V.V. The Poetics of Russian literature: Selected works. M.: Nauka, 1976. P. 482-508.
4. Gorodetsky S. Some trends in contemporary Russian poetry // The anthology of Acmeism: Poems. Manifests. Article. Notes. Memoirs / Introd. the article, comp. and notes. T.A. Beck. Moscow, 1997. P. 202-207.
5. Mandelstam O.E. Morning of Acmeism // collected works in 4 vols., Moscow: Art-Business-Centre, 1993. Vol. 1. URL: http://rvb.ru/mandelstam/01text/vol_1/03prose/1_250.htm
6. Zhirmunskij V.M. Overcame symbolism // Russkaya Mysl'. M. 1916. No. 12. P. 25-56. URL: http://postsymbolism.ru/joomla/index.php?option=com_content&task=view&id=20&Itemid=39
7. Zhirmunskij V.M. To the question about the syntax of Anna Akhmatova // Zhirmunskij V.M. problems in the theory of literature. Article 1916-1926. Leningrad: Academia, 1928. P. 332-336. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/zhirmunskij-k-voprosu-o-sintaksise-ahmatovoj.htm>
8. National corpus of the Russian language. URL: <http://search.ruscorpora.ru/>
9. Ozhegov S.I. Dictionary of Russian language. M.: Rus. lang., 1988. 750 p.
10. Russian grammar. In 2 vols. N.Yu. Shvedova (ed.) [et al.]. M.: Nauka, 1980. Vol. 1. 784 p.
11. Sovsun V. Acmeism, or Adamism // Literary encyclopedia. Vol. 11. M., 1929-1939. URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le1/le1-0702.htm>
12. Tverdokhlebo O.G. Simple forms of comparative degree adjectives, adverbs and words of category of state in the poetry of acmeists (statistical data) // Scientific integration. Collection of scientific works. M.: Publishing House "Pero", 2016. P. 1170-1172. URL: [http://olimpiks.ru/d/797165/d/nauchnayaintegratsiya\(2\).pdf](http://olimpiks.ru/d/797165/d/nauchnayaintegratsiya(2).pdf)
13. Eichenbaum B.M. Anna Akhmatova. Experience in the analysis // Eichenbaum B. About poetry. Leningrad: Soviet writer, 1969. P. 75-147.

УДК 81.42

*Воронежский государственный универси-
тет
магистрант 1-го курса
филологического факультета
Кушнир К.И.
Россия, Воронеж, тел. 8 950 778 42 24
e-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru*

*Voronezh State University
Department of Philology
First-year undergraduate student
Kushnir K.I.
Russia, Voronezh, 8 950 778 42 24
e-mail: ksyu.kushnir.93@mail.ru*

К.И. Кушнир

ОБРАЗ МИРА В СЛОВЕ В. СОЛОУХИНА

В статье рассматриваются и анализируются языковые особенности сборника «Камешки на ладони» В. Солоухина на примере лирической миниатюры «Луч между землей и небом». Описываются основные черты, свойственные жанру лирической миниатюры, приводятся примеры, иллюстрирующие возможность решения спорных научных вопросов лингвистического анализа.

Ключевые слова: текст, лингвистический анализ, лирическая миниатюра, В. Солоухин.

K.I. Kushnir

LANGUAGE PECULIARITIES OF LYRICAL MINIATURES BY V. SOLOUHIN

The language peculiarities of the book 'Stones in the palm' of V.Solouhin are discussessd and analyzed in this article on the example of lyrical miniature 'The beam between the earth and the sky'. The article describes the main features which are common for the genre of lyrical miniature, examples are given which illustrate the possibility of solving complicated scientific questions of linguistic analysis.

Key words: text, linguistic analysis, lyrical miniature, V.Solouhin.

Лингвистический анализ текста является одним из основных способов его изучения. Это не передача личного впечатления от прочитанного, а серьезное изучение произведения с точки зрения его смысла, формы, структуры и др.

Лингвистический анализ текста представляет собой одну из сложнейших методических задач: всем очевидно, что подобный анализ необходим, но никто определенно не может ответить на вопрос: «Что же такое анализ текста?».

Разумно предположить, что если текст представляет собой языковую сущность, то анализ текста подразумевает вопрос о том, что его таковым делает. Любой текст можно рассмотреть как множество слов. Очевидно, что он обладает упорядоченностью. Наличие контекста превращает языковой потенциал в реальное средство для образования текста.

Параллельно с актуализацией по мере чтения текста начинается еще один процесс, который и приводит к текстообразованию. Это процесс прагматического толка, который позволяет читающему в своем сознании рисовать картины реальности, ассоциирующиеся с прочитанным в тексте.

Можно сказать, что в результате получается непростая сумма пропозиций. Назовем процесс ее образования текстуальностью – это формирующееся при чтении однонаправленное прагматическое поле, позволяющее воспринимать последовательность

речевых единиц как текст.

Читая художественное произведение мастера, человек узнает мировоззрение автора, особенности его сознания. Через их восприятие читатель расширяет свой кругозор, ведь «способность посмотреть на явление через призму чужого сознания равноценна возможности заглянуть в параллельные миры» [1; с. 3].

Особенность любого художника: литератора, живописца, музыканта, скульптора – в том, что он в малом видит большое, а в большом – малое. И передает это видение чуткому читателю.

Так, в произведениях Владимира Солоухина мы остро ощущаем любовь к родной земле, поэтическое восприятие природы и человека, внимание к Слову, в котором воплощается авторский мир.

Все это мы обнаруживаем в лирических миниатюрах Владимира Солоухина «Камешки на ладони».

Жанр «отрывка», миниатюры – один из интереснейших в литературе. В кратком объеме, в сжатой форме он позволяет писателю сказать то, что не «влезает» в большой рассказ. Более того, отрывок – это запечатление момента, в том числе момента рождения мысли. «Камешки на ладони» Владимира Алексеевича Солоухина – прекрасный пример этого уникального жанра. Быт под пером такого мастера слова приобретает черты лирической «волшебности».

Опираясь на фундаментальные теоретические работы Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарина, И.Я. Чернухиной, В.А. Лукина и опыт практического анализа языка художественного произведения, мы можем более глубоко и полно раскрыть некоторые стороны миниатюр В.Солоухина.

Первое, что должно быть предметом размышления читателя, когда тот берет в руки книгу – это заголовок, поскольку он – вершина иерархии текста.

В современной лингвистической литературе, посвященной анализу текста, серьезное внимание обращается на звукобуквенную организацию текста. А.П. Журавлевым дана классификация звукобукв, к помощи которой мы прибегаем в данном исследовании.

Анализируя название сборника «Камешки на ладони» на фонетическом уровне, мы можем обнаружить следующие фоносемантические приметы: звукобуквы <м>, <е>, <ш>, <л>, <д>, <о> встречаются один раз, более частотны звукобуквы: <к>, <а>, <и>, <н>. Они имеют следующие характеристики:

<А> – ярко-красный, радостный, хороший, большой, мужественный, простой, холодный, медленный, красивый, гладкий, величественный, яркий, округлый, громкий, длинный, храбрый, добрый, могучий;

<И> – синий, голубой, хороший, маленький, нежный, женственный, светлый, простой, холодный, медленный, красивый, гладкий, легкий, низменный, тихий, хилый, медлительный;

<К> – плохой, большой, грубый, мужественный, сложный, темный, слабый, холодный, отталкивающий, шероховатый, тяжелый, грустный, страшный, низменный, тусклый, угловатый, печальный, тихий, короткий, трусливый, злой, хилый;

<Н> – грубый, мужественный, темный, медленный, холодный, тяжелый, трусливый, угловатый, короткий, злой, медлительный.

У этих звукобукв основные характеристики: холодный – употребляется четыре раза, мужественный – три раза, медленный – три раза, хороший, большой, простой, красивый, гладкий, низменный, тихий, грубый, темный, тяжелый, злой, медлительный, угловатый и короткий – по два раза.

Звукобуква <а> является стержневой, создает ощущение прочности, основательности, яркости, что потом находит подтверждение в смысловом содержании миниатюр.

Также трижды в заголовке встречается звук <и>, который передает читателю ощущение простора, цвет небесной голубизны.

Доминантой среди согласных, образующих название, становятся сонорные звуки: <м>, <л>, <н>, с помощью которых автор передает читателю чувство прочности, угловатости, основательности.

Сочетание согласных и гласных звукобукв создает определенную семантику: прочный, крепкий, яркий, что соответствует лексеме «камень».

Что касается значения слов, входящих в название, интересным представляется тот несомненный факт, что в слове «камешки» одновременно реализуются все те значения, которые представлены в словарных статьях.

Значение слова «камень» в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова:

- красиво окрашенный или бесцветный прозрачный минерал, используемый для ювелирных украшений;
- окрашенный минерал или горная порода, используемые для изготовления украшений, предметов искусства;
- обломок такой породы;
- плотное образование из солей и органических соединений во внутренних органах, протоках;
- твердая горная порода кусками или сплошной массой .

В «Толковом словаре» Д.Н. Ушакова приведена следующая словарная статья:

КАМЕШЕК, камешка, м. Уменьш.-ласкат. к камень в 1 знач. Собирать камешки на морском берегу. Кольцо с камешком в полкарата. Камешек в огород чей (разг. ирон.) - обидный намек по адресу кого-н.

В «Большом толковом словаре» лексема «камешек», «камушек» не рассматривается в отдельной статье, она приводится как уменьшительно-ласкательное от «камень»:

Камешек; камушек, -шка; м. Уменьш.-ласк. (1-2 зн.). Бросать камешки в воду. Собирать камешки на морском берегу. Колечко с голубым камушком.

На основании приведенных выше словарных статей можно сделать вывод о том, что в лексеме «Камешек» одновременно сочетаются следующие характеристики: большой и ювелирный, твердый и хрупкий, грубый и драгоценный.

Так же, как человек, идущий по берегу моря, тщательно и усердно отбирает каждый камешек, который будет напоминать о путешествии, или как коллекционер, который знает истинную цену редким камням, Владимир Солоухин филигранно составляет сборник «Камешки на ладони» из своих лирических миниатюр.

Следует ожидать, что те значения и смыслы, которые мы обнаружили при общем анализе названия сборника, находят свое отражение и в каждой отдельной миниатюре.

Посмотрим с позиций, обозначенных выше, на миниатюру «Луч между землей и небом».

Наиболее встречающиеся здесь звукобуквы – <о>-1368, <е>-1301, <т>-822 – имеют следующие характеристики: о – белый, большой, грубый, мужественный, простой, сильный, холодный, медленный, красивый, гладкий, величественный, яркий, округлый, громкий, длинный, храбрый, могучий, хороший; е – зеленый, светлый, хороший, простой, холодный, медленный, красивый, тусклый, медлительный; т – плохой, маленький, грубый, мужественный, темный, пассивный, сложный, слабый, быстрый, отталкивающий, шероховатый, тяжелый, грустный, страшный, неизменный, тусклый, угловатый, печальный, тихий, короткий, трусливый, злой, хилый. Часто повторяющиеся: хороший – 2, простой – 2, холодный – 2, медленный – 2, красивый – 2.

Стержневые для данной миниатюры звуки создают ощущение прочности, холода, красоты, что является важной составляющей при описании природы у В. Солоухина.

Грамматической доминантой текста являются имена существительные, которые употребляются 639 раз, глаголы – 411 раз, прилагательные – 236 раз.

В анализируемых текстах имена существительные выполняют информативную и эстетическую функции, кроме того, они могут играть важную стилистическую роль, выступая как яркий источник экспрессии.

«Внизу между тем *лес*, похожий больше на *мох*. *Речка*, словно серебристая *нитка*. Около *речки* - зеленая *поляна*. Какая-то *букашечка* там, среди поляны. *Человечек!*» [2; с. 138].

«*Моряки*, как бы они ни тосковали по *морю*, хорошо знают, что *море* прекрасно только тогда, когда у него есть *берег*» [2; с. 138].

«*Человек* сам, как *трава*, как *растение*, на которое извечно действуют две противоположные *силы: тяжести, привязанности, прикрепленности к земле и стремления вверх, полета, роста*» [2; с. 139].

Писатель намеренно часто употребляет существительные, чтобы читателю бросилось в глаза все разнообразие природы. В.Солоухин хочет через частное, будь то трава, капля росы или луч солнца, показать общее: как все это взаимодействует, развивается, перерастает в окружающий нас мир: поля и леса, реки и озера, восходы и закаты.

Трудно предусмотреть в схеме анализа все семантические и экспрессивные ресурсы лексики, поэтому остановимся на наиболее распространенных и легко поддающихся описанию. Проанализируем использование тропов.

В миниатюре «Луч между землей и небом» часто встречаются сравнения.

«Речка, словно серебристая нитка» [2; с. 141].

«Как хмель, украшающий дачную террасу, растет вдоль шпагатных струн, натянутых для него человеком, так всякая травинка, всякий стебель и ствол растут вдоль незримого силового луча, натянутого между двумя точками: центром земли и центром солнца» [2; с. 140].

«Налившийся ржаной колос сгибает в лебединую шею прямой, как стрела, целеустремленный стебель» [2; с. 139].

В тексте используются олицетворения:

«Хмель этой браги, по общему мнению всех многолетних гостей, бил в двух направлениях: и в ноги, и в голову. Голове он придавал легкость и веселость, а ногам тяжесть и неподвижность» [2; с. 138].

«Когда собирали остатки тына – ранней весной, – хмель сидел затаившись в земле» [2; с. 138].

«Он (хмель) расплзался от того места, где раньше стоял тын, во все стороны, цепляясь за все на своем пути, и все ему было мало» [2; с. 143].

Особое положение в системе тропов занимают эпитеты, которые обычно трактуются как «художественные определения».

«Это иная, очень тактичная, я бы даже сказал – ласковая информация».

«И все же, если взглянуть на искривленный, на уродливый стебель (ствол), нетрудно заметить, что, может быть, он и искривился только для того, чтобы обойти внешнее грубое препятствие, а потом снова подчиниться лучу».

«Они сплетались, перепутывались, свисали беспорядочными, праздными кудрями».

В. Солоухин, как и каждый автор, при описании природы обращается к тропам и фигурам. С их помощью он передает состояния окружающего мира, отношение к нему героев, собственные чувства.

Большой интерес вызывает синтаксическое построение исследуемой миниатюры. Широко представлены вопросительные предложения, которые в большинстве своем имеют структуру риторического вопроса, не требующего ответа:

«Лежишь на траве? Купаешься в небе? Летишь или падаешь?» [2; с. 143].

«Улететь в небо, раствориться в нем, что может быть желаннее, слаще?» [2; с. 145]

«Но бывают же кривые, изогнутые стебли? Где же их скольжение по прямому лучу? Где же их стремление к свету, где же их прямизна?» [2; с. 145]

Обычно текст, который состоит из коротких предложений, более экспрессивен. Он помогает передать ощущение несвязности явлений, чувство напряженности,

взволнованности, вызванное разными причинами, поэтому при анализе важно обратить внимание на парцелляцию:

«Лежать на траве. Опуститься, опрокинуться, навзничь, раскинуть руки» [2; с. 147].

«Лежишь на траве? Купаешься в небе? Летишь или падаешь?» [2; с. 147]

«Ну что же, вот она, твоя синь, вот они, твои облака. Скопление сырости и тумана» [2; с. 139].

К особенностям языка Солоухина можно отнести тире. Привычно рассматривать данный знак как разделительный, а в творчестве этого писателя он употребляется как своеобразный переход, «мостик» между мыслями автора:

«Головой словно вскочил бы и – плясать, порхать с платком по просторным и чистым половицам, а ноги невозможно сдвинуть с места и оторвать от пола» [2; с. 144].

«Но это еще не значит – видеть небо» [2; с. 144].

«Один лучик – к ромашке (не погадать ли на старости лет – и тут далеко уводящая цепочка ассоциаций), второй лучик – к березе («чета белеющих берез»), третий лучик – к лесной опушке («когда в листве сырой и ржавой рябины заалеет гроздь»), четвертый – к летящей птице («Сердце – летящая птица, в сердце – щемящая лень»), и пошла лучиться, дробиться душа, не скудея, не истощаясь от такого дробления, но все же и не сосредоточиваясь от многих точек к одной, как это бывает в минуты творчества, в минуты – вероятно – молитвы да еще вот когда останешься один на один с бездонным небом. Но для этого надо опрокинуться в летнюю траву и раскинуть руки» [2; с. 142].

Главной темой творчества В. Солоухина всегда была русская деревня. Она стала определяющей темой в его жизни. В этой миниатюре сочетаются публицистическая документальность и настроенность на природную лирику, исконно крестьянскую, основанную на собственных наблюдениях. Автору свойственно национальное русское восхищение малой родиной и ее природой.

Человек находится между двумя мирами, в нем сосредоточены два начала: небесное, духовное и земное, практическое. Ведущая проблема – противопоставление мира естественной природы (безграничный простор, небо) механическому миру, который представлен образом самолета; противопоставление открытому пространству – замкнутого. Отсюда и философский контекст – существование человека в мире, пространстве, времени; проводится параллель между растением и человеком. Существование в мире, пространстве, времени своей системы ценностей, которой в дальнейшем руководствуется человек. Солоухин представляет ее в метафорических образах.

Изучение литературы нельзя считать процессом, направленным на получение специфических знаний, выявление литературоведческого аспекта. Это прежде всего проникновение в глубины и восхождение к высотам языка. Лингвистический анализ текста – это искусство многогранности художественного слова и проникновение в духовное постижение произведения.

Библиографический список

1. Кольцова Л.М. Художественный текст через призму авторской пунктуации / Кольцова Л.М. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2007. 48 с.
2. Солоухин В. Камешки на ладони / В. Солоухин. М. : Дет. Лит., 2007. 285 с.

References

1. Koltsova L.M. Artistic text through the prism of author's punctuation. Voronezh State University, 2007. 48 p.
2. Solouhin V. Stones in the palm. Moscow, 2007. 285 p.

УДК 82

*Воронежский государственный архитек-
турно-строительный университет
асс. кафедры русского языка и межкуль-
турной коммуникации*

Голованова Н.Ю.

*Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)271-50-48
e-mail: gnomik-585@mail.ru*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-
cultural communication
assistant lecturer*

Golovanova N.Y.

*Russia, Voronezh, +7(473)271-50-48
e-mail: gnomik-585@mail.ru*

Н.Ю. Голованова

**ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ МОТИВА ОДИНОЧЕСТВА В РАННЕЙ ПРОЗЕ
Л.Н. АНДРЕЕВА (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗОВ «ЖИЛИ-БЫЛИ»,
«РАССКАЗ О СЕРГЕЕ ПЕТРОВИЧЕ»)**

В статье рассматриваются языковые особенности мотива одиночества в рассказах Л.Н. Андреева, выявлены и проанализированы лексемы *один*, *одинокий*, *одиночество*, *одиночка* в данных произведениях, раскрывающих трагедию души человека.

Ключевые слова: мотив, один, одинокий, одиночество, одиночка.

N.Y. Golovanova

**LANGUAGE PECULIARITIES OF THE MOTIVE OF LONELINESS
IN LEONID ANDREEV'S EARLY PROSE (ON THE STORIES
'ONCE UPON A TIME' AND 'THE STORY OF SERGEY PETROVICH')**

The article considers language peculiarities of the motive of loneliness in Leonid Andreev's stories. We reveal and analyze such words as *one*, *alone (single)*, *loneliness*, *lone person* displaying the tragedy of human soul in the given pieces.

Key words: motive, one, alone (single), loneliness, lone person.

Леонид Николаевич Андреев – один из самых сложных и малоизученных русских писателей-философов конца XIX – начала XX вв. В работе «Люди и книги» Корней Чуковский отмечает схожесть Л.Н. Андреева с одиноким трагиком, который восстает против вечных законов вселенной. Л.Н. Андреев известен как мыслитель, решающий вечные, экзистенциальные вопросы человеческого бытия. Исследованию литературного богатства Л.Н. Андреева посвящены научные, публицистические статьи, очерки, рецензии, книги, воспоминания, однако язык произведений писателя изучен мало.

Целью нашего исследования является рассмотрение языковых особенностей мотива одиночества в прозе Л.Н. Андреева, их воплощение в поэтической мысли и функция в текстах данного автора. Материалом послужили произведения раннего периода творчества писателя: «Жили-были», «Рассказ о Сергее Петровиче».

Литература начала XX века проникнута темой одиночества. Ее затрагивали многие поэты и писатели. Они показали трагедию одинокой души, которая брошена во враждеб-

ный, чуждый мир. Эта трагедия отражена в русской поэзии начала XX века у поэтов-символистов, акмеистов, футуристов. Они доказывали, что одиночество – это не только состояние души человека, но и вызов окружающему миру. Многих исследователей литературы интересовали люди, которые жили отдельно от общественной жизни, имели собственные взгляды на мир. Обычно такие взгляды не совпадали с общественным мнением, не находили поддержки в социуме. Это оказывало очень сильное влияние на человека, он чувствовал себя своеобразным отшельником и воспринимал это как личную трагедию.

Обратимся вначале к самому термину «мотив» и его трактовке известными учеными-литературоведами.

Б.М. Гаспаров определяет мотив как «подвижный компонент, вплетающийся в ткань текста и существующий только в процессе слияния с другими компонентами; его свойства вырастают каждый раз заново, в процессе самого анализа, и меняются с каждым новым шагом, с каждым изменением общей смысловой ткани» [4; с. 301]. Исследователь отмечает, что «в роли мотива может выступать любой феномен, любое смысловое «пятно» – событие, черта характера, элемент ландшафта, любой предмет, произнесенное слово, краска, звук и т. д.; единственное, что определяет мотив, – это его репродукция в тексте» [3; с. 30].

Авторы «Лермонтовской энциклопедии» так определяют этот термин: «Мотив – устойчивый смысловой элемент литературного текста, повторяющийся в пределах ряда фольклорных (где мотив означает минимальную единицу сюжетосложения) и литературно-художественных произведений» [6; с. 290]. Они поясняют, что «мотив может быть рассмотрен в контексте всего творчества одного или нескольких писателей, какого-либо литературного направления или литературы целой эпохи, а также отдельного произведения» [6; с. 290].

Рассмотрим языковые значения этого термина. В толковом словаре С.И. Ожегова «мотив» – это:

1. побудительная причина, повод к какому-нибудь действию [7; с. 354];
2. довод в пользу чего-нибудь [7; с. 354];
- 1) простейшая составная часть сюжета, тема в произведениях искусства (спец.) [7; с. 354];
- 2) мелодия, напев [7; с. 354].

В произведениях Л.Н. Андреева мотив – это и «тема в произведениях искусства» [7; с. 354], и побудительная причина, повод к какому-нибудь действию [7; с. 354].

Центральным мотивом в творчестве Л.Н. Андреева является мотив одиночества. В рассказе «Жили-были» (1901 г.) выявлены лексемы: **одинокий**, **одиночество**.

В «Словаре русского языка» Ожегова С.И. лексема **одинокий** означает:

- 1) отделенный от других подобных, без других [7; с. 310];
- 2) не имеющий семьи, близких [7; с. 310];
- 3) происходящий без других, в отсутствии других [7; с. 310].

Л.Н. Андреев использует лексему **одинокий** для обозначения человека, «не имеющего семьи, близких» [7; с. 310]. Например: «*Богатый и одинокий купец Лаврентий Петрович Кошеверов приехал в Москву лечиться, и, так как болезнь у него была интересная, его приняли в университетскую клинику*» [1; с. 130].

Дьякон Филипп Сперанский, еще один главный герой данного рассказа, наоборот, не чувствовал себя одиноким. Он любил жизнь и радовался каждому ее мгновению: «*К нему никто не приходил, и он был тяжело болен, но он не чувствовал себя одиноким, так как познакомился не только со всеми больными, но и с их посетителями, и не скучал. Больным он ежедневно по нескольку раз желал выздороветь, здоровым желал, чтобы они в веселье и благополучии проводили время, и всем находил сказать что-нибудь доброе и приятное*» [1; с. 140].

В своих произведениях автор также использует лексему **одиночество**.

В толковом словаре С.И. Ожегова лексема **одиночество** означает «состояние одинокого человека» [7; с. 310].

В тексте рассказа мы находим: *«Память его быстро, в одной молниезарной картине, воспроизвела всю его жизнь за последние годы: неумолимую болезнь, день за днем пожиравшую силы; одиночество среди массы алчных родственников, в атмосфере лжи, ненависти и страха; бегство сюда, в Москву, – и так же внезапно потушила эту картину, оставив на душе одну тупую, замирающую боль»* [1; с. 134].

Чувство одиночества не покидает Лаврентия Петровича на протяжении всего рассказа: *«Люди оцупывали его со всех сторон, занимались им так, как никто в прежней жизни, и при всем том в продолжение целого дня его не покидало смутное чувство глубокого одиночества. И чем больше занимались они телом, тем глубже и страшнее становилось одиночество души»* [1; с. 135].

Лексему **одиночество** мы также встречаем и в «Рассказе о Сергее Петровиче»: *«Некоторых из студентов, всегда выдвигавших вперед общественную точку зрения, настоящий случай навел на размышления и разговоры о разъединенности студенчества, отсутствии общих интересов и умственном одиночестве. Возникло на короткое время несколько кружков саморазвития, где читались книги по общественным вопросам и писались рефераты»* [2; с. 10].

Помимо лексемы **одиночество** в «Рассказе о Сергее Петровиче» (1900 г.), прослеживаются лексемы **один**, **одиночка**.

Сначала обратимся к толковому словарю С.И. Ожегова и посмотрим на значения лексемы **один**:

- 1) Число, цифра и количество 1 [7; с. 310].
- 2) Без других, в отдельности [7; с. 310].
- 3) Какой-то, некий [7; с. 310].
- 4) Тот же самый, тождественный [7; с. 310].
- 5) Только, исключительно [7; с. 310].
- 6) Какой-нибудь в ряду сходных [7; с. 310].
- 7) Единый, целостный [7; с. 310].

В текстах Л.Н. Андреева лексема **один** имеет несколько значений:

1) единственный, единственно возможный: *«Жизнь показалась ему узкою клеткою, и часты и толсты были ее железные прутья, и только один незапертый выход имела она»* [2; с. 4];

2) без других, в отдельности [7; с. 310]: *«Другою книгою была «Один в поле не воин» Шпильгагена, и он любил говорить о ней с товарищами и радовался, когда и они восторженно склонялись перед благородным деспотом Лео»* [2; с. 6]; *«После минутной нерешимости они поцеловались, неловко, не зная сколько нужно поцелуев, и Новиков уехал. И, оставшись один, Сергей Петрович понял, что он давно желал и ожидал этого дня, когда он останется с Ницше один и никто не будет мешать им. И, действительно, с этой минуты никто не мешал им»* [2; с. 8]; *«Правдивыми ему казались русские романы, но больно было читать их при мысли, что он один из таких же маленьких, источенных жизнью людей, о каких пишутся эти толстые и унылые книги»* [2; с. 8].

3) только, исключительно [7; с. 310]: *«И изо всего, кажется, класса он один оставался до конца без прозвища, если не считать имени «Сергей Петрович», которым величали его все: учителя, гимназисты и сторожа. Не было в нем ничего такого, на что можно было бы привесить остроумную кличку»* [2; с. 8];

4) какой-нибудь в ряду сходных [7; с. 310]: *«И он не любил ни одного из тех, с кем шутил, пил водку и целовался»* [2; с. 6].

Рассмотрим языковые значения лексемы *одиночка*.

В словаре В.И. Даля лексема *одиночка* имеет значения:

- 1) живущий один, одиноко, в одиночестве [5; с. 648];
- 2) неженатый, холостой [5; с. 648];
- 3) один работник в очередной семье, вернее одиночка [5; с. 648].

Лексема *одиночка* в рассказе Л.Н. Андреева имеет значение «живущий один, одиноко, в одиночестве» [5; с. 648]: *«Таким образом, он не принадлежал, по виду, к студентам-одиночкам, проводившим глухую, никому не ведомую жизнь и появившимся только на экзаменах с массою писанных конспектов и с растерянным лицом, но в действительности у него совершенно отсутствовала живая связь с людьми, делающая общество их приятным и необходимым»* [2; с. 8].

Итак, в своем художественном творчестве Л.Н. Андреев уделяет особое внимание проблемам одиночества и отчуждения личности, что нашло воплощение в оригинальной поэтике автора. Выявленные и проанализированные лексемы раскрывают трагедию души человека, показывают внутреннюю пустоту, изолированность его от внешнего мира, попытку спрятаться от него, отражают искания заблудшей души и борьбу во внутреннем мире героев.

Библиографический список

1. Андреев Л.Н. Повести и рассказы. Куйбышев, 1981. 512 с.
2. Андреев Л.Н. Рассказ о Сергее Петровиче: Рассказ / Л.Н. Андреев. 1900. 15 с.
3. Гаспаров Б.М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука, 1993. С. 28-82.
4. Гаспаров Б.М. Послесловие. Структура текста и культурный контекст // Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М.: Наука, 1993. С. 274-303.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. Ростов-на-Дону, Владис, 2011. 1088 с.
6. Лермонтовская энциклопедия / Гл. ред. В.А. Мануйлов. М.: Сов. энциклоп., 1981. 784 с.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: ООО «Издательство ОНИКС»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2010. 640 с.

References

1. Andreev L.N. Novels and stories. Kuibyshev, 1981. 512 p.
2. Andreev L.N. The story of Sergey Petrovich. 1900. 15 p.
3. Gasparov B.M. Some observations of motive structure of the novel 'Master and Margaret' by M.A. Bulgakov // Gasparov B.M. Literary burdens. Sketches on Russian literature of the 20th century. Moscow, 1993. P. 28-82.
4. Gasparov B.M. Afterword. Text structure and cultural context // Gasparov B.M. Literary burdens. Sketches on Russian literature of the 20th century. Moscow, 1993. P. 274-303.
5. Dahl V.I. Explanatory dictionary of live Great Russian language. Rostov-on-Don, 2011. 1088 p.
6. Lermontov encyclopedia / Ed. by V.A. Manuilov. Moscow, 1981. 784 p.
7. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of Russian language / Ed. by prof. L.I. Skvortsov. 24th edition. Moscow, 2010. 640 p.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ METHODOLOGY OF TEACHING LANGUAGES

УДК 811. 161. 1

*Институт международного образования
Воронежский государственный универси-
тет*

*канд. филол. наук, доц. кафедры русского
языка довузовского этапа обучения ино-
странных учащихся*

Распопова Т.И.

Россия, г. Воронеж, тел. 8-919-246-20-69

Voronezh State University

Institute of International Education

*The chair of Russian language for precollege
stage of teaching foreign students*

PhD, associate professor

Raspopova T.I.

Russia, Voronezh, 8-919-246-20-69

*ст. преп. кафедры русского языка дову-
зовского этапа обучения иностранных
учащихся*

Китаева Н.А.

Россия, г. Воронеж, тел. 8-952-956-80-07

*The chair of Russian language for precollege
stage of teaching foreign students*

senior lecturer

Kitaeva N.A.

Russia, Voronezh, 8-952-956-80-07

*ст. преп. кафедры русского языка довузов-
ского этапа обучения иностранных уча-
щихся*

Сарафанникова О.А.

Россия, г. Воронеж, тел. 8-919-249-60-11

e-mail: famsar@mail.ru

*The chair of Russian language for precollege
stage of teaching foreign students*

senior lecturer

Sarafannikova O.A.

Russia, Voronezh, 8-919-249-60-11

e-mail: famsar@mail.ru

Т.И. Распопова, Н.А. Китаева, О.А. Сарафанникова

УЧЕБНЫЙ КОМПЛЕКС «Я ЛЮБЛЮ РУССКИЙ ЯЗЫК»: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

В статье рассматриваются принципы, которые легли в основу создания нового учебного комплекса по русскому языку для студентов-иностранцев довузовского этапа обучения и даётся краткое описание содержания компонентов комплекса «Я люблю русский язык».

Ключевые слова: организация грамматического материала, виды упражнений, коммуникативная компетенция, страноведческие знания.

T.I. Raspopova, N.A. Kitaeva, O.A. Sarafannikova

STUDY PACK ‘I LOVE RUSSIAN LANGUAGE’: TRADITIONS AND INNOVATIONS

The article considers the principles underlying the creation of the original study pack on Russian language for foreign students of pre-college education stage and outlines the content and components of the study pack “I love Russian language”.

Key words: arrangement of grammar, types of exercises, communicative competence, cross-cultural knowledge.

Всегда актуальная для всех уровней образования проблема создания новых учебников, пособий, учебно-методических комплексов в области преподавания иностранных языков, в том числе и русского как иностранного, зачастую связана с противопоставлением и противостоянием проверенным временем, устоявшимся принципам и подходов и постоянных поисков нового в методике обучения. Вместе с тем ни консерватизм, ни новаторство сами по себе не отвечают стоящим перед автором современного учебника потребностям и задачам. Оптимальное решение заключается в разумном балансе старого и нового. Авторы созданного на кафедре русского языка довузовского этапа обучения иностранных учащихся Института международного образования Воронежского государственного университета учебного комплекса «Я люблю русский язык» стремились соблюсти баланс традиционных и инновационных подходов.

Предлагаемый учебный комплекс, помимо собственно учебника, состоит из целого ряда приложений, в число которых входит сборник заданий по грамматике, сборник текстов и диалогов для дополнительного чтения, сборник поурочных и поэтапных контрольных работ и сборник диктантов и изложений. Одной из особенностей учебного комплекса является ориентированность на ускоренное освоение языкового материала, предполагающая овладение русским языком в объеме I сертификационного уровня за сравнительно сжатые сроки (6-7 месяцев). Ядро учебного комплекса составляет учебник, состоящий из 24 уроков и рассчитанный на 380-390 часов аудиторного времени. В настоящей статье рассматриваются принципы, лежащие в основе создания данного учебного комплекса, как уже применявшиеся ранее в разработке подобного рода учебных материалов, так и новые идеи, воплотившиеся в нем.

Так, в сфере создания учебников РКИ популярной дискуссионной темой остается вопрос о подаче грамматического материала. В настоящее время распространены два основных подхода к предъявлению русской грамматики. Сторонники первого, так называемого «концентрического», подхода считают необходимым уже на этапе вводно-фонетического курса дать учащимся элементарные сведения о грамматической системе русского языка в целом. Так, например, в самых начальных уроках изучаются все русские падежи, но каждый вводится лишь в своем главном значении, т.е. в одной функции, свойственной одной форме. Сторонники второго подхода, функционального, призывают изучать весь функциональный потенциал грамматической единицы; при этом предъявление грамматики строится на принципе «от значения – к форме» [3]. В действительности же споры о примате функции либо формы в прикладном аспекте в определенной мере беспочвенны, а противопоставление двух подходов, на наш взгляд, несколько искусственно. В реальном обучении, в том числе и в учебном комплексе, составляющем предмет настоящей статьи, естественным образом применяются оба вышеупомянутых способа предъявления грамматического материала, различие же заключается в этапе обучения, которому каждый из этих подходов соответствует. Так, на начальном этапе освоения русского языка каждой вводимой форме соответствует одна функция, либо две-три, вводимые последовательно. В частности, родительный падеж местоимений предлагается к изучению уже в 3 уроке учебника «Я люблю русский язык» в функции косвенного субъекта (с предлогом *у*: *У меня есть ручка.*) а также для выражения отсутствия объекта (после *нет*: *У меня нет ручки*). На более поздних этапах овладения русским языком, по мере расширения лексического запаса и соответствующего ему набора коммуникативных ситуаций, ввод новых грамматических понятий осуществляется по функциональному принципу, сначала дискретно, поэлементно (*Выражение времени* – сквозная грамматическая тема уроков с 6 по 9), затем и суммарно (*Глаголы движения с префиксами*, рассматриваемые в 18 уроке).

Проблема порядка изучения русских падежей также находит свое отражение и оптимальное решение в учебном комплексе «Я люблю русский язык». Согласно практическому опыту авторов учебника, традиционная для русской грамматики и повсеместно применяющаяся на практике последовательность «именительный – родительный –

дательный – винительный – творительный – предложный» не вполне соответствует коммуникативным потребностям обучающихся на начальном и среднем этапе изучения русского как иностранного. Предлагаемый в рассматриваемом учебном комплексе порядок предъявления падежей обуславливается, прежде всего, их востребованностью на данном этапе, а также степенью трудности усвоения того или иного материала. В основе представления падежной системы русского языка лежит сходство/различие падежей по формальным и функциональным признакам. Так, винительный падеж личных местоимений вводится уже во 2 уроке в связи с самой первой коммуникативной потребностью обучающихся – необходимостью представиться. Предъявление падежей имен существительных начинается с родительного в сопоставлении с именительным, так как наличие явных, эксплицитных показателей в оформлении родительного падежа облегчает учащимся распознавание и разграничение именительного и родительного, родительного и винительного падежей. Творительный падеж, предполагающий использование совместно со сравнительно широким лексическим запасом глаголов, вводится в последнюю очередь, в 15 уроке учебника.

Отметим также специфику задач, стоящих перед учебным комплексом «Я люблю русский язык». Необходимость освоения русского языка как иностранного в объеме I сертификационного уровня в сжатые сроки и потребности подготовки обучающихся к изучению дисциплин основного университетского курса требуют раннего введения элементов научного стиля речи (например, конструкции с глаголом *находиться* вводятся в 8 уроке, сложные предложения с союзом *который* – с 7 урока). С другой стороны, проживание студентов в стране изучаемого языка требует их скорейшей адаптации к новой языковой среде, чему способствуют, в частности, тексты, диалоги и лексический материал (лексика по темам: *учебная среда, город, магазины, предметы обихода, продукты*) первых 4 уроков учебника и сопровождающего его «Сборника текстов и диалогов для дополнительного чтения».

Еще одной ключевой особенностью учебного комплекса «Я люблю русский язык», связанной с проблематикой предъявления грамматического материала, являются грамматические таблицы, отличающиеся лаконичностью представления и вместе с тем исчерпывающей полнотой примеров, иллюстрирующих тот или иной аспект русской грамматики, грамматическую категорию. Такие таблицы позволяют выработать у обучающихся системное, целостное представление о русской грамматике. Для облегчения освоения практического применения грамматических форм в речи в сопровождающих таблицы упражнениях сложные парадигмы словоизменения часто отрабатываются вначале дискретно (например, в упражнении на образование множественного числа имен существительных предлагаемые слова разбиты на три группы по родам), а затем – «суммарно», формируя навык выбора правильного варианта из ряда возможных для каждого конкретного случая. Помимо разноплановых грамматических упражнений, входящих в учебник, формирование, развитие и закрепление грамматико-речевых компетенций осуществляется при помощи «Сборника грамматических заданий», состоящего из 24 уроков. Наряду с традиционными подстановочными и трансформационными упражнениями (*Пишите словосочетания в заданной грамматической форме. Раскройте скобки, употребляя соответствующую грамматическую форму. Ответьте на вопросы по образцу. Трансформируйте предложение по образцу и т.п.*) большое внимание в пособии уделяется упражнениям, которые обучают строить самостоятельное высказывание. Это задания, в которых осуществляется и подстановка тренируемой грамматической формы, и составляется целое высказывание по заданному образцу. Приведем пример такого типа упражнения.

Задайте вопросы и ответьте по образцу.

Образец: Ты, читать, новая интересная книга.

–Какую книгу ты читаешь?

–Я читаю новую интересную книгу.

Завершается каждый урок пособия заданием восстановить текст, включающий изучаемые грамматические формы. (*Восстановите надежные окончания. Употребите в правильной форме слова из скобок. Дополните предложения нужными предложениями.*)

Ориентация на коммуникацию, на «выход в речь» – одно из ключевых требований, выдвигаемых в отношении современных учебников русского как иностранного. В рассматриваемом учебном комплексе задача формирования коммуникативной компетенции решается при помощи разнообразных диалогов, отражающих учебную, бытовую и общекультурную сферы российской действительности. Как в самом учебнике «Я люблю русский язык», так и в сопровождающем его «Сборнике грамматических заданий» отработку речевых навыков обеспечивают также разнообразные упражнения на дифференциацию и адекватный выбор языковых средств в конкретной речевой ситуации в зависимости от целеустановки говорящего, задания на составление диалогов или рассказов по предложенному образцу с использованием изучаемой лексики и грамматических форм. Наконец, для достижения коммуникативной самостоятельности обучающихся студентам предлагаются проблемные вопросы, стимулирующие порождение монологической речи и могущие найти применение также в качестве тем для дискуссий. Подчеркнем, что образцы диалогической речи впервые представлены не только в учебнике, но и в сопровождающем его «Сборнике текстов и диалогов для дополнительного чтения».

«Сборник текстов и диалогов», так же как и тексты, входящие в состав учебника, наряду с развитием навыков говорения, ознакомительного и изучающего чтения, преследует и цель ознакомления обучающихся с культурой и историей страны изучаемого языка. Страноведческие знания в настоящее время рассматриваются как существенный компонент обучения иностранному языку, поскольку они расширяют общий кругозор обучающихся, способствуют усвоению реалий другой национальной культуры, что, в свою очередь, усиливает интерес к изучению языка, создает стойкую мотивацию. Важным отличием учебного комплекса «Я люблю русский язык» в этом аспекте является отказ от построения текстов информативного и описательного характера исключительно на реалиях столицы (т.е. Москвы) и города издания учебника (т.е. Воронежа), сведениях о классиках литературы и искусства и т.п. Напротив, вниманию студентов предлагаются составленные авторами и привлеченные из различных источников тексты широкого тематического спектра, дающие представление и о современной российской культуре (например, текст «Современная российская писательница Людмила Улицкая»), и о традициях («Русский чай»), и о крупнейших деятелях различных сфер науки («Известный русский историк В.О. Ключевский», «Физик Лев Давидович Ландау», «Владимир Иванович Даль»), а также более обширную страноведческую информацию («Сочи», «Великий Новгород», «Сибирь»). Содержащиеся в «Сборнике текстов» адаптированные в соответствии с уровнем языковой подготовки студентов отрывки из произведений классических и современных русских писателей также способствуют «погружению» обучающихся в среду изучаемого языка.

Все компоненты учебного комплекса «Я люблю русский язык» взаимообусловлены и гармонично дополняют друг друга. Предъявляемый в учебнике грамматический материал дополнительно отрабатывается и закрепляется благодаря «Пособию по грамматике»; навыки, связанные с чтением и интерпретацией текста, развиваются и поддерживаются за счет «Сборника текстов и диалогов для дополнительного чтения». Наконец, все приобретенные в процессе освоения учебного материала языковые компетенции студентов контролируются и оцениваются при помощи «Сборника поурочных и поэтапных контрольных работ» и «Сборника диктантов и изложений». Особенность первого пособия заключается в применении двух видов проверки сформированности необходимых навыков у студентов. Один из таких способов контроля представляют

поурочные контрольные работы, рассчитанные на 20-25 минут и оценивающие степень освоения лексико-грамматического материала, пройденного в данном уроке. Этот вид проверки позволяет отслеживать и своевременно ликвидировать трудности, возникающие в процессе усвоения материала. Другой вид контроля – поэтапные контрольные работы, проводящиеся после прохождения пятого, десятого, пятнадцатого, двадцатого и последнего уроков учебника – дают возможность оценить, наряду с лексико-грамматическими компетенциями, также способность к аудированию, чтению, пониманию, воспроизведению прочитанного/услышанного и созданию собственного сообщения на его основе, а также умение построить диалог в рамках заданной коммуникативной ситуации и монологическое высказывание на базе изученных тем. Таким образом, две формы контроля, дополняя друг друга, обеспечивают справедливую и всестороннюю оценку результатов обучения и дают возможность своевременной корректировки и направления учебного процесса в соответствии с индивидуальными потребностями и способностями конкретных студентов.

Таким образом, учебный комплекс «Я люблю русский язык» не отвергает проверенных и подтвержденных практикой подходов и представлений, выдвинутых основоположниками методики преподавания РКИ, продолжает многолетние традиции разработки учебных материалов в сфере РКИ, сложившиеся на кафедре русского языка довузовского этапа обучения ИМО ВГУ, и в то же время соответствует новейшим тенденциям в сфере преподавания иностранных языков, разумно совмещая традиционные и новые идеи и принципы.

Библиографический список

1. Распопова Т.И., Кашкина А.В. Функциональная грамматика: дидактический аспект // Вестник ВГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2015. № 4. С. 139-141.
2. Распопова Т.И. Я люблю русский язык: учебник русского языка для иностранных учащихся центров довузовской подготовки иностранных граждан / Т.И. Распопова, Н. А. Китаева. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2015. 294 с.: ил.
3. Шимчев А.С. Межкультурный аспект в содержании обучения иноязычной грамматике студентов по направлению подготовки «Лингвистика» // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 32. Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2015. С. 177-186.

References

1. Raspopova T.I., Kashkina A.V. Functional grammar: the didactic aspect // Official journal of VGU. Series (part): Linguistics and intercultural (crosscultural) communication . Voronezh: Voronezh State University, 2015. №4. P. 139-141
2. Raspopova T.I. I love Russian language : the textbook for foreign students of precollege training / T.I. Raspopova, N. A. Kitaeva. Voronezh: Voronezh State University, 2015. 294 p.
3. Shimchev A. S. Intercultural aspect in the learning content of foreign language grammar for students of linguistics training // Official journal of Nizhny Novgorod State Linguistic University named after Dobrolyubov. Issue 32. Nizhny Novgorod: FSBEI “NSLU”, 2015. P. 177-186

УДК 81'243

*Институт международного образования
Воронежский государственный
университет
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры
русского языка довузовского этапа
обучения иностранных учащихся
Жидкова Ю.Б.
Россия, Воронеж, 8-910-738-19-80
zhidkova_juliabori@mail.ru*

*Institute of international education
Voronezh State University
PhD, Senior Lecturer in Russian language

Zhidkova J.B.
Russia, Voronezh, 8-910-738-19-80
zhidkova_juliabori@mail.ru*

Ю.Б. Жидкова

ОТ АУДИРОВАНИЯ К ИЗЛОЖЕНИЮ

Статья посвящена обучению иностранных учащихся аудированию и репродуктивной письменной речи на довузовском этапе. Уделяется внимание трудностям аудирования, даются рекомендации по их преодолению. Изложение рассматривается как способ контроля понимания прослушанного текста и как репродуктивное речевое упражнение. В статье также приводятся требования к речевым умениям в аудировании и письме в зависимости от уровня владения русским языком как иностранным.

Ключевые слова: аудирование, изложение, вид речевой деятельности, довузовский этап обучения.

J.B. Zhidkova

FROM LISTENING TO THE SUMMARY

The article is devoted to the training of foreign students listening and reproductive writing speech at a pre-college stage of learning. Attention difficulties listening, advice to overcome them. Summary is seen as a way to control text comprehension and understanding of reproductive vocal exercise. The article also describes requirements for speech skills in listening and writing speech depending on the level of proficiency in Russian as a foreign language.

Keywords: listening, summary, type of speech activities, pre-college stage of learning.

Аудирование – рецептивный вид речевой деятельности, заключающийся в восприятии языковой формы высказывания и понимании его смыслового содержания. Аудирование обеспечивает адекватность речевого поведения в различных ситуациях иноязычного общения на повседневном и профессиональном уровне. Оно же является самостоятельным видом речевой деятельности.

Формирование аудитивной компетенции, т.е. способности к смысловому восприятию и пониманию устного сообщения адекватно ситуации реального общения, и является целью обучения аудированию [6; с. 63].

Трудность аудирования обусловлена тем, что оно сочетает аналитико-синтетические операции по распознаванию языковой формы текста и понимание его содержания. Лингвистические трудности восприятия звучащего текста относятся к фонетике, лексике, грамматике. Типичные причины трудностей, возникающих при аудировании, связаны с тем, что учащиеся быстро забывают услышанное, не узнают слова, не понимают, что имеет в виду говорящий, упускают часть сообщения, думая о значе-

нии предыдущей части, не могут понять общую идею [6; с. 69].

На элементарном уровне учащийся должен уметь понять на слух тему и главную информацию, содержащуюся в монологическом высказывании, тип предъявляемого текста: сообщение, повествование, тексты смешанного типа, специально составленные или адаптированные.

На базовом уровне – понять на слух тему, главную и вспомогательную информацию. На этом этапе добавляются сюжетные тексты.

На первом сертификационном уровне учащийся должен уметь понять тему, основную идею, главную и дополнительную информацию каждой смысловой части сообщения с достаточной полнотой, глубиной и точностью. По типу предъявления это могут быть аутентичные или с минимальной степенью адаптации сюжетные тексты. Естественно, что тексты на всех уровнях должны быть построены с учетом лексико-грамматического материала, соответствующего уровню [4; с. 18, 37, 62].

Итак, при обучении иностранному языку эффективность аудирования связывается с пониманием содержательно-фактуальной информации (базовый, элементарный, I уровень общего владения языком).

Требования к аудированию текстов в социально-культурной сфере общения отражены в таблице №1.

Таблица № 1.

Требования к речевым умениям (аудирование)	Уровень		
	элементарный	базовый	первый сертификационный
Объем текста	120–150 слов	300–400 слов	600–800 слов
Количество незнакомых слов	1 %	1,5 % – 2 %	3 %
Темп речи	120–140 слогов в минуту	170–200 слогов в минуту	220–250 слогов в минуту
Количество предъявлений	2	2	1

Так, объем текста социально-культурной тематики на пятом месяце обучения составляет 400 слов, количество незнакомых слов – 6 (1,5 %), на десятом месяце обучения будет составлять 800 слов, количество незнакомых слов – 24 (3%).

В педагогической практике преподавателю важно учитывать опыт и знания студента, направленность его интересов, наличие или отсутствие установок на восприятие, чтобы обеспечить адекватное восприятие и понимание аудиотекста. Аудиотексты должны быть просто и логично построенными, располагать избыточными элементами информации (содержать вводные слова, синонимы, повторы), состоять в основном из простых предложений. Усложняя структуру предложения, важно помнить, что труднее воспринимать придаточные определительные предложения, нежели сложные предложения с дополнительными (изъяснительным) и обстоятельственными придаточными, самыми трудными для понимания являются бессоюзные предложения.

Когда речь идет об аудировании, актуальной становится проблема количества незнакомых слов. Новая лексика может обладать разной функциональной значимостью:

ключевые слова (для понимания основной идеи текста), или лексика, отражающая избыточную информацию [3; с. 43]. Новые слова в учебных текстах начального этапа обучения не препятствуют пониманию смысла в том случае, если это не ключевые слова и если они равномерно распределены по содержанию. Из-за не сформированных навыков слухового восприятия ключевых слов не рекомендуется использовать аудиотексты, в которых они являются новыми [6; с. 65; 3; с. 44]. Необходимо формировать умения догадываться о значении новых слов либо понимать смысл фразы, текста в целом, «перешагивая» через незнакомые слова.

Новую лексику, как и имена собственные, нужно выписать на доске и семантизировать. Чем ниже уровень владения языком, тем активнее должны использоваться зрительные или вербальные опоры. Можно также попросить студентов по названию текста определить его содержание. Такое задание развивает умение составлять представление о содержании текста в целом, языковую догадку на уровне общечеловеческого когнитивного пространства.

Процесс аудирования протекает успешнее, если сопровождается притекстовым заданием, связанным с главной идеей текста, способствующим внимательному восприятию всего текста. Полезно давать план аудиотекста до его звучащего предъявления, что помогает студентам понять его основное содержание. Чтобы учащиеся могли самостоятельно разобраться в особенностях композиции конкретного звучащего текста, необходимо заранее ознакомить их с различными приемами композиции на примерах текстов для чтения. Таким образом, большое значение имеет предварительная инструкция-установка, которая мобилизует студентов на активное аудирование (задания на выделение фрагментов, микротем). Важная информация акцентируется, сообщается медленнее; второстепенная, иллюстрирующая, дублирующая – быстрее.

Задача послетекстовой работы – проверка понимания аудиотекста. Студентам предлагается ответить на вопросы по тексту, выполнить тесты или определить ложные и правдивые утверждения, основанные на информации из текста, придумать эпизоды, которые могли бы следовать за рассказом, составить свой вариант рассказа, доказать что-либо, опираясь на текст, пересказать текст, используя иллюстрации и др.

Для контроля понимания можно использовать такие упражнения, как пересказ текста или передача содержания рассказа в максимально сжатой форме, выбор наиболее удачного заглавия к тексту, рассказ о главных героях, выявление отличий между прочитанным и прослушанным ранее текстом и т. д.

Фундаментальная трудность аудирования состоит в однократном предъявлении текста. Зрительные опоры, неспешный темп, знакомый голос, план текста, инструкция-установка и др. представляют собой облегчающие факторы и готовят учащихся к естественным условиям коммуникации. Но в ряде случаев повторное прослушивание необходимо, например, когда аудиотекст используется для обучения говорению (пересказ) или письменной речи (изложение). Одним из лучших способов контроля является подробное или краткое письменное изложение прослушанного, с помощью которого студенты могут хорошо разобраться в незнакомых словах и предложениях. Некоторые преподаватели и методисты считают, что неправильно ориентироваться в заданиях по аудированию на письменные формы речи, потому что это не соответствует целям коммуникативного обучения и условиям реальной коммуникации, которая отличается активным использованием и взаимосвязанностью, но не взаимозаменяемостью письменных и устных форм общения. Но на начальном этапе необходимо сочетать аудирование с письмом.

Различаются типы письменных сообщений, в основе которых преобладает продуктивность (их содержание и языковое оформление определяется пишущим) или репродуктивность (когда письменно передается информация, полученная при чтении, слушании, переработанная и представленная в разной степени свернутости с учетом конкретной цели письменного сообщения) [6; с. 97].

В учебной сфере студенту нужно уметь составить план текста, тезисы, конспекты, рефераты, выписывать информацию из справочной литературы и т.д. Тексты, предназначенные для изложения в письменной форме, готовят к конспектированию учебных лекций.

Письменная речь всегда являлась фиксатором знаний студентов в области изучаемого языка, и в этой роли она составляет важную часть учебного процесса.

На элементарном этапе проводятся слоговые, словарные, фразовые и текстовые диктанты.

На базовом уровне учащийся должен уметь строить письменное монологическое высказывание репродуктивного характера на основе прослушанного текста в соответствии с коммуникативной установкой с использованием по необходимости предложенного вопросного плана. Тип текста: повествование, описание, сообщение и тексты смешанного типа.

На первом сертификационном уровне – строить высказывание в соответствии изученным лексико-грамматическим материалом уже без предъявления вопросов. На этом уровне могут даваться тексты смешанного типа с элементами рассуждения. Для аутентичных текстов допустима минимальная степень адаптации [4; с. 38, 63].

Требования к письму как виду речевой деятельности отражены в таблице № 2.

Таблица № 2.

Требования к речевым умениям (письмо)	Уровень	
	базовый	первый сертификационный
Объем предъявляемого текста	400–500 слов	600–700 слов
Количество незнакомых слов	2 %	4–5 %
Письменное воспроизведение	18–20 предложений	20–25 предложений
Количество предъявлений	2	1

При предусмотренном Программой объеме оригинального текста объем письменных работ для иностранных учащихся базового уровня обучения обычно не превышает 100-250 слов. Объем текстов первого сертификационного уровня составляет 250-400 слов при рекомендуемом объеме в 600-700 слов [5; с.4].

Для проверки умений в письменной речи возможна повторная аудитивная презентация наиболее информативных частей текста. На практике аудиотексты в конце второго семестра предъявляются два раза.

И.И. Домбровская отмечает, что количество незнакомых слов в тексте должно нарастать постепенно: каждый месяц на 0.5 % [3; с. 42]. Лексика, выносимая перед тек-

стами, является новой или трудной для понимания на слух и письменного воспроизведения. При этом в данную группу слов включаются и ключевые слова, уже знакомые студентам, но необходимые для понимания содержания текста.

Репродуктивное письмо, как и продуктивное письмо, представляет собой творческий процесс, связанный с целым рядом мыслительных операций: расширением, сужением, преобразованием, обобщением информации, полученной при аудировании.

Изложение на довузовском этапе обучения выступает в повторительной, закрепляющей функции, дублирует устно отработанные языковые формы, предложения, тексты, используется для обогащения словаря, фразеологии, способствует развитию навыков и умений выражать мысли на письме, учит последовательному изложению, выражению причинно-следственных отношений, а также определять логическую последовательность событий и дифференцировать главную и второстепенную информацию [1; 2; 6].

Изложение относится к репродуктивным речевым упражнениям наряду с письменной реконструкцией текста по ключевым словам; написанием вопросного или назывного плана текста; написанием тезисов; конспекта; аннотации; сочинения.

Изложение – традиционное упражнение для формирования умений репродуктивной письменной речи на основе текста-образца. Различают следующие виды изложений: краткий письменный пересказ фабульного текста, подробное изложение услышанного рассказа, изложение с трансформацией (например, от другого лица), изложение-версия с сохранением канвы авторского повествования, изложение с элементами сочинения, т.е. сжатое, развернутое, свободное изложение. Отбор текстов для изложения должен проводиться с учетом их структуры: повествовательные тексты активизируют мнемоническую деятельность (мнемоника базируется на ассоциациях), поэтому такого рода тексты целесообразно использовать в начале обучения письменной речи. Тексты разветвленной структуры лучше давать на более продвинутых этапах обучения. Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин говорят также об изложении по кинофильму, спектаклю [1; с. 75].

Работа над изложением предполагает ряд этапов: слушание текста, проверку с помощью вопросов его понимания для облегчения запоминания информации, составление плана, повторное прослушивание, написание изложения, проверка качества решения задачи, критический разбор и работа над ошибками [6; с. 103].

Изложение нужно систематически использовать на занятиях, чтобы оно осознавалось студентами как оперативная основа обучения письму как виду речевой деятельности. Пособие по обучению письменной речи должно обеспечить аспект необходимым материалом для закрепления системы навыков и умений в этой области. Кроме того, пособие зафиксировывает в сознании преподавателя сам момент становления письменной речи. Текстовый материал такого пособия должен включать в себя достаточное количество текстов, работа с которыми позволит реализовать принцип параллельного формирования коммуникативной и языковой компетенции студентов, а также принцип индивидуализации обучения.

Учебный текст, служащий в процессе обучения письменной речи языковой и информативной базой письменного высказывания студентов, должен иметь высокую познавательную и воспитательную ценность, содержать достаточное количество изучаемых языковых единиц, соответствовать уровню подготовки и интересам учащихся. Посттекстовые задания могут включать в себя вопросы, расширяющие коммуникативные возможности учащихся и создающие основу для написания самостоятельных текстов о себе, о своих планах, интересах и т.п.. Учебные материалы следует организовать с учетом последовательного нарастания трудностей в усложняющихся условиях аудирова-

ния, так как постепенное преодоление трудностей приводит к повышению качества восприятия информации на слух.

Аудирование – процесс активный, ему присущи внимание и произвольное запоминание. Овладение навыками аудирования – важный этап в освоении языка. Уровень освоения же письменной речи как вида речевой деятельности может служить объективным показателем языковой зрелости студента.

Библиографический список

1. Азимов Э. Г., Щукин А. Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.
2. Добровольская В.В. Роль и место письменной речи в гибких моделях обучения // Мир русского слова. № 4, 2002. С.27-30.
3. Домбровская И.И. Обучение аудированию в зависимости от уровня владения русским как иностранным // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся: материалы IV Международной научно-методической конференции. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2016. С. 40-45.
4. Образовательная программа по русскому языку как иностранному. Предвузовское обучение. Элементарный уровень. Базовый уровень. Первый сертификационный уровень. М.: Изд-во РУДН, 2001. 137 с.
5. Олейникова О.Н. Методические рекомендации оценки письменных работ учащихся-иностранцев (элементарный, базовый и Первый Сертификационный уровни обучения). Воронеж: Воронеж.гос.ун-т, 2006. 11 с.
6. Хавронина С.А., Балыхина Т.М. Инновационный учебно-методический комплекс «Русский язык как иностранный». Учебное пособие. М., 2008. 198 с.

References

1. Asimov E G., Shchukin A. N. New dictionary of methodical terms and concepts (theory and practice of language teaching). M.: IKAR, 2009. 448 p.
2. Dobrovolskaya V.V. Role and place of writing flexible models of education//World of Russian words. No. 4, 2002. P. 27-30.
3. Dombrovskaya I.I. Listening training depending on the level of knowledge of Russian as a foreign language//Problems of philological disciplines teaching foreign students: proceedings of IV international scientific-methodical Conference. Voronezh: Publishing and polygraphic Centre "Nauchnaya Kniga", 2016. P. 40-45.
4. Educational program on Russian as a foreign language. Pre-college stage of learning. Elementary level. The basic level. The first certification level. M., 2001. 137 p.
5. Oleynikova O.N. Methodical recommendations assessment of written works of foreign students (Elementary, basic and First Certification levels). Voronezh: Voronezh State University, 2006.11 p.
6. Khavronina S.A., Balyhina T.M. Innovative educational-methodical complex "Russian as a foreign language". M., 2008. 198 p.

УДК 81-271.1+378.147

Национальный фармацевтический университет

ст. преп. кафедры гуманитарных наук

Цыганенко В.В.

Украина, г. Харьков, тел. +380 93 973 2172

e-mail: arev_tsyganenko@mail.ru

National pharmaceutical University

senior lecturer of Department of Humanities Sciences

Tsyganenko V. V.

Ukraine, Kharkiv, +380 93 973 2172

e-mail: arev_tsyganenko@mail.ru

В.В. Цыганенко

РЕФЕРИРОВАНИЕ: НАИЛУЧШИЙ ПУТЬ К ИЗУЧЕНИЮ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Статья посвящена проблеме обучения иностранных студентов-нефилологов фармацевтического профиля написанию реферата по профессионально-ориентированным и научным русскоязычным текстам. Представлены практические рекомендации по развитию умений реферирования с помощью комплекса упражнений и заданий.

Ключевые слова: обучение, иностранные студенты-нефилологи, фармацевтический профиль, профессионально-ориентированные и научные тексты, практические рекомендации, развитие умений реферирования.

V.V. Tsyganenko

REFERENCING: BEST WAY TO THE STUDY OF SCIENTIFIC INFORMATION

The article is devoted to the training of foreign students not philologists of pharmaceutical profile writing an essay on a professionally-oriented and scientific Russian text. It is described practical guidelines for the development of summarization skills using compound exercises and assignments.

Key words: training, foreign students not philologists, pharmaceutical profile, professionally-oriented and scientific text, practical guidelines, development of summarization skills.

В соответствии с учебной программой иностранные студенты 3-4 курсов, обучаемые по специализации «Фармация», письменно освещают актуальные вопросы профессиональных дисциплин во вторичном научном тексте – реферате, что непосредственно связано с анализом семантико-стилистической структуры русскоязычного текста. Реферирование представляет собой интеллектуальный творческий процесс, подразумевающий осмысление, аналитико-синтетическое преобразование информации и создание нового документа – реферата, обладающего специфической языковой и стилистической формой. Вторичные тексты создаются в результате преобразования первичных, базовых, исходных текстов. Примерами вторичных текстов являются: библиографическое описание, аннотация, реферат, конспект, перевод и т.д.

Целью данной статьи является рассмотрение реферата как вторичного научного текста в процессе учебной письменной деятельности иностранных студентов-нефилологов фармацевтического вуза. Обучение действиям по сокращению текста и выделению основного содержания составляет одно из важнейших умений реферирования.

Среди общеизвестных характеристик научного текста уместно выделить лингвистические признаки реферата как жанра письма. С одной стороны, общая характеристика текста заключается в структурированной организованности на уровне предложения, надфразового единства (абзаца), текста; с другой стороны отмечается его тема-рематическая структура [3, с. 247]. Главные структурные единицы текста – абзац или группа абзацев (субтекст).

В известной работе А.А.Вейзе речь идет о том, что абзац в научной литературе отображает надфразовое единство [3, с. 222], поэтому при обучении реферированию у иностранных студентов он выполняет минимальную смыслоформирующую функцию. При построении абзаца, а затем текста референт должен овладеть определенными языковыми и речевыми средствами, характерными для этого умения письменной речи. Целостность текста обеспечивается тема-рематической связью, которая проявляется в параллельном, цепном или смешанном соединении предложений [1, с.с. 41-43]. Основой, связывающей любой из смысловых отрезков, служит тема (Т). Тема, объект описания или предмет содержания текста определяется часто путем толкования заглавия, терминов, ключевых слов и ключевых фрагментов, несущих наиболее существенную информацию о тексте (чаще всего это конкретные лекарственные препараты). Специфика связности предложений в реферате строится на использовании лексических, грамматических и стилистических средств. Например, в лексических средствах предпочтительно повторное употребление терминов со значением, которые их расширяют, нежели их синонимический повтор. Большое значение для методики работы с целым текстом имеет понимание смысловой структуры абзаца. Предложения, составляющие абзац, неодинаковы с точки зрения их смыслового веса. Как правило, первое предложение является более важным по смыслу, чем остальные, т.к. обобщает смысл целого абзаца, а последующие предложения детализируют, развивают его. Таким образом, абзац представляет собой логическую структуру от общего к частному. Вторым очень важным элементом смысла, тесно связанным с Т, является проблема (как правило, заболевание или аспект назначения данного препарата у определенного круга пациентов).

В лингвистическом словаре дается следующее определение: *реферат как жанр письменной речи* – это вид письменного сообщения, вторичный документ, полученный в результате переработки текстов-первоисточников, который передает основную информацию оригинала в свернутом виде [3, с. 247]. Работа по смысловому свертыванию текста начинается с чтения первичного документа и знакомства с его общим содержанием. Следующим важным этапом является внимательное повторное чтение текста с выделением ключевых фрагментов. Нахождение ключевых фрагментов позволяет проследить развитие главных тем текста в составе абзаца и групп абзацев, после чего выявляется смысловая структура прочитанного. Далее следует организация и перегруппировка выделенных фрагментов в соответствии с их тематической направленностью, а также составление логического плана текста. Выделенные ключевые фрагменты сначала подчеркиваются в том порядке, в котором они встретились в первичном тексте, после чего они группируются по тематическому принципу вокруг нескольких больших подтем, развивающих главную тему текста. Этот материал и служит основой для составления реферата.

Благодаря употреблению абстрактной лексики, использованию большого количества терминов и стабильной структуре написания, присутствию фактических данных, текст реферата позволяет фактографически передавать содержание первичного

документа. Лексический состав помогает подать отмеченную в оригинале информацию объективно, однозначно и кратко. Большое количество номинативных предложений, нейтральность, объективность, отсутствие эмотивной окраски, аргументированность фактов выделяют стилистические средства связи реферата. Кроме того, для реферата характерно употребление простых распространенных предложений, неопределенно-личных и безличных форм на всех уровнях (лексическом, морфологическом и синтаксическом); использование пассивных конструкций; употребление изъявительного наклонения; применение субстантивированных глаголов. Неопределенно-личные или безличные формы, а также пассивные конструкции предложений позволяют сосредоточиться исключительно на фактах и усилить информационно-справочную роль реферата. Материал реферата излагается не критически, то есть с позиций автора исходного текста, и потому не содержит элементов интерпретации и оценки [2, с.с. 99; 158]. В своей комплексной структуре рефераты совпадают со структурой статьи и включают следующие основные компоненты: цель, метод, результат, заключение.

Информация реферата начинается на титульной странице, на которой отмечается тема в номинативном стиле, на основе чего можно сделать предварительные выводы относительно предмета сообщения. На титульной странице вверху отмечается министерство, которому подчиняется данный вуз, и строкой ниже – учебное заведение и кафедра, дисциплина, по которой готовится реферат. Ниже посередине без кавычек указывается тема реферата, ниже справа – фамилия и инициалы преподавателя-научного руководителя, фамилия и инициалы, факультет, курс и группа исполнителя, внизу по центру – город и год написания реферата.

На второй странице обязательно указывается план реферата с указанием страниц каждой его композиционной части, он составляется референтом с помощью номинативных предложений и сообщает ключевые моменты информации. План представляет собой сжатое до минимума содержание текста, определенный порядок и последовательность в изложении чего-либо. План реферата может быть простой, развернутый сложный, тезисный.

Далее композиционно реферат состоит из вступительной части, основной и заключительной частей. Важным в написании текста реферата является гармоничное совмещение его компонентов при развитии общей темы, в структуре рассматривается ряд отдельных вопросов.

Завершает реферат список литературы, использованной в процессе составления его текста. Он разделяется на первоисточники, научную критическую литературу и интернет-источники. Кроме того, реферат часто дополняется таблицами, графикой и другими внеязыковыми средствами, которые могут обобщать и уточнять данную информацию. Такое дополнение нуждается в соответствующем оформлении, добавляет научному тексту наглядности и вразумительности в соответствии с логическим изложением мысли.

Таким образом, изложение информации в реферате носит дедуктивно-индуктивный характер. Сначала формулируется мысль, тема, которая, как правило, закладывается в заглавии, дальше приводятся факты, примеры, которые ее раскрывают. Подытоживается изложенная информация выводами.

В соблюдении целостности вторичного научного текста большую роль играют такие лингвистические элементы, как клишированные обороты, которые показывают ход мысли референта, а также характеризуют реферат как вторичный научный текст.

Во вступлении реферата могут употребляться такие клишированные обороты, как: *в нашем реферате мы хотим рассмотреть...; намереемся изучить...; в центре внимания работы оказывается...; целью данной работы является...; в качестве основного вопроса рассматривается...; в нашей работе мы хотели бы показать...; проанализированные литературные источники доказывают, что ...; анализ источников ... убеждает, что ...; эти и другие наблюдения анализируются в...части реферата...* и др. Вступление реферата должно заинтересовать читателя, сообщить ему о главных вопросах, которые будут освещены в основной части текста. Кроме этого, дается информация о первоисточниках и авторах. Принципиально важно согласовать выделенные вопросы/проблемы с планом реферата.

Основная часть реферата является самой богатой по средствам, которые обеспечивают целостность текста, поскольку здесь излагается информация первоисточника в контексте избранной темы. Описание фактов, сообщений относительно исследованной проблемы в определенной отрасли науки, объективное предъявление информации автора первоисточника нуждаются в соответствующих клишированных оборотах, вставных словах и предложениях. Например: *далее литературные источники показывают, что ...; авторы приводят многие примеры...; было акцентировано, что ...; нужно направить основное внимание на...; можно наблюдать также, что ...; автор исходит из того, что ...; отсюда вытекает, что ...; нужно особо сказать о том, что...; можно дополнить к этому, что...; это проходит основной мыслью через...; приведенные результаты определяют, что...; это можно проследить на таких примерах, как...; основа заключается в том, что ...; как постоянно подчеркивают авторы и др.* Как правило, в основной части реферата сравниваются результаты, разные мнения авторов исходных публикаций, поэтому здесь целесообразно употреблять выражения, которые подчеркивают деятельность пишущего. Например: *намного конкретнее это явление определяет...; он говорит, что ...; очень много вопросов формулирует..., когда он говорит, что ...; автор ...приводит примеры...; в отличие от..., автор... вполне определенно выражает теорию...* и др.

Заключительная часть реферата, как и вступление, также важна своей информативностью: здесь референт должен показать, что было описано, какие вопросы и результаты были освещены в тексте первоисточника. Соблюдая логику завершенности текста реферата, целесообразно использовать соответствующие выражения и клишированные обороты: *итак, в заключение следует отметить, что ...; в рамках этого реферата было показано, что ...; в рамках этой работы стало возможным доказать, что...; на основании анализа данных (рассмотренных) источников, мы приходим к следующим выводам: ...; в результате следует отметить, что ...; с помощью проведенных исследований и методик была определена эффективность действия...у...на... и др.*

Следует отметить, что модальные признаки в реферате используются минимально, поскольку вторичный текст – это отпечаток первичной информации, где преобладают факты и аргументы. Однако во время реферирования первоисточников и сравнения мнений авторов референту также необходимо показать важность исследования, выразить заинтересованность в отношении изучаемого, как и не забыть выделить уже известные аспекты. В связи с этим в процессе написания реферата используются вводные (модальные) слова и другие средства межфразовой и межабзацной связи.

Следует обратить особое внимание на систему упражнений, обучающих реферированию при поэтапном восприятии компонентов научного текста и всей информации в целом. Среди подобных заданий можно выделить несколько групп в зависимости от реализуемых целей. Назовем некоторые из них:

1 группа заданий – на композиционно-смысловой анализ и сжатие прочитанного:

- определите проблему текста по названию;
- составьте вопросы к тексту;
- составьте вопросы к тексту по памяти;
- выделите композиционные части текста;
- составьте вопросный/номинативный план к тексту;
- найдите в тексте информацию, соответствующую следующим пунктам плана;
- разделите текст на абзацы, выделите главную мысль каждого абзаца;
- выделите информативные центры абзацев текста;
- составьте тезисный план;
- на материале текста закончите предложения, несущие основную информацию;
- в данные отрывки включите средства связи (союзы, вводные слова и предложения и др.) для получения единого связного текста;
- соотнесите пункты плана с композиционными частями прочитанного текста;
- выделите в тексте аргументирующую/иллюстрирующую часть);

2 группа заданий – на сокращение слов и словосочетаний:

- дайте условные сокращения терминов (например: артериальное давление – АД, острая респираторно-вирусная инфекция – ОРВИ, артериальная гипертензия – АГ, скорость оседания эритроцитов – СОЭ и др.);
- обозначьте сокращенно в реферате часто повторяющиеся в данном тексте термины (например: хронический бронхит – ХБ; хроническое обструктивное заболевание легких – ХОЗЛ; малоновый диальдегид – МДА; глутатионпероксидаза – ГП и др.);

3 группа заданий – на сжатие текста путем трансформации предложений:

- передайте информацию, содержащуюся в двух простых предложениях, одним простым, используя причастный/деепричастный оборот, однородные члены предложения, распространенные обособленные определения, предложно-падежную группу;
- преобразуйте сложноподчиненные предложения с придаточными ...(цели, времени, условия, причины, уступительными, определительными) в простое, используя для концентрации содержания различные средства синтаксической конденсации;
- сконцентрируйте содержание нескольких предложений в одном простом, используя комплекс известных средств синтаксической конденсации;
- проанализируйте предложенный текст с точки зрения применения в нем средств синтаксической конденсации;
- сократите информацию предложения за счет исключения средств синтаксической конденсации;

4 группа заданий – на сжатие текста путем сокращения контекста, не несущего основной информации:

- исключите из текста предложения/абзацы, не несущие основной информации;

5 группа заданий – на сжатие текста путем исключения смысловых фрагментов:

- сократите текст за счет обоснования выдвинутых тезисов/доказательств, примеров теоретических доказательств;

- повторений и уточнений, рассуждений различного рода, процесса выведения формул, сведений биографического характера, информации заголовка, описания литературы по теме, истории вопроса, стоимостных и др. подобных характеристик;

- скажите, можно ли исключить из текста формулы, таблицы, рисунки и др. иллюстрации с целью его сокращения?

Таким образом, учитывая, что многие компетенции, требующиеся для письменного реферирования у иностранных студентов-нефилологов специализации «Фармация» уже сформированы ранее, на 3-4-м курсах в разработанном на кафедре гуманитарных наук НФаУ «Пособии по научному стилю речи» (авт.: Н.Н.Филянина, В.В.Цыганенко, Т.В.Крысенко и др.) проводится работа по дальнейшему обеспечению и закреплению с помощью рассмотренных заданий полученных результатов при написании рефератов-конспектов, рефератов-обзоров и рефератов-резюме [4, с. с. 164 –309], что позволяет обеспечить:

- развитие навыков и умений самостоятельного извлечения, переработки, компрессии научной информации;

- закрепление базовых знаний в области лексики и грамматики русского языка;

- подготовку реальной коммуникации в профессиональной сфере при сдаче квалификационного экзамена «Крок»;

- успешную сдачу выпускного государственного экзамена в конце седьмого семестра обучения.

Библиографический список

1. Вейзе А.А. Чтение, реферирование и аннотирование иностранного текста: Учеб.пособие. М.:Высш.шк., 1985. 127 с.
2. Проблемы текстуральной лингвистики/ Под редакцией В.А.Бухбиндера. К.: Вища школа, 1983. С.99.
3. Словарь методических терминов / Э.Г.Азимов, А.Н.Щукин. СПб: Златоуст, 1999. С.247.
4. Пособие по научному стилю речи для иностранных студентов 3-4 курсов медико-фармацевтического профиля / Н.Н.Филянина, В.В. Цыганенко, Т.В.Крысенко и др. Х.: НФаУ, 2011. 424 с.

References

1. Weise, A. A. Reading, abstracting and annotating foreign text: Textbook. – M.: Visshaja shkola, 1985. 127 p.
2. Problems of textual linguistics/ edited by V. A. Buchbinder. – K.: Vishcha shkola, 1983. – 99 p.
3. The dictionary of methodical terms / E. G. Azimov, A. N. Shukin. – St. Petersburg: Zlatoust, 1999. 247 p.
4. Textbook on scientific style of speech for foreign students of 3-4 courses of medical and pharmaceutical profile / N. N. Filyanina, V.V. Tsyganenko, T. V. Krysenko etc.– Kh.: NUPh, 2011. 424 p.

УДК 81'42

Национальный фармацевтический университет в г. Харькове
канд. филол. наук, доц. кафедры гуманитарных наук
Субота Л.А.
Украина, г. Харьков, тел. +380503004582
e-mail: lorasub@ukr.net

National university of pharmacy in Kharkiv
The chair of Humanities
PhD, associate professor

Subota L.A.
Ukraine, Kharkiv, +380503004582
e-mail: lorasub@ukr.net

Л.А. Субота

КОММУНИКАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НАУЧНОГО ТЕКСТА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

В данной статье рассматривается дискурсивный подход к анализу интертекстуального содержания научного текста с позиции функционально-коммуникативного аспекта изучения русского языка как иностранного. Автор приходит к выводу, что исследование семантики и прагматики научного дискурса является необходимым звеном в цепи исследований по лингвистике текста.

Ключевые слова: дискурс, межкультурная коммуникация, научный текст, интертекстуальность, учебно-профессиональная сфера, развитие.

L.A. Subota

COMMUNICATIVE ORGANIZATION OF THE SCIENTIFIC TEXT IN THE PROCESS OF TEACHING INTERNATIONAL STUDENTS RUSSIAN LANGUAGE

The article considers the discursive approach to the analysis of intertextual content of scientific texts from the position of functional and communicative aspects of learning Russian as a foreign language. The author concludes that approach to the study of discourse from the perspectives of semantics and pragmatics is a necessary link in the chain of research on text linguistics.

Key words: discourse, intercultural communication, scientific text, intertextuality, educational and professional sphere, development.

Процесс обучения в рамках коммуникативной организации научного текста строится с учетом профессиональной ориентации иностранных студентов, обучающихся в неязыковых вузах. Происходящие в современном мире социальные и культурные изменения способствуют росту межкультурной коммуникации, расширению профессиональных контактов между представителями разных культур. В этой связи большое значение приобретает проблема коммуникативной организации научного текста в процессе обучения русскому языку как иностранному (РКИ), формирование у иностранных студентов навыков изучающего чтения, что и предопределило актуальность статьи. Исследованию различных аспектов научного текста посвятили свои работы такие ученые, как А.А. Амельчонок, Г.А. Битехтина, Н.Д. Бурвикова, Г.А. Вишнякова, М.Н. Вятютнев, Д.И. Изаренков, Л.П. Клобукова, В.Г. Костомаров, С.П. Курганова, О.А. Лаптева,

Н.М. Лариохина, М.В. Леховицкий, Н.А. Метс, А.А. Миролубов, О.Д. Митрофанова, Е.И. Мотина и многие другие, создав методические основы обучения русскому языку иностранных студентов, обучающихся в неязыковых вузах.

Мы разделяем точку зрения ученых, представившие научный дискурс как взаимосвязанную цепочку дискурсивных приемов описания, аргументирования, классификации, сравнения, оценивания и т.п. [2]. Авторы утверждают, что каждому приему соответствует свой сегмент текста, состоящий из одного или нескольких предложений и содержащий обычно дискурсивные маркеры – слова и словосочетания, эксплицитно помечающие примененные операции [2; с. 68]. Согласно исследованиям, посвященным различным аспектам научного дискурса и указывающим основные его особенности (О.Н.Гордеева, В.И. Карасик, А.М. Николаев, Н.К. Рябцева и др.), научный дискурс с позиции структурно-лингвистического описания представляет собой макросегмент дискурса, направлен на интерпретацию содержательной и формальной связности дискурса, нацелен на рассуждение, которое организуется как взаимосвязанная последовательность дискурсивных способов переключения с одной темы на другую, как текст, погруженный в ситуацию общения. В ходе работы обратим внимание на то, что научный дискурс используется в обучении иностранных студентов и для получения профессиональных знаний, и для профессионального общения.

В лингвистической литературе существует несколько точек зрения на текст. Одни ученые считают текст языковой единицей наряду со словом, словосочетанием, предложением (С.Г. Бархударов, М.И. Кожина, И.Р. Гальперин, Л.Г. Фридман, А.Н. Леонтьев). Текст, как и любой другой знак, может быть охарактеризован как единица, обладающая синтактикой, семантикой и прагматикой. Последователи этой точки зрения ищут схемы, формулы построения текста, они видят задачу лингвистики текста в выяснении правил текстообразования. В современной лингвистике термин «текст» наиболее употребителен, имеет огромное число разнообразных определений и разные подходы к описанию, поэтому проблема изучения текста принадлежит к числу самых актуальных на всех этапах обучения РКИ. Исходя из множественности ракурсов рассмотрения текста в гуманитарных науках, понятие «текст» в лингвистике до сих пор не получило общепризнанного определения, что обусловлено изучением объекта с позиций различных наук или с различных точек зрения. Существующие различные мнения не способствуют однозначной интерпретации сути текста и свидетельствуют о сложности объекта рассмотрения. Научный текст с позиции лингвистики рассматривается в аспекте дискурсивного анализа, который воспринимается как понятие коммуникационного события и является весьма значимым и перспективным направлением. Коммуникативная организация научного текста выносится на первый план, так как служит фактором формирования и функционирования языковой единицы и текстовых категорий. Предметом исследования в статье являются научные тексты, используемые в процессе обучения РКИ с учетом будущей специальности иностранных студентов. Актуальность данной работы обусловлена практической необходимостью совершенствования обучения РКИ в тесной связи с культурой и межкультурной коммуникацией. Культура в своих конкретных проявлениях отражает коммуникативный процесс, ее социальное существование становится фактом коммуникации, позволяющей правильно решать комму-

никативные задачи в общении и в учебно-профессиональной сфере. Основная цель коммуникативного процесса – обеспечение понимания информации, являющейся предметом обмена, изучение речевых и языковых средств, участвующих в реализации речевого высказывания. В соответствии с целью исследования были поставлены и последовательно решены следующие задачи: обосновать эффективность коммуникативной организации научного текста; рассмотреть отбор и употребление языковых средств научного языка в процессе обучения иностранных студентов русскому языку. В связи с этим обстоятельством под коммуникативной организацией текста мы понимаем построение высказываний (текстов), основными текстовыми категориями которого являются связность (лексическая, синтаксическая, дейктическая, стилистическая) и цельность (тематическое и композиционное единство частей текста).

Коммуникативная организация текстов и членение предложения на две составные части зависит от основной коммуникативной задачи, которую ставит перед собой читающий, при этом одно и то же предложение может иметь разную интерпретацию. Под коммуникативной задачей понимается желание читающего выделить главное, существенное в данном контексте или речевой ситуации. Системное понимание процесса общения в РКИ базируется на понимании общения как коммуникативно-познавательной деятельности, предполагающей текстовую деятельность, в ходе которой выясняется, способны или не способны иностранные студенты к общению на основе продуктивных (говорение, письмо) и рецептивных (аудирование, чтение) видов деятельности. В тексте каждый элемент несет информацию, отличную от той, которую он несет локализованно. Текст является не только продуктом и объектом деятельности общения, но и образом этой деятельности. Каждый текст мотивирован и возникает из потребностей. Потребность выступает как внутренний аспект, цель – как внешний аспект мотивации. Под мотивом обычно понимают активные движущие силы, определяющие поведение человека. При одной и той же потребности мотивами наблюдаемого поведения могут выступать различные предметы. Мотивы есть только у человека. Замечено, что потребность сама по себе не может быть мотивом поведения, так как она способна породить только ненаправленную активность организма. А направленность и организованность поведения обеспечиваются лишь мотивом — предметом данной потребности. Мотивы в отличие от потребностей потенциально осознаваемы. Под мотивацией понимается процесс побуждения к деятельности и общению для достижения личных целей или целей организации, другими словами, мотивация – это влечение или потребность, побуждающая людей действовать с определенной целью [5; с. 153].

Основной целью научного дискурса является познание объективной природы окружающего мира, не зависящее от исследователя. «Дискурсы, представляя действительность одним способом скорее, чем какими-либо другими, определенным образом задают субъекты и объекты. А также создают границы между истинным и ложным и делают некоторые типы действия уместными, а другие невозможными» [4; с. 222]. Самое простое и очевидное значение термина «дискурс» – разговорная практика, речь, использование языка. С позиций формального языкознания дискурс понимается как «язык выше/сверх уровня предложения» “*language beyond the sentence*” (предложенный Tannen в 1999 году) и “*language above the sentence or...*” (аналогичный подход, предложенный Schiffrin). На первых порах употребления термин «дискурс» в англоязычной

литературе выступает в значении «речевая деятельность» или – еще шире – «коммуникативная деятельность». Особенно заметно такое употребление в противопоставлении изолированного предложения предложению внутри связного текста. Введение понятия дискурса было связано с отказом изучать семантику синтаксиса на материале изолированных предложений. Поскольку стратегии в преподавании русского языка как иностранного ориентированы на будущие речевые действия, связаны с прогнозированием ситуации, истоки их следует искать в мотивах, которые управляют человеческой деятельностью. С этих позиций воспроизводство и изменение дискурса можно, таким образом, исследовать с помощью анализа отношений между различными дискурсами внутри одного порядка дискурса и между различными порядками дискурса [7; с. 56]. Основное внимание сосредоточено на проблеме того, как производится текст (интертекстуальная цепочка текста) и как его воспринимают (интерпретация текста). При совпадении контекстов автора и читателя (слушающего, интерпретатора) текст понимается как диалогическая встреча двух субъектов. «При понимании – два сознания, два субъекта... Понимание всегда диалогично» [1; с. 289-290]. Вид понимания характеризуется как понимание отдельных слов, словосочетаний, предложений, понимание всего языкового материала текста. Степень понимания текста – это характеристика понимания текста как целостной, коммуникативно законченной единицы сообщения.

В современной лингвистике и методике преподавания РКИ наметились принципиально новые тенденции в развитии научных исследований, связанных с продуцированием и восприятием текстов по специальности. Главной задачей обучения иностранных студентов неязыковых вузов является формирование коммуникативной компетенции, способность к овладению специальными дисциплинами для практического владения русским языком как средством получения образования. В методике РКИ широко распространён опыт совместной работы кафедр русского языка и профильных кафедр. Совершенствование языка как средства овладения специальностью является главной проблемой вузовского обучения РКИ на продвинутом этапе обучения. Мы полагаем, что учебные тексты продвинутого этапа обучения должны представлять собой учебно-научные базовые тексты. Оптимизации процесса обучения русскому языку способствует разграничение текстов по способу их предъявления: чтение полного текста, чтение фрагмента текста, чтение предложения. При этом учитываются реальные условия коммуникации, специфика коммуникативной задачи, решаемой с помощью текста, и конкретные методические цели, которые должны быть достигнуты при работе над текстом [6]. Вследствие этого на продвинутом этапе необходимо работать с оригинальными профильными текстами, относящихся к разным коммуникативным типам и обусловленные спецификой приобретаемой специальности и профессиональной направленностью иностранных студентов. Понимая огромное значение русского языка в приобретении иностранными студентами будущей профессии, отводя ему роль рабочего языка в условиях вуза, преподаватель РКИ стремится к тому, чтобы студенты видели перспективу применения русского языка в изучении специальных предметов. При этом роль преподавателя РКИ заключается в направлении процесса обучения не на изучение специальности, а на язык специальности с целью организовать учебный процесс в контексте профессиональной направленности иностранных студентов и с учётом межпредметной координации. Несмотря на

большое количество теоретических работ (Н.О. Антонов, Н.Р. Барабанова, А.П. Бедяева, П.А. Котляревский, И.Г. Миракьян, В.М. Поляков, Л.В. Савельева и др.), составляющих научную основу межпредметной координации в обучении иностранных студентов, остаются актуальными поиски оптимальных путей сотворчества преподавателей-русистов со специальными кафедрами. Учет потребностей студента в овладении языком специальности на каждом из этапов учебы в вузе следует рассматривать как важнейшее требование всего учебно-воспитательного процесса. Межпредметная координация имеет особое значение на продвинутом этапе обучения, когда формирование знаний, умений и навыков в учебно-профессиональной сфере осуществляется не только на кафедрах специальных дисциплин, но и на кафедре русского языка. При этом важно, чтобы студенты усвоили терминологическую лексику при изучении научных текстов. В целях решения этой задачи обучение иностранных студентов русскому языку с учетом их будущей специальности осуществляется на основе целенаправленной работы над специальной лексикой. Отбор и активизация терминологической лексики являются ключевой задачей при обучении языку специальности иностранных студентов неязыковых вузов. Известно, что овладение чтением предполагает умение определять значения слов в тексте. От этих умений зависят скорость чтения и его понимание, что невозможно без элементарного знания лексики, характерной для научного стиля речи и встречающейся в базовых текстах по специальности. Педагоги-практики считают, что активизация работы по обучению терминологической лексике будет способствовать усилению активности иностранных студентов в изучении учебного материала, повышению эффективности его усвоения, формированию умения самостоятельно, систематически и методически правильно расширять полученные знания, формированию потребности в чтении литературы по специальности, специальных энциклопедических, терминологических, переводных и толковых словарей [3; с. 72]. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что, несмотря на важность и необходимость лексического аспекта преподавания РКИ, научная терминология, несущая информацию различной коммуникативной ценности, рассматривается в тесной связи с текстом. Текстовый и лексический материал на занятиях организуется таким образом, чтобы основные темы изучаемых дисциплин были отображены в учебниках и пособиях по русскому языку.

Подводя итоги, можно констатировать следующее: овладение коммуникативными качествами, реализация их в коммуникативных умениях позволяют преподавателю эффективно общаться со студентами, обеспечивают психологическую совместимость в совместной деятельности, дают возможность моделировать процесс общения внутри аудиторной группы с учетом возможных изменений в организации, структуре и содержании образовательного процесса, способствуют реализации личностно-ориентированного подхода к каждому студенту, что является необходимым условием успешного взаимоотношения на всех этапах обучения в высших учебных заведениях.

В заключение отметим, что профессионально направленное обучение чтению литературы по специальности на русском языке требует тщательного отбора терминологической лексики на каждом занятии в соответствии с этапами и основными целями обучения. Профессиональная направленность обучения русскому языку в неязыковых вузах подразумевает, что студенты не только овладевают языком, но и овладевают навыками работы со специальной литературой, учатся приемам самостоятельного поиска

информации, чтению научных текстов по профилирующим предметам, свободно читают и понимают (без словаря) содержание текстов по своей специальности.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. М.: Худ. лит-ра, 1979. 412 с.
2. Большакова Е.И., Баева Н.В. Автоматический анализ дискурсивной структуры научного текста // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды Международной конференции Диалог '2004 / Под ред. И.М. Кобозевой, А.С. Нариньяни, В.П.Селегея. М.: Наука, 2004. С. 68–73.
3. Крысенко Т.В., Суханова Т.Е. О научной терминологии на занятиях по русскому как иностранному / Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: материалы ежегодной международной конференции. Екатеринбург, 2014. Ч. II. С.67-73
4. Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод / Луиза Дж. Филлипс и Марианне В. Йоргенсен. Харьков: Гуманитарный центр, 2004. 336 с.
5. Шевандрин Н.И. Социальная психология в образовании. Ч.1. Концептуальные и прикладные основы социальной психологии: Учебное пособие. М.: "ВЛАДОС", 1995. 554 с.
6. Шевченко Н.В. Основы лингвистики текста: Учеб. пособие. М.: Приор-издат, 2003. 160 с.
7. Fairclough N. Media Discourse. / Fairclough Norman. London: Edward Arnold, 1995. 214 p.

References

1. Bakhtin M.M.. Aesthetics of verbal creativity. Moscow, 1979. 412 p.
2. Bolshakov E.I., Baeva N.V. Automatic analysis of the discursive structure of scientific text // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International conference Dialogue' 2004 / Ed. by I.M. Kobozeva, A.S. Narinyani, V.P.Selegey. M.: Science, 2004. P. 68-73.
3. Krysenko T.V., Sukhanova T.E. Scientific terminology on Russian as a foreign lessons / Actual problems of Germanic, Romanic and Russian Studies: Proceedings of the annual international conference. Ekaterinburg, 2014. Part II. P. 67-73.
4. Phillips L., Jorgensen M.W. Discourse analysis. The theory and method / Louise J. Phillips and Marianne W. Jorgensen. Kharkov: Humanities Center, 2004. 336 p.
5. Shevandrin N.I. Social psychology in education. Part 1. The conceptual and practical foundations of social psychology: Textbook. M.: VLADOS, 1995. 554 p.
6. Shevchenko N.V. Basics of Linguistic text: textbook. M.: Prior, 2003. 160 p.
7. Fairclough N. Media Discourse. / Fairclough Norman. London: Edward Arnold, 1995. 214 p.

УДК 372.8

*Северо-Западный институт управления
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего
профессионального образования
«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Прези-
денте Российской Федерации»*

*канд. филол. наук, зав. кафедрой ино-
странных языков*

Матиенко А.В.

Россия, Санкт-Петербург, тел.

+79834440918

*North-West Institute of Management
of the Russian Federation Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration*

*PhD, Head of the Foreign Languages De-
partment*

Matienko A.V.

Russia, Saint-Petersburg, +79834440918

А.В. Матиенко

ИНОЯЗЫЧНАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК КОМПОНЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗА

В настоящей статье рассматриваются условия формирования полилингвальной и мультикультурной личности, важнейшим из которых является степень сформированности иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции как одной из ключевых образовательных компетенций. Исследуемая компетенция способствует развитию у будущих выпускников вуза способностей: 1) взаимодействовать с носителями другого языка и культуры в логике современного научного мировоззрения с учетом профессиональных особенностей, национальных ценностей и норм поведения; 2) создавать позитивный настрой в профессионально-ориентированном иноязычном общении; 3) успешно выбирать адекватные ситуациям профессионального и академического общения способы вербальной и невербальной коммуникации.

Ключевые слова: полилингвальная и мультикультурная личность, иноязычная профессиональная коммуникативная компетенция; лингвистический, дискурсивный, прагматический, стратегический, межкультурный компоненты; исследовательская компетенция.

A.V. Matienko

FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE AS A COMPONENT OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF UNIVERSITY GRAGUATES

The present article is devoted to the investigation of conditions of polylingual and multicultural identity formation, the most important of which is the degree of formation of foreign language professional communicative competence as one of the key educational competences. The competence under analysis contributes to the development of future University graduates' abilities to: 1) interact with native speakers of a foreign language, representatives of another cultures in the logics of contemporary scientific paradigm, taking into account their professional features, national values and behavior norms; 2) create positive motivation for specific purposes professional communication; 3) use successful means of verbal and nonverbal communication adequate to specific purposes professional communicative situations.

Key words: polylingual and multicultural identity; foreign language professional communicative competence; linguistic, discourse, pragmatic, strategic, cross-cultural components; research competence.

Как известно, обучение иностранному языку преследует несколько целей: практическую, образовательную и воспитательную. Под практической целью понимается формирование у студентов иноязычных коммуникативных навыков и умений; образовательная предполагает обогащение кругозора, культуры мышления, иноязычной коммуникации, что в свою очередь направлено на становление полилингвальной и мультикультурной личности студента. Образовательный потенциал дисциплины «Иностранный язык» проявляется в долговременной готовности студента развивать межкультурные, научные, академические и профессиональные связи, уважать ценности других стран и народов [4].

Формирование у студентов – будущих бакалавров и магистров иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции обеспечивает реализацию образовательной, воспитательной и развивающей задач обучения.

Исследуя иноязычную коммуникативную компетенцию как один из компонентов общей системы формирования профессиональной компетентности будущих бакалавров и магистров, важно отметить, что, как часть системы, компетенция представляет собой определенную структуру. Остановимся подробнее на функциях отдельных компонентов иноязычной коммуникативной компетенции.

Итак, иноязычная коммуникативная компетенция представляет собой демонстрируемое и практическое знание языка, обеспечивающее достижение коммуникативных целей в устной и письменной, продуктивной и рецептивной, монологической или диалогической форме.

В коммуникативной лингвистике, методике обучения иностранным языкам сделано немало попыток системно описать структуру иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся [7,8,10,11,13]. При всем многообразии подходов к описанию можно заключить, что

иноязычная коммуникативная компетенция рассматривается как «знание» не только декларативного (демонстрация знаний в форме употребления или узнавания языковых правил и примеров), но и процессуального характера (использование языка для достижения коммуникативных целей и результатов);

все компоненты иноязычной коммуникативной компетенции связаны между собой, «обслуживая» речевую деятельность, определяя успешность коммуникации и показывая уровень практического владения иностранным языком у обучающихся;

в компонентах иноязычной коммуникативной компетенции выделяется владение как лексико-грамматическими средствами языка, так и способами коммуникативного употребления языковых средств;

компоненты иноязычной коммуникативной компетенции являются не только лингвистическими по своей природе, но также включают способность обучающихся строить и понимать осмысленные тексты, эффективно передавать и точно воспринимать коммуникативное содержание, достигать цели речевого общения и взаимодействовать с представителями иной культуры;

В содержание обучения включаются лексико-грамматические средства (материальный аспект), содержание общения (идеальный аспект), «механика» речевого взаимодействия (процессуальный аспект). Это означает, что обучающиеся, усвоившие со-

держание обучения иностранному языку, владеют лексико-грамматическими средствами, могут с их помощью передавать и получать информацию, а также умеют организовать дружеское или деловое, ролевое или дискуссионное общение в бытовой или профессиональной сфере с учетом межкультурных различий.

Многочисленные попытки исследовать состав иноязычной коммуникативной компетенции как лингводидактического конструкта показали, что неотъемлемой частью этих практических знаний является владение средствами изучаемого языка [14]. *Лингвистический* компонент - это единственный компонент коммуникативной компетенции, который более или менее однозначно трактуется исследователями. Лингвистический компонент иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся представляет собой знание языковых средств, включая грамматику, лексику и фонетику и готовность пользоваться ими в устном или письменном общении.

Проблема заключается в том, что использование языка в коммуникативных целях представляет собой более сложное явление, чем ментальное владение средствами иностранного языка в виде правил или использование языковых средств в процессе общения. Поэтому лингвистический компонент коммуникативной компетенции рассматривается среди других компонентов лингводидактического характера, обеспечивающих эффективную коммуникацию.

Во всех моделях коммуникативной компетенции присутствует компонент, описывающий построение текстов (диалогических и монологических, устных и письменных, от минимального до значительного объема) в целях достижения поставленной цели. Построение текста как законченного в смысловом отношении произведения речи представляет собой развертывание мыслительного содержания в самостоятельной или интерактивной форме. Этот процесс называется дискурсом. Именно в дискурсе «живет» язык, обеспечивая передачу и прием информации, которая фиксируется и сохраняется в текстах. *Дискурсивный* компонент иноязычной коммуникативной компетенции студентов представляет собой построение текста в процессе формирования и формулирования ими собственной мысли. Этот компонент предусматривает построение связных, осмысленных и логически организованных текстов в устной или письменной, диалогической или монологической форме непосредственно в процессе возникновения идей [11].

Иноязычная коммуникативная компетенция гарантирует, что обучающиеся могут не просто выражать языковыми средствами свои мысли, но делают это четко и точно, обеспечивая их адекватное понимание адресатом или аудиторией. Этот компонент называется *прагматическим*. Прагматически компетентные обучающиеся способны эффективно решать коммуникативно-рецептивные задачи, точно передавая и четко воспринимая смысл устного или письменного общения. Прагматическая компетенция предполагает осуществление речевых функций (сообщение, отношение, пожелание, убеждение, извинение и др.), социальное взаимодействие с другими участниками коммуникации.

Признаком прагматической компетенции является не столько «коммуникативный продукт», то есть, созданный текст, сколько «коммуникативный результат», то есть, адекватная ответная реакция слушателя или читателя.

Процесс речевого общения, как в устной, так и письменной форме обычно бывает неплавным. Это обусловлено тем, что в коммуникативной деятельности нередко возни-

кают осложнения в виде затруднений мышления, нехватки языковых средств и нарушения коммуникативного взаимодействия. Успешное преодоление коммуникативных затруднений зависит от *стратегического* компонента коммуникативной компетенции. [11,13].

Стратегический компонент коммуникативной компетенции обеспечивает принятие решений о наилучшем пути достижения коммуникативной цели в ситуации, требующей гибкости в использовании языковых средств, адаптации к индивидуальным особенностям других участников устного или письменного общения, а также речевого взаимодействия. Данное определение показывает, что функция стратегического компонента выходит за пределы обеспечения простой компенсации в условиях дефицита языка и непосредственно связана с разработкой цели, плана, средств и хода общения, чтобы избежать коммуникативные неудачи.

Специфическую роль стратегический компонент коммуникативной компетенции выполняет в ситуациях общения, осложненных культурными различиями участников.

Межкультурный компонент коммуникативной компетенции объединяет социолингвистические и социокультурные знания, способствуя всестороннему развитию личности обучающихся, укрепляя чувство национальной принадлежности, обогащая коммуникативный опыт соприкосновением с иными культурами, формируя толерантное отношение к культурному многообразию и создавая основу для плодотворного взаимодействия с представителями иных культур посредством изучаемого языка.

Новый социальный заказ современного общества обучать иностранному языку не только как средству общения, но и формировать профессионально компетентную полилингвальную и мультикультурную личность, готовую к межкультурному профессиональному общению, обусловил необходимость формирования профессионального компонента иноязычной коммуникативной компетенции будущих бакалавров и магистров [4].

Многие исследователи психологической готовности к определенным видам профессиональной деятельности выделяют в её структуре динамическую и статическую стороны, рассматривая её как сложное образование, состоящее из совокупности качеств, свойств и состояний, позволяющих субъекту осуществлять конкретную деятельность. Исследователи этого научного феномена [5,9], отмечая системный характер готовности к профессиональной деятельности как интегративного личностного образования, выделяют в нем долговременную и ситуативную подсистемы.

Под долговременной или личностной подсистемой понимается категория теории личности, а под ситуативной - категория теории деятельности. Такой подход позволил ученым выделить компоненты структуры готовности и охарактеризовать их. По мнению Б.Г. Ананьева [1], долговременная готовность – это комплекс профессионально значимых личностных, субъектных и индивидуальных качеств. Группа личностных качеств состоит из отношения к профессиональной деятельности, интересов и склонностей, осознанной мотивации. К субъектным, по мнению А.Г. Асмолова [2], относятся знания, умения, навыки и способности к осуществлению деятельности. Индивидуальные качества определяются особенностями психических процессов (восприятия, внимание, мышле-

ние), эмоционально-волевых процессов, нейродинамикой, физиологическими данными (зрение, слух и др.).

Результаты исследований, проведенных К.Э. Безукладниковым в области содержательного анализа категории «профессиональная компетентность», позволили, на наш взгляд, решить проблему её универсальной содержательной неопределенности и сформулировать это понятие. «Профессиональная компетенция – это личностное психологическое новообразование, включающее в себя наряду с когнитивным и поведенческим аспектами долговременную готовность к профессиональной деятельности как интегративное свойство личности. По мере развития профессиональной компетентности человека в той или иной сфере деятельности она укрупняется и интегрируется с другими компетенциями, проявляясь в новом качестве, представляя собой спираль диалектического развития. Именно она обеспечивает возможность ставить перед собой значимые цели, рисковать, гибко, творчески подходить к решению проблемы и получать результат» [3].

Еще одним важным вопросом, который рассматривают исследователи проблемы формирования профессиональной компетентности выпускника вуза в логике уровневого образования – острая необходимость формирования у бакалавров и магистров готовности и способности к научно-исследовательской деятельности, что, на наш взгляд, можно соотнести с категорией исследовательской компетенции [12]. Высшее образование должно базироваться на научных исследованиях, тем самым способствуя инновационному и творческому процессу в обществе. Следует добавить, что во ФГОС ВО исследовательская деятельность определяется как один из основных видов профессиональной деятельности. Однако, как отмечает И.А. Зимняя, «включение в эту деятельность (особенно на первой, основной ступени высшего образования – бакалавриате) остается все еще трудно решаемой задачей [6]. Формирование иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции будет способствовать вовлечению студентов в исследовательскую деятельность, так как единство коммуникативного и профессионального компонентов исследуемой нами компетенции открывает более широкие горизонты межкультурного профессионального и академического взаимодействия и способствует снятию языковых и психологических барьеров между участниками международных профессиональных и академических сообществ при организации совместных исследований [4].

Определенная в результате анализа исследований структура иноязычной коммуникативной и профессиональной компетенции, требования Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования и логика определения профессиональной компетенции, данная К.Э. Безукладниковым, позволяют нам сформулировать определение понятия «иноязычная профессиональная коммуникативная компетенция».

Иноязычная профессиональная коммуникативная компетенция будущего бакалавра и магистра – это личностное психологическое новообразование, сформированное дисциплинами предметного блока, базовой и вариативной частей профессионального цикла, дополненных специализированными курсами научно-исследовательской и профессиональной направленности в процессе высшего иноязычного образования, которое в единстве и взаимосвязи коммуникативного и профессионального компонентов в сво-

ей структуре включает в себя, наряду с когнитивным и поведенческим аспектами, долговременную готовность и способность к ведению профессиональной и научно-исследовательской деятельности на иностранном языке.

Иноязычная профессиональная коммуникативная компетенция является важнейшим компонентом профессиональной компетентности будущих бакалавров и магистров, которая позволит выпускникам вуза:

1) взаимодействовать с носителями другого языка и культуры в логике современного научного мировоззрения, с учетом профессиональных особенностей, национальных ценностей и норм поведения в условиях глобализации;

2) создавать позитивный настрой в профессионально-ориентированном иноязычном общении;

3) успешно выбирать адекватные ситуациям профессионально-ориентированного общения способы вербальной и невербальной коммуникации.

Библиографический список

1. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды: в 2 т. М.: Педагогика, 1980. Т. 1. С. 16-178.
2. Асмолов А.Г. Деятельность и установка. М.: Москва: Изд-во МГУ, 1979. 151 с.
3. Мильруд Р.П., Матиенко А.В. Альтернативное тестирование коммуникативной компетенции учащихся // Английский язык в школе. 2007. № 1. С. 4.
4. Новоселов Н.М. Иноязычная профессиональная коммуникативная компетенция: определение понятия в логике уровневого образования (бакалавриат и магистратура) // Фундаментальные исследования. № 11-6. 2013. С. 143-170.
5. Деркач А.А. Акмеологические основы развития профессионала. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: НПО «МОДЕК», 2004. 752 с.
6. Матиенко А.В. Альтернативный контроль в обучении иностранному языку как средство повышения качества языкового образования: автореф... дисс. ... д. пед. наук. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2009. 46 с.
7. Матиенко А.В. Альтернативный контроль в обучении иностранному языку как средство повышения качества языкового образования: дисс. ... д. пед. наук. ГОУВПО «Тамбовский государственный университет». Тамбов, 2009. 369 с.
8. Матиенко А.В. Предмет языкового тестирования с позиций когнитивно-коммуникативного подхода // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. № 2. С. 278-281.
9. Сластенин В.А. Педагогика: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования. 11-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2012. 608 с.
10. Цатурова И.А. Тестирование устной коммуникации. Москва: Высшая школа, 2004. 245 с.
11. Bachman L. The construct validation of some components of communicative proficiency / L. Bachman, A. Palmer // TESOL Quarterly. 1982. № 16. P. 449-465.

12. Bezukladnikov K. An outline of an ESP Teacher Training Course (2012). / K. Bezukladnikov, B.Kruze B. World Applied Sciences Journal (WASJ). Volume 20, Issue 20 (Special Issue on Pedagogy and Psychology) P. 103-106. URL: <http://www.idosi.org/wasj/online.htm>.
13. Canale M. Theoretical Bases of Communicative Approaches to Second Language Teaching and Testing / M. Canale, M. Swain // Applied Linguistics. 1980. Vol. 1. P. 1-47.
14. Chomsky N. Knowledge of Language: its nature, origin, and use / N. Chomsky. New York: Praeger, 1986. 698 p.

References

1. Ananyev B.G. Selected Psychological Works: in 2 Vol. M.: Pedagogics, 1980. V. 1. P. 16-178.
2. Asmolov A.G. Activity and Settings. M.: MSU Publ., 1979. 151p.
3. Milrud R.P., Matienko A.V. Alternative Testing of Students' Communicative Competence // English at School. 2007. № 1. P. 4.
4. Novoselov N.M. Foreign Language Professional Communicative Competence: Definition in Logic of Level Education (Bachelor and Master) // Fundamental Research. № 11-6. 2013. P. 143-170.
5. Derkach A.A. Acmeological foundations of professional development. M.: Publ. of Moscow Psycho-Social Institute; Voronezh: Publ. Modec, 2004. 752p.
6. Matienko A.V. Alternative Control in Learning a Foreign Language as a means of Improving the Quality of Language Education / Abstract of Dissertation for the Degree of Doctor of Pedagogical Sciences. Tambov: Tambov State University Publ., 2009. 46 p.
7. Matienko A.V. Alternative Control in Learning a Foreign Language as a means of Improving the Quality of Language Education / Dissertation for the Degree of Doctor of Pedagogical Sciences. Tambov: Tambov State University Publ., 2009. 369p.
8. Matienko A.V. The Subject of Language Testing from Positions of Cognitive-Communicative Approach // Vestnik of Pyatigorsk State Linguistic University. 2011. № 2. P. 278-281.
9. Slastenin V.A. Pedagogics: Textbook for Students of Higher Education. M.: Academy Publ., 2012. 608 p.
10. Tsaturova I.A. Testing of Oral Communication/ I.A. Tsaturova, S.R. Baluyan. M.: High School Publ., 2004. 245 p.
11. Bachman L. The construct validation of some components of communicative proficiency // TESOL Quarterly. 1982. № 16. P. 449-465.
12. Bezukladnikov K. An outline of an ESP Teacher Training Course (2012) / K. Bezukladnikov, B.Kruze B. World Applied Sciences Journal (WASJ). Volume 20, Issue 20 (Special Issue on Pedagogy and Psychology) P. 103–106. <http://www.idosi.org/wasj/online.htm>.
13. Canale M. Theoretical Bases of Communicative Approaches to Second Language Teaching and Testing / M. Canale, M. Swain // Applied Linguistics. 1980. Vol. 1. P. 1-47.
14. Chomsky N. Knowledge of Language: its nature, origin, and use / N. Chomsky. New York: Praeger, 1986. 698 p.

УДК 81'243

Национальный фармацевтический университет

ст. преп. кафедры гуманитарных наук

Гаврюшенко Т.В.

Украина, г. Харьков, тел. +380990952499

e-mail: humanitsciens@nuph.edu.ua

National University of Pharmacy

The Department of Humanities

senior lecturer

Gavr'ushenko T.V.

Ukraine, Kharkov, +380990952499

e-mail: humanitsciens@nuph.edu.ua

Т.В. Гаврюшенко

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРОЦЕССЫ ЗАПОМИНАНИЯ И ЗАБЫВАНИЯ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

В данной статье рассматриваются особенности и закономерности процессов запоминания и забывания учебного материала. Анализируются психологические и лингвистические трудности, возникающие в процессе учебной деятельности. Особое внимание уделяется интенсивным методам изучения иностранных языков, которые, в свою очередь, влияют на избирательность памяти.

Ключевые слова: забывание, запоминание, процесс, влияние, мотив, интенсивное обучение, учебная информация, интерференция.

T.V. Gavr'ushenko

FACTORS INFLUENCING MEMORY PROCESS AND FORGETTING THE EDUCATIONAL MATERIAL IN LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

This article discusses the features and patterns of Memory Process and Forgetting the educational material. Analyzes the psychological and linguistic difficulties that arise in the course of training activities. Particular attention is paid to intensive methods of learning foreign languages, which, in turn, effect of selective memory retrieval.

Key words: forgetting, remembering, process, influence, a motive, intensive training, the educational information, interference.

В процессе обучения русскому языку как иностранному (РКИ) в неязыковом вузе большой массив учебной литературы обрабатывается студентами самостоятельно. В связи с этим студентам необходимо запоминать максимум информации в рамках своей специальности. Но практика показывает, что студентам сложно воспринимать большой объем информации, они не могут ее запомнить, и это часто приводит к снижению мотивации к обучению. Механизмы забывания и запоминания интересовали многих психологов, таких как Р. Аткинсон, П.П. Блонский, П. Жане, А.Р. Лурия, Б.Г. Мещеряков, С.Л. Рубинштейн, З. Фрейд, Г. Эббингауз и др. Изучению особенностей кратковременной и долговременной памяти, ее высших форм посвятили свои научные труды Л.С. Выготский, П.И. Зинченко, В.П. Зинченко, А.Н. Леонтьев, Р.С. Немов, А.А. Смирнов, которые касались, главным образом, изучения подходов к обучению, становлению психики, мышления и мотивов деятельности детей и взрослых. Существенный вклад в рас-

крытие вопроса об изучении высших форм памяти внёс выдающийся ученый Л.С. Выготский, в работах которого подробно рассмотрена проблема памяти как сложной формы психической деятельности, исследованы основные этапы развития наиболее сложного опосредованного запоминания [1; с. 394]. А.А.Смирнов, продолжая линию исследований Л.С. Выготского, пришел к заключению, что запоминание зависит от поставленной задачи и подчинено осмысленной человеческой деятельности. Он отмечает, что намерение запомнить считается одним из главнейших условий успешности запоминания, поскольку память отражает выполняемую деятельность. По мнению А.А. Смирнова, «сжатое изложение с фактическими сведениями запоминается лучше, чем пространственное изложение» [7; с. 64]. С точки зрения А. Н. Леонтьева, высокая продуктивность памяти – это не изначальная данность, присущая человеку, а продукт интенсивной деятельности с использованием специальных приемов. А. Н. Леонтьев попытался связать в одном теоретическом контексте работу памяти и деятельность сознания. Ученый считает, что, «обращаясь к употреблению вспомогательных средств, мы тем самым изменяем принципиальную структуру нашего акта запоминания; прежде прямое, непосредственное наше запоминание становится опосредствованным» [4; с. 166].

З. Фрейд был первым, кто попытался объяснить механизмы забывания иностранных слов. Многочисленные эксперименты, проводимые ученым, показали, что слова на родном языке более защищены от забывания, чем слова на иностранном языке. Кроме того, З. Фрейд сослался на немецкую поговорку: «Забывание чего-нибудь никогда не бывает случайным» [9]. По мнению Фрейда, этот выбор предполагает наличие определённой мотивации, в основе которой лежит мотив неохоты. Неохота что-либо делать воспринимается как забывание. В этой связи З.Фрейд писал, что «... при забывании намерений происходит известный выбор наличных впечатлений и отдельных элементов каждого впечатления или переживания» [10; с. 134].

Известно, что забывание связано с запоминанием. Это и послужило основой разработки специальных методик по формированию умений и навыков прочного запоминания изученного материала. Несмотря на то, что в настоящее время лингвистами исследуются процессы запоминания и забывания, их механизмы в практике преподавания РКИ еще недостаточно изучены. Цель данной работы заключается в том, чтобы определить факторы, которые влияют на процессы запоминания и забывания у иностранных студентов в процессе обучения РКИ. В соответствии с целью исследования были поставлены следующие задачи: изучить и обработать теоретическую литературу по данному вопросу; определить факторы, влияющие на процессы запоминания и забывания; установить значение и место памяти в обучении иностранных студентов русскому языку.

Действительно, любая учебная деятельность, в том числе и обучение русскому языку как иностранному, связана с процессами запоминания, сохранения, вытеснения и воспроизведения полученной информации. Эти процессы тесно связаны с памятью обучаемых, которая, в свою очередь, связана с особенностями личности студентов, их интересами и потребностями, мотивами их учебной деятельности. Именно они определяют, как студенты запоминают, сохраняют в памяти или забывают учебную информацию.

В данной статье рассматриваются особенности и закономерности процессов запоминания и забывания учебного материала, а также пути, методы, способы совершенствования памяти обучаемого, без которой учебная деятельность не будет успешной.

В процессе учебной деятельности преподаватель часто наблюдает ситуацию, когда одни студенты с трудом запоминают учебный материал, но зато хорошо воспроизводят и долго хранят в памяти полученные знания. Это говорит о том, что у этих студентов хорошо развита долговременная память. Другие студенты быстро запоминают учебный материал, но также быстро забывают то, что запомнили. У этих студентов развита кратковременная память. По мнению Р.С. Немова, «кратковременная память представляет собой способ хранения информации в течение короткого промежутка времени. Длительность удержания мнемических следов здесь не превышает нескольких десятков секунд, в среднем около 20 (без повторения). В кратковременной памяти сохраняется не полный, а лишь обобщенный образ воспринятого, его наиболее существенные элементы. Кратковременная память работает без предварительной сознательной установки на запоминание» [6; с. 220]. Именно поэтому первостепенными задачами преподавателя РКИ являются: во-первых, перевод в ходе закрепление учебного материала умений и навыков, полученных на занятии, в кратковременную память; во-вторых, организация осмысления и закрепления материала занятий для дальнейшего перевода знаний в долговременную память; в-третьих, выполнение домашнего задания по пройденному материалу для закрепления полученных знаний дома. Отметим, что при запоминании материала большое значение имеет установка на запоминание. Долговременная память, как считает Р.С.Немов, способна хранить информацию в течение практически неограниченного срока. Информация, попавшая в хранилища долговременной памяти, может воспроизводиться человеком сколько угодно раз без утраты [6; с. 220-221]. Как утверждают психологи (Р. Аткинсон, Е.Е.Васильева, В.Ю. Васильев, М. Джонс, Н.А. Рыбников, Р. Шифрин) студент, имеющий плохо тренированную память, немедленно забывает 50% того, что он читает, т. е. чтобы не забывать полученную информацию, необходимо ее осмысленно, целенаправленно проговаривать и повторять. При этом заметим, у процесса забывания есть свои закономерности: забывается всё ненужное, неинтересное, вторичное, сложное для восприятия. З. Фрейд, в своих работах, обращаясь к анализу проблемы забывания, уделил пристальное внимание подробной разработке механизмов забывания. По мнению З. Фрейда, в основе забывания лежит мотив нежелания помнить. Хорошо запоминается то, что эмоционально значимо, интересно, необходимо для обучаемого, и наоборот. Заслугой З. Фрейда в исследовании процессов запоминания и забывания явилось выяснение роли положительных и отрицательных эмоций, мотивов, потребностей в процессе запоминания и забывания полученной информации [11]. Иными словами, мы помним то, что нам приятно помнить, что эмоционально значимо для нас, и забываем то, что неинтересно, неприятно, сложно.

В середине 60-х годов болгарский учёный Г. Лозанов разработал интенсивные методы обучения в русле суггестопедического подхода («суггестия» означает «внушение»), позволяющего раскрыть творческие резервы личности обучаемого, одним из которых является память. По Г. Лозанову, содержательную основу данного подхода составляют: 1) радость и ненапряженность в процессе обучения, 2) единство сознательного и подсознательного, 3) наличие суггестивной связи между преподавателем и учеником [5].

Анализируя психологические трудности, возникающие в процессе учебной деятельности, Г. Лозанов вводит понятие «барьеры», которые существуют для суггестопедического воздействия. Студенты, в свою очередь, должны уметь преодолевать подоб-

ные препятствия. Что мешает им усваивать новый учебный материал? Во-первых, это «барьер страха»: обучаемый боится показаться смешным, несостоятельным, худшим в группе; «барьер критики»: боится критической оценки; боится авторитарности. Система одобрения, поощрения поставлена в главу данной методики, поэтому «барьер критики» снимается одобрением, «барьер усталости» – хорошим настроением.

«Барьер усталости», по мнению Г. Лозанова, – это усталость мозга. Студенты устают тогда, когда им трудно, а трудно то, что неинтересно. Студенты, работающие в хорошем настроении, при доброжелательной, эмоционально насыщенной атмосфере в аудитории запоминают информацию в пять раз лучше. И ещё об одном «барьере» пишет Г. Лозанов – это «барьер любви (нелюбви)». Что это значит? Студент, не любящий преподавателя, испытывает психологические трудности при изучении учебной дисциплины, которую тот читает. При обучении по лозановской системе меняется роль преподавателя. Он становится участником творческого процесса, где преподаватель и обучает студентов, и учится у них, и этот процесс бесконечен.

Г.А. Китайгородская считает, что именно возможности студента, о которых они даже не догадываются, позволяют запоминать большие объемы информации, минуя логические барьеры. Продолжая исследование Г. Лозанова, Г.А. Китайгородская основывается на идеях суггестопедии, но рассматривает барьеры под иным углом зрения – как языковые и коммуникативные барьеры, которые находятся в постоянном взаимодействии, а именно: 1) затруднения вызваны слабым уровнем владения иностранным языком; 2) студент может говорить на иностранном языке, но стесняется демонстрировать свое знание; 3) студент старается говорить на иностранном языке, не обращая внимание и не стесняясь своего не совсем хорошего знания языка, при этом его владение языком находится на довольно низком уровне; 4) показатели языкового и коммуникативного барьеров минимальны [3]. Свой метод интенсивного обучения профессор Г.А. Китайгородская называет методом активизации резервных возможностей личности и коллектива, т. е. личностно-деятельностным подходом в обучении, что предполагает учебное сотрудничество преподавателя и студентов на равных условиях. Большое внимание при этом обращается на развитие памяти, совершенствование процессов запоминания и сохранения информации. Учебный материал должен иметь профессионально-информативную значимость для студентов. Доказано, что лучше всего сохраняется осмысленный и важный материал, а все то, что субъективно не значимо для индивида, не вызывает интереса, не отвечает потребностям студента и не является для него актуальным, забывается скорее и не удерживается в памяти. В ходе занятий задействуются различные виды памяти и формулируются задачи более глубокого изучения механизмов запоминания и забывания.

Немаловажное значение имеют свойства внимания: направленность или избирательность внимания – отбор поступающей информации и удержание на ней внимания. Показатель успешности внимания, его избирательность зависит от многих факторов, включая количественные и качественные характеристики побуждений, мотивирующих эту деятельность.

Мотивация влияет на избирательность понятий, процессы сохранения и вытеснения учебной информации. В этой связи обратимся к эксперименту, проведенному Б.В. Зейгарник в соответствии с нарушениями мотивационного компонента памяти, психологический эффект которого заключается в том, что студент лучше запомнит прерванное

действие, чем законченное. Эксперимент заключался в следующем: испытуемому предъявлялся ряд задач (от 18 до 22), которые он должен был выполнить по возможности точнее и быстрее. Половину предложенных задач испытуемый выполнял до конца, половина же их прерывалась экспериментатором до того, как испытуемый их завершит. Перерыв происходил таким образом, что экспериментатор предлагал испытуемому другую работу. Суть данного эффекта заключается в следующем: если обучаемым предложить выполнить ряд заданий, часть из которых оставить незавершёнными, то оказывается, что студенты будут почти в 2 раза чаще вспоминать незавершённую работу, чем ту, которую они закончили, т.е. у обучаемого в процессе учебной деятельности возникает потребность довести начатую работу до логического конца, получить результат. И наоборот, если эта потребность не реализует себя полностью, а задание не выполнено, тогда потребность остаётся неудовлетворённой и стимулирует процесс запоминания. При этом можно заметить, что прерванное действие воссоздаётся в памяти гораздо легче и отчётливее, чем законченное действие. Студенты непроизвольно удерживают в памяти то, что отвечает их наиболее актуальным, но не вполне удовлетворённым потребностям. Данные экспериментов показали, что испытуемые запоминали лучше незавершенные действия, и они воспроизводились на 90% лучше, чем завершённые [2].

При характеристике процессов запоминания и забывания учебной информации закономерно возникает вопрос о скорости запоминания и скорости забывания. Количество повторений и время хранения информации характеризуют память по быстроте запоминания и длительности сохранения. От времени или длительности хранения зависит разделение памяти на кратковременную (информация сохраняется в течение секунд или минут) и долговременную (информация может сохраняться в течение дней, месяцев и лет). Согласно данной характеристике памяти, немецкий ученый Герман Эббингауз вывел закономерность: «легко запоминается то, чем человек особенно интересуется». По закону Г. Эббингауза, механизм забывания происходит следующим образом: в течение первого часа забывается до 60% воспринятой информации, а через 6 дней остаётся менее 20% от объема полученной информации [12]. Из этого следует вывод: необходимо повторение учебного материала до полного и безошибочного его запоминания. Заметим, что повторения должны отвечать определенным требованиям: процесс повторения не должен сводиться только к механическому запоминанию; нужно развивать логическое запоминание, направленное на понимание смысла изучаемого материала, а не на его внешнюю форму; учебный материал должен носить логически осмысленный характер. Нецелесообразно сразу приступать к заучиванию наизусть. Гораздо больший эффект будет, если повторение учебного материала распределено во времени таким образом, чтобы на начало и конец заучивания приходилось большее число повторений, чем на середину. Любая из частей, на которые при заучивании делится весь материал в целом, должна сама по себе представлять более или менее законченное целое [6]. В этом случае, весь заучиваемый материал легче запоминается и воспроизводится, при этом количество запоминающегося материала может изменяться в зависимости от числа повторений и времени. Чаще всего наибольшее количество материала забывается на 2-3 день после заучивания. В процессе сохранения часть информации вытесняется из памяти новой информацией. Этот процесс по формированию и улучшению памяти у иностранных студентов происходит в процессе учебной деятельности.

Следующий фактор, влияющий на процессы запоминания и забывания, непосредственно связан со смысловой теорией памяти. В ней говорится о том, что психологические процессы запоминания и забывания соединены со смысловым содержанием учебного материала. Одним из способов усвоения материала является заучивание. Подлежащий заучиванию материал включается в контекст определённых смысловых связей. Заучивание происходит на уровне памяти и является необходимым компонентом в процессе усвоения учебного материала. Демонстрируя важность заучивания [7; с. 64], А. А. Смирнов описывает особенности механизмов запоминания, подчеркивает зависимость памяти от характера деятельности, считая, что действия запоминаются лучше, чем мысли, а среди действий крепче запоминаются те, которые связаны с преодолением препятствий [8]. При изучении нового материала у иностранных студентов отмечается «ассоциативная интерференция», происходит взаимодействие между новыми и уже имеющимися знаниями, что негативно влияет на усвоение нового материала и эффективность запоминания. Ярким примером интерференции является изучение иностранными студентами нового материала: ухудшающееся сохранение запоминаемого материала в результате наложения другого материала, иными словами, первый материал ещё не забыт, а второй недостаточно хорошо усвоен.

В заключение остановимся на основных выводах и предложениях, сформулированных по итогам проведенного исследования: 1) к факторам, влияющим на забывание, относим: характер информации и степень ее соответствия потребностям студентов; интерференцию; возраст; подавление памяти на уровне сознания и вытеснение ее в область бессознательного (по З.Фрейду); 2) процессы запоминания, сохранения и воспроизведения информации тесно взаимосвязаны; 3) процессы запоминания и забывания непосредственно связаны со временем хранения информации и количеством повторений (по Г. Эббингаузу); 4) учебный материал должен носить логически осмысленный характер; 5) на избирательность памяти влияет мотивация; 6) лучше всего в памяти воспроизводится начало и конец действия («эффект края»); 7) незавершенные действия воспроизводятся лучше, чем завершенные (эффект Зейгарник); 8) процесс запоминания связан непосредственно с вниманием, поэтому преподаватель должен использовать все приёмы, позволяющие управлять вниманием аудитории и каждого студента в отдельности.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что скорость протекания процессов запоминания и забывания зависят от индивидуальных способностей студента, особенностей памяти, отношения к запоминаемому материалу, объема материала и степени трудности, мотивации и желания запомнить.

Библиографический список

1. Выготский Л.С. Память и ее развитие в детском возрасте. Собр соч в 6 т. Т 2. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1982. С. 386-395.
2. Зейгарник Б.В. Патопсихология: учеб. для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во МГУ, 1986. 288 с.
3. Китайгородская Г.А. Методика интенсивного обучения иностранным языкам. М.: Изд-во МГУ, 1986. 175 с.
4. Леонтьев А.Н. Развитие высших форм запоминания / Хрестоматия по общей психологии: Психология памяти. М.: Просвещение, 1979. 672 с.

5. Лозанов Г. Суггестопедия при обучении иностранным языкам // Методы интенсивного обучения иностранным языкам. Вып. 1. М., 1973. С. 9-17.
6. Немов Р.С. Психология: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: В 3 кн. 4-е изд. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. // Кн. 1: Общие основы психологии. 688 с.
7. Смирнов А.А. Проблемы психологии памяти. М.: Просвещение, 1966. 420 с.
8. Смирнов А.А. Избранные психологические труды: В 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1987. С. 186-203.
9. Фрейд З. Забывание иностранных слов / Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти // Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М.: Изд-во МГУ, 1980. С. 104-119.
10. Фрейд З. Забывание впечатлений и намерений / Психология памяти // Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и В. Я. Романова. М.: ЧеРо, 2000, 485 с.
11. Фрейд З. Забывание иностранных слов. Забывание впечатлений и намерений / Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти // под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.Я. Романова. М., 1998. С. 130-149.
12. Hermann Ebbinghaus. Memory: A Contribution to Experimental Psychology. 1885 URL: <http://psychclassics.yorku.ca/Ebbinghaus/index.htm>

References

1. Vygotsky L.S. Memory and its development in children. Collected Works in 6 v. Vol. 2. Problems General psychology. M., 1982. P. 386-395.
2. Zeigarnik B.V. Pathopsychology: A Textbook for students. 2 ed., revised. M., 1986. 288 p.
3. Kitaygorodskaya G.A. The technique of intensive foreign language teaching. M., 1986. 175p.
4. Leontiev A.N. The development of higher forms of memory / Readings in General Psychology: Psychology of memory. M., 1979. 672 p.
5. Lozanov G. Suggestopediya in teaching foreign languages / Methods of intensive foreign language training. Vol. 1. M., 1973. P. 9-17.
6. Nemov R.S. Psychology: A Textbook for students: in 3 books. 4th ed. M., 2003. Ver. 1. 688 p.
7. Smirnov A.A. Problems of psychology memory. M., 1966. 420 p.
8. Smirnov A.A. Selected psychological works: in 2 vol. Vol.1. M., 1987. P. 186-203.
9. Freud S. Forgetting of Foreign Words / Readings in General Psychology. Memory Psychology // ed. by Y.B. Gippenreiter, V. Ya. Romanova. M., 1980. P. 104-119.
10. Freud S. Forgetting impressions and intentions / Psychology of memory // ed. by Y.B. Gippenreiter, V.Ya. Romanova. M., 2000. 485 p.
11. Freud S. Forgetting of Foreign Words. Forgetting impressions and intentions / Readings in General Psychology. Psychology of memory // ed. by Y.B. Gippenreiter, V.Ya. Romanova. M., 1998. P. 130-149.
12. Hermann Ebbinghaus. Memory: A Contribution to Experimental Psychology. 1885. URL: <http://psychclassics.yorku.ca/Ebbinghaus/index.htm>

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ASPECTS OF RESEARCHING OF FICTION

УДК 801

Воронежский государственный университет инженерных технологий
канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка
Ядрихинская Е.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473)2785590
e-mai: helen_ya@list.ru

Voronezh State University of Engineering Technologies
PhD, associate professor the Chair of the Russian Language
Yadrikhinskaya E.A.
Russia, Voronezh, +7(473)2785590
e-mai: helen_ya@list.ru

Е.А. Ядрихинская

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ «ПЛАНЕТА» МЕРСО

В статье рассматриваются лексические средства вербализации внутреннего мира экзистенциального человека в индивидуально-авторской картине А. Камю. Экзистенциальный человек бросает вызов обществу, он не приемлет мир, в котором существует. Он живёт по своим собственным законам и обречён на одиночество.

Ключевые слова: А. Камю, экзистенция, человек, вербализация, свобода, выбор, отчуждение, одиночество.

Е.А. Yadrikhinskaya

THE EXISTENTIAL «PLANET» OF MEURSAULT

The article is devoted to the lexical means expressing the inner world of existential person in the individual and author picture of the world by A. Camus. Existential person challenges to society, he does not accept a world where he exists. He lives by his own laws and he is doomed to loneliness.

Key words: A. Camus, existential, person, verbalization, freedom, choice, alienation, loneliness.

А. Камю является одним из ярких представителей философского направления – экзистенциализма. В своих произведениях А. Камю уделяет всестороннее внимание человеку и особенностям его самореализации — во внутреннем и внешнем мире, в отношении к жизни и смерти, к проблемам свободы и выбора.

Главный герой повести А. Камю «Посторонний» Мерсо обладает всеми типичными качествами экзистенциального человека в пассивной модели поведения.

Одним из доминирующих состояний человека вообще, и героя произведений Камю в частности, является одиночество.

Человек в концепции Камю не приемлет мир, в котором он существует, он выступает против «формальной нравственности», принимаемой большинством, и потому он обречен на одиночество: «... *j'avais d'être de trop, un peu comme un intrus*» (... меня было слишком много, и это приравнивало меня к злоумышленнику) [1; p.132].

Мир Мерсо – мир «естественного» человека, выбравшего полное «отстранение» от общественного бытия, навязываемых им правил и законов, который сводится к са-

мым примитивным, физическим желаниям, ощущениям и чувствам: «... *j'avais une nature telle que mes besoins physiques dérangent souvent mes sentiments*» (... у меня был такой характер, что мои физические потребности шли в разрез с моими чувствами) [1; p. 66].

И именно его тяга к «естеству» делает для героя неприемлемыми надуманные обществом нормы и правила морали, базирующиеся на фетишизме и фальши. У Мерсо несгибаемая сила внутренних «естественных» убеждений: герой, кажется, не способен лгать, фальшивить даже для собственного блага.

Мерсо хотел бы сконцентрировать свою жизнь в границах сиюминутного, предельно «естественного» существования, отключиться от времени («*le temps me manque*»).

Мерсо представляется чудовищным с точки зрения общественных условностей и стереотипов поведения. Однако герой не тотально равнодушен – он просто естественен и не способен к демонстрации привычных, «ритуальных» проявлений скорби: «... *je n'avais pas voulu voir maman, je n'avais pas pleuré une seule fois et j'étais parti aussitôt après l'enterrement sans me recueillir sur sa tombe*» (... я не хотел видеть маму, я не разу не заплакал, и ушел сразу после похорон, не оставшись на ее могиле) [1; p.139].

Мерсо жесток. Он искренне не видит в убитом им «типе» («*le type de Raymond*») человека: для него застреленный, можно сказать, ни за что мужчина – всего лишь какой-то «араб» («*L'Arabe*»), ставший вдруг «неподвижным телом» («*un corps inerte*») и «жертвой» («*la victime*»), не достойный не только сострадания, но и даже имени.

Мерсо открыто заявляет, что ему безразлично («*cela m'était égal*») все то, что происходит с ним: «*Rien, rien n'avait d'importance et je savais bien pourquoi*» (Ничего, ничего не имело значения, и я не знал почему) [1; p.185].

Он не желает ничего менять в жизни, поэтому он примиряется с самим собой и отдаётся равнодушию к миру: «... *monde, qui maintenant m'était à jamais indifférent*» (... мир теперь мне навсегда стал безразличен) [1; p. 187].

Мерсо равнодушен к любви, дружбе – для него всё это пустые слова, он просто перестал их понимать: «*Le soir Marie est venue me chercher et m'a demandé si je voulais me marier avec elle. J'ai dit que cela m'était égal ...*» (Вечером ко мне пришла Мари и спросила, хочу ли я на ней жениться. Я ей ответил, что мне это безразлично) [1; p. 69].

Предельное отчуждение экзистенциального человека от других людей и от себя может быть выражено в тотальной равнодушии к любым проявлениям своих и чужих чувств: «*J'avais un peu perdu l'habitude de m'interroger et qu'il m'était difficile de la renseigner*» (Обычно я немного терялся, когда меня допрашивали, и мне было трудно о чем-либо спрашивать) [1; p. 66].

Человек, который живет по своим собственным правилам, отчуждается от норм поведения в обществе. Он придерживается неписаных законов, присущих только ему, но несвойственных обществу: «... *le lendemain de la mort de sa mère, cet homme prenait des bains, commençait une liaison irrégulière, et allait rire devant un film comique*» (... на следующий день после смерти матери этот человек купался, вступил в интимную связь, и смотрел комедию) [1; p. 90].

Экзистенциальный человек обречен на свободу вне реального времени и пространства, он не зависим от обстоятельств, его не заботит то впечатление, которое он производит на окружающих: «*Le même homme qui au lendemain de la mort de sa mère se livrait à la débauche la plus honteuse a tué...*» (Этот же человек предавался разврату на следующий же день после смерти матери, еще и убил ...) [1; p. 102].

Мерсо не проникает в суть происходящего, не оценивает ситуацию. Мерсо – лишь взгляд: «... *traiter cette affaire en dehors de moi*» (... рассматривать это дело без меня) [1; p. 153].

Мерсо бродит в стороне от других по окраинам жизни частной, уединенной, чувственной. Он отказывается лгать. Он говорит то, что есть на самом деле, он избегает маскировки, и вот уже общество ощущает себя под угрозой, и поэтому не находит место для него в своем сообществе: «... *je n'avais rien à faire avec une société dont je méconnaissais les règles les plus essentielles*» (... я ничего не имел общего с обществом, самые основные правила которого я игнорировал) [1; p. 159].

Герой экзистенциального мира закрывается в себе, обнаруживая несоответствия внутреннего и внешнего самопроявлений, в чем сказывается, в том числе, и его недоверие к внешнему миру.

Человек экзистенциальный в пассивной модели поведения не надеется на помощь других и остается со своими проблемами: «... *personne ne pouvait espérer l'aide de voisin et chacun restait seul avec sa préoccupation*» (... никто не мог надеяться на помощь соседа и каждый оставался один на один со своими переживаниями) [1; p.220].

Мерсо жил в своем мире абстракций и не видел выхода из сложившейся ситуации. Он думал о свободе, которую он больше никогда не сможет получить: «*Si jamais je sortais de cette prison, j'irais voir toutes les exécutions capitales. J'avais tort, je crois, de penser à cette possibilité*» (Если когда-нибудь я выйду из тюрьмы, я хотел бы присутствовать на всех казнях. Считаю, я был не прав, не думая о такой возможности) [1; p. 179].

Попад в тюрьму, в первые дни, Мерсо, еще не ощущая реальности, ожидал новых событий и не чувствовал себя заключенным: «... *je n'étais pas réellement en prison les premiers jours: j'attendais vaguement quelque événement nouveau*» (... в первые дни я не чувствовал себя заключенным: я находился в ожидании новых событий) [1; p. 113].

Несмотря на то, что Мерсо находился в тюрьме, он чувствовал себя свободным. Он ждал «ежедневных прогулок» («*la promenade quotidienne*») или «визитов адвоката» («*la visite de l'avocat*»), ему мучительно «хотелось женщину» («*le désir d'une femme*»).

Когда Мерсо находился в камере, у него было много времени, чтобы размышлять. Он все время «разговаривал сам с собой» («*parler seul*»), чтобы «убить время» («*tuer le temps*»). «Из глубины будущего» («*du fond de l'avenir*») Мерсо понимал, что ничего не изменилось в его мировоззрении.

Субъективное пространство главного героя повести «Посторонний» сводится к минимуму внешних впечатлений и к максимуму внутренних переживаний. Мерсо живет на «своей планете», которая представляет собой «тюрьму» («*la prison*»). «Планета» Мерсо находится над («*en haut*») суетой города: «*La prison était tout en haut de la ville et, par une petite fenêtre, je pouvais voir la mer*» (Тюрьма находилась в верхней части города, и я мог смотреть на небо через маленькое окно) [1; p. 68].

Мерсо следует своим инстинктам, он не задумывается над последствиями своих поступков. Мерсо совершает убийство человека только из-за того, что он был во власти «жары» («*la chaleur*»). После трагедии Мерсо сожалеет лишь о том, что нарушил «равновесие дня» («*l'équilibre du jour*»), гармонию времени и пространства.

В тюрьме Мерсо не осознает своего положения, у него еще появляются мысли «свободного человека» («*l'homme libre*»). Когда Мерсо просят на суде «описать день» («*retracer la journée*»), в который произошло убийство, он не говорит о людях, он описывает природу, то есть уходит от субъективно-психологического измерения к объективному описанию внешнего мира.

Следовательно, окружающий героя предметный мир носит не конкретно-предметный, а концептуальный, абстрактно-обобщенный характер и все пространство закрыто единственным вариантом выбора, который совершает единственный герой романа.

Расширение границ внешнего мира Мерсо происходит преимущественно за счет природы, где царят свобода и солнце: «*Le ciel était déjà plein de soleil*» (Небо уже было наполнено солнцем) [1; p. 18].

Солнце является отправной точкой в жизни «постороннего». Это неслучайно, поскольку французский вариант имени Мерсо (*Meursault*) состоит из двух слов «смерть» («*la mort*») и «солнце» («*le soleil*»).

Таким образом, Мерсо – обобщенный образ, представляющий экзистенциальный вариант «естественного человека»; его имя соединяет в себе противоположные сущности.

Экзистенциальный герой, доминирующее пространство которого находится в сознании, стремится предельно исключить из своих представлений внешний мир: «... *fermer les yeux sur lui (monde extérieur)*» (... закрыть глаза на внешний мир) [1; p. 63].

Когда Мерсо попадает в тюрьму, жизнь со всеми радостями теперь не для него, его дом – это «камера» («*la cellule*»), поэтому пространство его жизни сужается до существующего вокруг него предела: «... *j'étais chez moi dans ma cellule et ma vie s'y arrêtait*» (... я находился у себя, в своей камере, и здесь моя жизнь остановилась) [1; p. 114].

Его единственная связь с внешним миром – «узкое оконце» («*une petite fenêtre*»), через которое видно «небо» («*le ciel*»).

Долго находясь в заключении, он теряет представление о реальном пространстве, поэтому не желает выходить за пределы своей камеры.

Находясь в заключении, герой остается свободным в своих размышлениях: «... *pendant tout ce temps j'avais parlé seul*» (... всё это время говорил только я) [1; p. 82].

Мерсо отстраняется от реальности, живет в своем собственном мире, полном звуков и ощущений: «*A la fin que me souviens seulement que, de la rue et à travers tout l'espace des salles et des prétoires, pendant que mon avocat continuait à parler, la trompette d'un marchand de glace a résonné jusqu'à moi*» (В итоге, единственное, что я вспомнил, пока мой адвокат защищал меня, - это звук трубы мороженщика, который донесся до меня сквозь стены комнат, залов заседаний с улицы) [1; p. 162].

Значительное место в концептосфере экзистенциализма, в повести А. Камю «Посторонний» и в характеристике главного героя Мерсо занимает идеологема «отчуждение». Главный герой произведения равнодушно «отсутствуя» в окружающем мире на духовном уровне, в то же время каждой своей клеточкой присутствует в материальной вселенной, как бы снисходя на примитивный, животный уровень существования: «*A vrai dire, je l'avais très mal suivi dans son raisonnement, d'abord parce que j'avais chaud et qu'il y avait dans son cabinet de grosses mouches qui se posaient sur ma figure ...*» (По правде сказать, я плохо улавливал ход его мыслей, так как мне было жарко и в его кабинете летали огромные мухи, которые садились мне на лицо) [1; p. 107].

Необходимо заметить, что равнодушно «отсутствуя» в зале суда, Мерсо, однако, реагирует на знаки и сигналы внешнего материального мира, что свидетельствует о невозможности полного разрыва человеческих связей: «*Il y avait longtemps que j'étais allé à la campagne et je sentais quel plaisir j'aurais pris à me promener s'il n'y avait pas eu*

matan» (Я долгое время ходил по деревне, и я был бы полностью счастлив от прогулки, если бы не было мамы) [1; p. 22].

Мерсо не верит ни в себя, ни в людей, ни в какие-либо человеческие чувства, ни в высшие божественные, ни в низшие, дьявольские силы: «... *il me restait peu de temps. Je ne voulais pas le perdre avec Dieu*» (... у меня оставалось совсем немного времени. Я не хотел терять время на разговоры о Боге) [1; p. 184].

Мерсо исповедует безверие отверженных, которые не ждут ни помощи, ни спасения: «*Quand à moi, je ne voulais pas qu'on m'aidât ...*» (Что касается меня, то я не хотел, чтобы мне помогали) [1; p. 179].

Постепенно охладевая в своих порывах, устав ждать своего счастья, Мерсо отдается «безразличию» («*l'indifférence*»). Мир для него становится серым и безликим. Герой становится замкнутым, «хмурым» («*sérieux*») и закрытым.

В пограничной ситуации Мерсо переживает трудную борьбу с собой, часто сопряженную с большим эмоциональным накалом.

Мерсо «уверен» («*être sûr*») в неизбежности конца жизни: «... *j'étais sûr ... sûr de ma vie et de cette mort qui allait venir*» (... я был уверен ... уверен в своей жизни и в смерти, которая должна наступить) [1; p. 189].

Поэтому, перед лицом смерти, в «пограничной ситуации», отчужденному герою ничего не остается, как ждать: «... *j'ai occupé mes nuits à attendre cette aube*» (... все ночи я проводил в ожидании рассвета) [1; p. 137].

В поведении экзистенциального человека проявляется сложная рефлексия на смерть: и признание ее неизбежности и бунт против нее. Мерсо думает только об одном, как «ускользнуть» («*échapper*») от смерти, «вырваться» («*avoir une issue*») из неизбежности.

Таким образом, А. Камю показывает, что Мерсо – изгой в обществе, его действиями движет природа. Все действия Мерсо пропитаны атмосферой абсурда. Герой А. Камю «не от мира сего», потому что он принадлежит миру природы. Мерсо – посторонний в окружающем ему мире. Мерсо не живет – он существует, без «плана», без идеи, от случая к случаю, от одного мгновения к другому.

Библиографический список

1. Camus A. L'Étranger / Albert Camus. Paris : Edition Gallimard, 1957. 190 p.
2. Ядрихинская Е. Макроконцепт «l'homme» в индивидуально-авторской картине мира А. Камю. Структура и средства лексической репрезентации / Е. Ядрихинская. Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co.KG, 2012. 67 p.

References

1. Camus A. Stranger / Albert Camus. Paris : Edition Gallimard, 1957. 190 p.
2. Yadrikhinskaya E. Macroconcept l'homme (person) in the individual and author picture of the world by A. Camus. The structure and the lexical means expressing / E. Yadrikhinskaya. Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH&Co.KG, 2012. 67 p.

УДК 801.3=82(045/046):26

*Воронежский государственный
архитектурно-строительный университет
ст. преп. кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации*

*Безатосная О.М.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering
The chair of Russian language and
cross-cultural communication
senior lecturer*

*Bezatosnaya O.M.
Russia, Voronezh, +7(4732)71-50-48*

О.М. Безатосная

ОБРАЗ ХРАМА В РАССКАЗАХ Б.К. ЗАЙЦЕВА

В ранних произведениях Б.К. Зайцева часто встречается образ храма (церкви, собора). С одной стороны, это важный пространственный ориентир, визуальный центр восприятия. С другой – образ церкви часто является смысловым центром.

Ключевые слова: христианские мотивы, святыня, очищение души, раскаяние, жизнь, смерть, православные традиции.

О.М. Bezatosnaya

THE IMAGE OF THE TEMPLE IN THE STORIES BY B.K. ZAITSEV

B.K. Zaitsev often uses the image of a temple (a church, a cathedral) in his early pieces. On one hand, it is an important landmark and the centre of visual perception. On the other hand, the image of a temple often turns out to be notional centre.

Kew words: Christian motives, sacred object, soul clarification, repentance, life, death, Orthodox traditions.

Во многих ранних произведениях Б.К. Зайцева 1900–1920-х гг. важнейшим пространственным ориентиром является храм (церковь, собор). К нему постоянно обращается взор повествователя в рассказах «Тихие зори» (1904), «Ласка» (1906), «Миф» (1906), «Актриса» (1911), «Улица святого Николая» (1921), в повести «Голубая звезда» и других текстах автора. Для его героев, прошедших страдания, потерявших Родину, вынужденных странствовать, живя на чужбине, жизнь – это трудная дорога к Богу, а дом – это Храм. По словам Н.П. Бабенко, в его произведениях «церковь не только сакральное сооружение, это важнейшее средство на пути спасения человека» [1].

В рассказах Б.К. Зайцева образ храма, церкви или собора встречается довольно часто [2]. Герои так или иначе в разные моменты жизни оказываются поблизости, любят их величием, чувствуя острую необходимость припасть к святыням. Вот храмы древнего монастыря в Звенигороде, Исакий в Петербурге, часовня Иверской Божьей Матери на Красной площади. Но чаще возникает совсем другой образ. Внешне это всегда или почти всегда «старая», «древняя», «покосившаяся», «облупившаяся», «смирная» церковь. Автор подчёркивает её незаметность. Церковь не возвышается над ге-

роями, наоборот, гармонично вписывается в пейзаж:

- в густой зелени горит глава монастыря;
- закат пылает, и в нём вычерчивается высокая колокольня;
- крест выхвачен золотом, и вокруг зигзагами ласточки.

В очерке «Валаам» автор передаёт удивительную гармонию, в которой красота природы неотделима от ощущения святости: «Кругом лес, тишина. Прямо перед нами церковь, и у входа отец Николай... 70-летний старичок, тихий и особенный. Кажется, что зайцы придут кормиться из его рук, ласточка сядет на рукав. А он уйдёт за церковь и растает в лесу. А в стороне от церкви стоит бедная часовенка... огромная икона – картина «Моление о чаше» всю её занимает... божественное, окружённое природой, природа, знаменованная святыней». По традиции православные храмы возводили в глуши лесов, подальше от дорог, «испокон века на Руси сохранялись традиции относиться к храму как к связующему звену между человеком и Богом, проявление силы которого видели в красоте природы» [3].

Вокруг храма разворачивается вся жизнь героев Б.К. Зайцева: рождение, встречи, праздники, расставания, смерть. Высокое волнение и очищение души испытывает героиня романа «Золотой узор» Наташа только в имении отца на пасхальной службе в маленьком деревенском храме, когда отступили перед вечностью «война, ужасы и окопы, наступления и пленные, сутолока революции» [4]. А концерт в благополучной Италии, когда Наташа, нарядная, красивая, пела в церкви литургию, лишь «тронул сердце» [4].

В рассказе «Студент Бенедиктов» герой, задумавший свести счёты с жизнью, в последний момент вспоминает о том, как однажды в пасхальную ночь ему было жутко на пароме переплывать разлившуюся реку. Но он вдруг увидел, что на другом берегу в церкви светлые окна, и понял, что там идёт служба. Огоньки в церкви и золотой свет звёзд на небе помогли герою побороть страх перед стихией, воспоминания об этом помогли начать новую жизнь.

Рассказ «Грех» – это исповедь человека, жившего не по совести, нарушавшего заповеди, но раскаявшегося. Началом возрождения его души можно считать следующий эпизод: «Когда нас гнали из Бутырки на Курский вокзал, я взглянул на главы Страстного монастыря, снял шапочку и перекрестился. Захотелось свернуть к Тверскому, где я родился, где с мамашей ходил к Иоанну Богослову» [5]. Образ глав монастыря и образ церкви, возникший из далёкого детства, заставил героя переосмыслить свою жизнь.

В повести «Голубая звезда» Машура в четверг Страстной недели вышла из дома «побродить, поглядеть Москву». Она видела внизу милую и ветхую церковь Константина и Елены, заходила в Архиерейский собор, прошла мимо Успенского собора, забрела в мироварную палату при церкви Двенадцати Апостолов. Машура увидела, что везде непрерывно шла работа, было много людей. Это позволило героине почувствовать важность всего происходящего.

В рассказе «Священник Кронид» вся жизнь героя и его семьи связана с церковью. Здесь он крестит детей, исповедует, причащает, соборует, венчает и отпевает. По мнению автора, церковь – важный центр, стержень, вокруг которого вращается жизнь от рождения до смерти [5].

В рассказе «Тихие зори» герой оказывается в непростой ситуации, у постели умирающего друга. Тяжёлые мысли о неизбежности и загадочности смерти не оставляют героя, когда он видит, как утасует его друг. Стремясь отвлечься от этих раздумий, он смотрит в окно. Пыльная улица, косые лучи заходящего солнца и церковь, сливающаяся с липами, с отвалившейся штукатуркой. Он называет её «старая, смиренная церковка». Взгляд героя прикован к ней. Он видит, как горят в закате кресты и купола. Церковь притягивает взор героя, и её смиренный образ заставляет его думать не о страхе смерти, а о величии жизни как дара Божьего [5].

Таким образом, частое введение в повествование образов церкви, храма, собора оправдано православным взглядом писателя на их роль в мире.

Библиографический список

1. Бабенко Н.П. Христианская символика в ранних рассказах Б.К. Зайцева. // Парус. 2012. № 19. URL: www.parus.ruspole.info.
2. Безатосная О.М. Образ Сергия Радонежского в рассказе Б.К. Зайцева «Преподобный Сергий Радонежский» // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Воронеж, 2015. № 15. С. 68–71.
3. Возняк Е.Р., Горюнов В.С., Семенцов С.В. Архитектура православных храмов на примере храмов Санкт-Петербурга: учеб. пособие. СПб.: СПбГАСУ, 2010.
4. Зайцев Б.К. Дальний край. М.: Современник, 1990.
5. Зайцев Б.К. Осенний свет. М.: Сов. писатель, 1990.

References

1. Babenko N.P. Christian symbols in early stories by B.K. Zaitsev // Sail. 2012. Vol. № 19. URL: www.parus.ruspole.info.
2. Bezatosnaya O.M. The image of Sergy Radonezhsky in the story 'Saint Sergy Radonezhsky' by B.K. Zaitsev // Scientific Herald of Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Linguistics and cross-cultural communication. Voronezh, 2015. Vol. 15. P. 68–71.
3. Voznyak E.R., Goryunov V.S., Sementsov S.V. The architecture of Orthodox churches on the example of St.-Petersburg churches: a course-book. St.-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, 2010.
4. Zaitsev B.K. Remote land. Moscow, 1990.
5. Zaitsev B.K. Autumn light. Moscow, 1990.

УДК 82-93 ББК 83.8

Северный Арктический Федеральный университет им. М.В. Ломоносова
канд. филол. наук, доцент кафедры литературы
Давыдова А.В.
Россия, г. Архангельск, тел. (8182) 660588
e-mail: davaliona@rambler.ru

The Northern Arctic Federal University named after M.V. Lomonosov
The department of literature
PhD, associate professor
Davydova A.V.
Russia, Arkhangelsk, (8182) 660588
e-mail: davaliona@rambler.ru

А.В. Давыдова

ОБРАЗ СЕВЕРА В РОМАНЕ Н. АУРОВА «ПОД ПОЛУНОЧНЫМ СОЛНЦЕМ»

Статья представляет собой частный этап в исследовании Северного текста русской литературы для детей. Предметом изучения становится образ Севера в романе Н. Ауорова «Под полуночным солнцем» во всём многообразии его смысловых компонентов и в контексте художественного мира произведения.

Ключевые слова: Северный текст русской литературы для детей, образ Севера, художественная модель мира.

A.V. Davydova

IMAGE OF THE NORTH IN N. AUROV'S NOVEL «UNDER THE MIDNIGHT SUN»

Article represents a private stage in research of the Northern text of the Russian literature for children. The image of the North in N. Aurov's novel "Under the midnight sun" in all variety of its semantic components and in the context of the art world of the novel becomes a subject of studying.

Key words: The Northern text of the Russian literature for children, an image of the North, art model of the world.

Роман уроженца села Малошуйка Онежского уезда Николая Петровича Ауорова (1907 – 1941) «Под полуночным солнцем» увидел свет в Архангельске в декабре 1936 года. Несмотря на то, что для автора это было время нелёгкое (писателя, журналиста газеты «Правда Севера», уволили из редакции вследствие идеологической чистки кадров), книга получилась позитивной и имела большой успех.

Н. Ауоров пишет о современности, но романтизирует свою эпоху, в контексте романа соединяет историческое время с легендарным. Соответствует времени и пространство, воссозданное в произведении: образ мира выстраивается на единстве реальных географических и климатических фактов (кому как ни Н. Ауорову, выросшему на Севере и несколько лет учительствовавшему на Кольском полуострове, было знать подробности местности, ландшафта и природных условий, о которых он писал) и романтизированного, мифопоэтического восприятия. Последнее у автора приближается к видению мира юными героями, грезящими о приключениях и тайнах, при этом опытными учёными и моряками.

На стыке социально-реалистического и мифопоэтического ракурсов создаётся в романе особый образ Севера, Баренцева моря и его побережья. Это отражено в назва-

нии произведения – «Под полуночным солнцем». Характерные для Севера белые ночи превращаются в чудесную метафорическую характеристику сказочного и реального одновременно края, где живут сильные, трудолюбивые, опытные и благородные романтики, которые умеют радоваться жизни, видеть красоту природы и человека и никогда не стареют душой.

Система образов персонажей во много определяет особенности образа Севера в романе Н. Аулова: он интернационален, поликультурен и вместе с тем целостен.

Главные герои книги – представители различных национальных культур, которые, сохраняя свою самобытность, уживаются на побережье Баренцева моря. Эстен и его дед Оле – норвежцы из Нью-Кистранда – норвежской колонии на Мурмане; Тошка Андросов из Порт-Константина – поселения на восточном побережье Мурмана – и Марина Тихомирова из Архангельска – русские; Юхо Ристалайнен – финн из становища Тамисто; Стёпка Анев – саами из погоста Хатанга. Каждый из них – яркий представитель своего народа; писатель, раскрывая образы героев, словно даёт социальный срез действительности, показывает разнообразие культурной жизни Севера.

Эстен – упрямый, внешне спокойный, дисциплинированный, умеющий владеть собой и ироничный. Он скуповат и зол на работу; как истинный норвежец, все, что делает, – добротой, на века. Неслучайно Оле, вверяя ребятам ёлу «Красавица морей», поручает внуку обязанности боцмана. Норвежский национальный менталитет Н. Аулов отражает, подробно описывая в первых главах быт колонии рыбаков Нью-Кистранд и обстановку дома Христиансенов, простую, практичную, рассчитанную на большую, дружную и работающую семью: «Убранство комнаты, тёмный бревенчатый потолок, высокие, узкие окна – всё придавало ей вид жилища людей мужественных и простых, всё говорило о прочно установившихся обычаях и привычках хозяев. Всё в доме было подчинено строгому порядку, но видно было, что порядок этот никого не стеснял. Тошке казалось, что он попал на большой корабль, где каждая вещь на своём месте и отвечает своему предназначению» [1]. Дом-корабль Христиансенов воплощает подчинённость жизни норвежцев морю и рыбацкому промыслу.

Интересно, что при описании колонии Нью-Кистранд автор упоминает социальное неравенство жителей как приметку прошлого, тогда как, например, при характеристике затерянного погоста саами, жители которого характеризуются как смиренные, забитые и ограниченные, деление на богатых и бедных – устойчивая характеристика жизни в первые годы существования советского государства.

Финн Юхо «был величествен в своём одеянии, с ножом на поясе, словно из железа сбитый, чуть кривоногий паренёк. Он стоял так плотно, что, кажется, грохнись дом и провались крыша, он будет так же прямо стоять и невозмутимо улыбаться» [1]. Он родился в боте на море, где мать рыбачила вместе с отцом. Юхо – рыбак по рождению и по призванию. Кроме энергичности, смывленности, желания учиться большему при характеристике Юхо Оле замечает его «умудрённость суровым опытом жизни. А это – очень много и очень важно...» [1]. Юхо немногословен и решителен, вспылчив (при ссоре хватается за нож); для него чрезвычайно важны национальные обычаи (никогда не снимает шейного платка; особо тщательно заботится о ноже, подаренном матерью).

В саами Стёпке Аневе автор и герои, кроме специфических национальных внешних черт (раскосые глаза, большой рот, смуглая кожа), отмечают социальную активность (он болеет душой за жизнь и благополучие своей артели), смывленность (в колхозе его избирают на должность «выдумщика разных приспособлений для хорошего устройства жизни и промыслов» [1]), честность. Он по-детски прост и наивен, поэтому порой беззащитен и раним, как большинство представителей его народа, в то же время герой отличный охотник и рыболов, как никто из персонажей романа Аулова прибли-

женный к миру природы (разговаривает с дельфинами и морскими котиками в Лихой Пахте). Н. Ауоров в словах Тошки и в форме дружеских писем подчёркивает «цивилизованность» Стёпки, который три года учился в школе и собирался стать мотористом. Кроме того, автор использует приём прямого сопоставления при характеристике национального своеобразия народов: «Хотя саами и жили на морском побережье, но в море они выезжали редко и неохотно. Русские ловили в море треску и сельдь, а саами только сёмгу в устьях речек и заливах, да иногда били подошедшего к берегам морского зверя. Кормилицей своей они считали тундру – её рыбные озёра, боры, поросшие ягелем... да перелески, где жил песец, гнездилась птица, росли грибы и ягоды» [1].

Наиболее ярко русский менталитет в романе создан с помощью образа Тошки Андросова. Он, как и Эстен, потомственный помор, его отец Андрей за мужественность и отвагу был прозван Рыскуном. Оле характеризует Антона как «неутомимого, бесстрашного и находчивого» [1]; в свои неполные пятнадцать лет герой пользуется уважением бывалых моряков. Он дальновиден и настойчив (во время шторма даже ценой потери доверия друзей герой правит к Лихой Пахте, а не к казавшимся легко доступными островам, чем спасает всем жизнь). Оле-мейстер определяет Антону место капитана «Красавицы морей», так как чувствует в подростке умение быть деликатным и ответственным за других. Тошка в книге как бы объединяет других, это, несомненно, наиболее авторитетный герой в системе образов романа, первый среди равных. Создаётся ощущение, что писатель создаёт своеобразную социальную модель, где русский народ объединяет, примиряет другие национальности, что вполне отвечало советским идеологическим задачам того времени.

Интересно, что автор, для характеристики жизни той или иной национальной общности, намеренно меняет точку видения событий: на норвежцев со стороны объективно смотрит русский герой, на русских – норвежец Эстен. Последний так воспринимает русских, когда ёла входит в Порт-Константин: «Русские рыбаки – народ разговорчивый и весёлый, любят пошутить и похохотать... даже приласкать».

Большое становище! На низине ряды обыкновенных русских маленьких и больших изб. Большинство одноэтажные. Ближе у берега и под скалами – бани, амбары и маленькие летние избышки приезжих рыбаков. Вокруг на них на вешалках висят тюки снастей, неводы, тросы, верёвки, мокрая одежда» [1]. Кроме того Эстен обращает внимание на особенности речи поморов, его удивляют и восхищают выразительные и напевные слова, отличные от привычного русского языка, которыми встречают жители становища ими любимого Тошку («андели», «подбориста», «нечёле», «любушко» и др.). Стоит отметить, что Эстен ироничен в восприятии русских: «Русские любят ходить друг к другу в гости, они ходят целыми толпами, и стульев тут не напасть. А лавка и крепка, и поместительна...» [1].

При всём том, что каждый из героев воплощает в себе обобщённые черты своего народа, Эстен, Тошка, Маринка, Юхо и Стёпка – индивидуализированы. Так, жизнь Антона, Юхо и Стёпки омрачена сиротством, потерей отцов; Маринка трудно переживает предательство матери и в нелёгкое время с тоской вспоминает родной Архангельск, деревянный домик в Соломбале и отца – капитана «Звезды» Николая Тихомирова. В то же время для героев-мальчишек Н. Ауорова характерно обострённое чувство национального достоинства и гордости: открыв огромный косяк сельди, Эстен, Тошка и Юхо украдкой друг от друга сообщают об этом каждый своей артели. Эта дружба-конкуренция делает характеры героев «живыми», не абсолютно идеализированными. Хотя ощущение последнего не исчезает при восприятии романа, созданного в первые годы становления социалистического реализма. Юные герои, совершая подвиги (разоблачение похитителей песцов, контрреволюционеров в Хатанге, стремление доказать

существование сельди в бухте Безымянной), делают это искренне и сознательно ради новой власти, ради счастливой жизни в советском государстве.

Такой героический пафос ставит роман Н. Аурова в один ряд с известными советскими книгами для детей, где формируется образ нового человека: романом В. Каверина «Два капитана», повестями А. Гайдара («Школа»), Е. Коковина («Детство в Соломбале»), А. Рыбакова («Кортик», «Бронзовая птица»). С другой стороны, книгу писателя можно соотнести с такими произведениями, как «Педагогическая поэма» А. Макаренки, «Республика ШКИД» Л. Пантелеева, «Тимур и его команда» А. Гайдара, где так или иначе представлены своеобразные художественные модели воспитания и обучения личности. Самостоятельное путешествие четырёх подростков на «Красавице морей» взрослые принимают как важную воспитательную и обучающую ситуацию. Оле-мейстер, напутствуя детей, говорит: «Итак, дети, владейте “Красавицей”, плавайте и набирайтесь опыта и мудрости. Я кончил. Моя песенка спета. Теперь петь вам, а? пойте громко и весело...» [1]. И далее: «Гут, плуты, очень гут!.. Погода хороша, море велико. Отправляйтесь и бродяжьте. Я рад за вас. Оно многому вас научит, море» [1]. Важно, что Н. Ауоров не превращает этот художественный дидактизм советской литературы в схему: напутствие жить громко, дружно и весело оборачивается в контексте романа жизненной философией героев, стилем нового послереволюционного бытия человека и метафорой юности.

Следует заметить при этом, что в романе Н. Аурова противопоставление старости и юности, детства – весьма условно. Старого и больного Оле не удержать дома, если его позвало море; а Эстена, Тошку и Юхо ценят как опытных моряков. Объединяет в книге взрослых и подростков любовь к морю, путешествию, исканию. В этой связи особое значение приобретает образ ёлы – «Красавицы морей», – которую мейстер Олесчастливый сделал для достойнейших: «Это была ёла норвежского типа, чуть поменьше промысловой. Она имела благородные очертания быстроходного судна: приподнятый бак и чуть выгнутая середина, крутые подборы корпуса, узкая острая корма. Форштвень, пропитанный олифой до желтизны слоновой кости, был вверху отогнут назад, как шея лебедя. На конце его была вырезана голова какого-то морского чудовища. Короткий бушприт выстрелом устремлялся вперёд. Тонкая и высокая золотисто-жёлтая мачта оканчивалась сияющим медным шариком...

Подводная часть ёлы была выкрашена “патентом” – несмываемой ярко-красной краской. А надводная до фальшборта – белой. Фальшборт был светло-голубой и по верху – бронзовая каёмка» [1]. Кроме многочисленных деталей в описании ёлы автор её устойчивыми характеристиками на протяжении всей повести делает быстроходность, лёгкость, выносливость, исключительность («Это же чудо – палубная ёла!» [1]). Лодка, любовно сделанная Оле для детей, становится в повести моделью маленького плавучего мира, где герои радуются, работают, грустят, живут.

«Чудесность» ёлы подчёркивается и завязкой сюжета романа, воплощённой через сказочный, фольклорный мотив: чудесный предмет и волшебного помощника – ёлу – могут получить только достойнейшие.

Мифопоэтический подтекст в образе Севера Н. Ауоров в романе создаёт с помощью фольклорных элементов. Так, главной целью путешествия Тошки и Эстена является поиск клада легендарного Виллема Баренца, который он, чувствуя скорую гибель, якобы спрятал в скалах на побережье. Один из вариантов этой легенды о священных камнях приводит в своём письме Тошке Стёпка Анев. В контексте романа сокровище Баренца превращается в яркую метафору. Не найдя ларец мореплавателя, герои в итоге находят куда более ценный клад: дружбу, опыт, понимание добра и зла. Кроме того, настоящим сокровищем, обрётённым ими, становится их родина, Север, с красотой и богатством которого подростки встречаются на своём пути.

Север герои видят в разнообразных природных проявлениях. Одним из центральных образов является образ моря.

Образ спокойного моря у берегов Нью-Кистренд появляется уже в первой главе: «На западе было ясно и на востоке ясно, море было спокойно, дул тёплый ветер с юга». Герои отправляются в плавание тоже в ясную погоду, что Оле считает признаком удачи: «И тогда стало видно море... Зелёное вблизи, синее у горизонта, оно искрилось, как маслом облитое, жёлтым светом вечернего солнца. И над морем, и за морем не было ничего, кроме неба» [1].

Однако море изменчиво, автор с детальной точностью отмечает неожиданные переходы: «Ёла шла теперь...вразрез ветру. Волны вздымались медленно и лениво, словно недовольные, что их подняли не вовремя... Но, поднявшись, они разбегались, щерили белопенные клыки и зловеще урчали, рассыпаясь» [1]. В эпизодах описания шторма в книге возникает устойчивый мотив борьбы с морем, при этом автор акцентирует внимание на звуковых образах: «Торжествующий рёв моря и свист ветра слились в один протяжный немолкнувший гул... С палубы судёнка не сходила вода... мачта гнулась и скрипела» [1].

При создании образа штормового моря Н. Ауоров использует также зооморфные метафоры и сравнения: волны «щерят белопенные клыки»; «волны так пляшут у скал, так отчаянно подпрыгивают, что жутко смотреть. Они бросаются на скалы, как собаки к горлу оленя, одна за другой. А шум такой, словно внизу залпами палят из пушек: “У-ух! Т-тум! Бу-бух!”» [1]. И, напротив, описание моря в штиль тесно связано с мотивом тишины и приёмом олицетворения: «Море молчит и улыбается. Оно начинается рядом, у борта, и размашисто разбегается во все стороны, изумляя своей бескрайностью и синевою» [1].

Восприятие героями и автором моря часто облекается в яркие метафоры. Оно не сопоставляется не только с живым существом, но и с дорогой: «Здесь начинается Великий Северо-восточный морской путь... широко море и яры штормы, длинны морские дороги и опасны пути, густы туманы, безжалостны льды. Но люди всё победили, всё измерили и нанесли на карты, всюду прошли. Дорого заплатили за каждую милю извданного... И всё-таки путь найден!» [1].

Кроме того, Маринка сопоставляет море и побережье с книгой: «Мне очень нравится Баренцево море, оно просторное, ясное и свежее. На нём всегда как на горе. На первый взгляд скалистые берега кажутся однообразными, как страницы книги, пока не начнёшь читать. А начнёшь – не оторвёшься...» [1].

Обе метафоры актуализируют мотив поиска истины, который становится одним из центральных в романе.

С образом моря тесно связан у Н. Ауорова образ ветра. Его инварианты в книге разнообразны: в разных эпизодах романа автор рисует характеры северных ветров. Это и ветерок, притаившийся в Лопской пади, который «проснулся, вздохнул, и, верный своему коварному характеру, с весёлым посвистом вылетел в море. Его ярости никогда не хватало надолго, он имел короткое дыхание, этот шквал из Лопской пади. Но он брал внезапностью налётов» [1]. Это и бродяга-ветер, ночевавший «и в лесах, и в поле, и в копнах свежего сена» и принесший с собой запахи «солнца, смолы, цветущего можжевельника и аромат скошенных трав» [1]. Это и западный ветер – шелоник, и северный – морянка, бьющий волны об утёсы Лихой пахты...

Ещё одним спутником моря является туман. Двигаясь к острову Райдину, герои попадают в полосу сплошного тумана. Н. Ауоров для создания этого образа также использует зооморфное сравнение, подчёркивающее враждебность тумана по отношению человека: «Туман полз с северо-востока, как огромный серый ящер, глотая острова, берега, суда... Он надвинулся плотной стеной, и в мире осталась только одна маленькая ёла, устало прыгающая с волны на войну. Туман обволок море, но ветер не утих, как

обычно. Ветер шёл сквозь туман, то разрывая его на клочья, то сбивая в непроницаемые тучи, то высверливая в нём кривые коридоры – тоннели» [1]. Туман меняет ощущение привычного пространства и рождает у героев чувство необъяснимой тревоги, словно готовит их и читателей к восприятию дальнейших событий на острове Райдин.

Ещё одним значимым природным образом, характеризующим Север в романе, становится образ скал, контекстуально связанный с морем и морским побережьем: «К западу и к востоку, насколько хватало глаз, тянулась пёстрая от не стаявшего ещё снега гряда прибрежных скал. Гряда делила видимый мир на две части: на север расстилось бескрайнее море, на юг – такая же огромная, как море, горная тундра» [1]. Скалы в книге словно задают иерархию мира, разделяя пространство на воду и землю.

Не единожды в романе возникают образы мужественных северных растений, которые из последних сил цепляются за жизнь в раселинах скал. Например: «Маринка нашла одну тоненькую травинку, спрятавшуюся от холодного ветра в каменной щели. Мы с уважением посмотрели на растеньице и не вырвали его. Экое маленькое упрямое существо! Как оно ухитрилось пустить корни в камень? Тошка соскрёб землю с сапог и высыпал её в щель, к растеньицу. Мы посмеялись, но все сделали то же. Пусть живёт!» [1]. Скалы как символ холодной, каменной смерти (близок к гибели был Эстен, спустившийся на птичий базар в Лихой Пахте) противопоставлены в романе живой жизни, пусть маленькой, но упрямой, которая в контексте произведения явно соотносится с юными героями-северянами.

Подателем жизни и света в художественном мире романа выступает образ солнца, заявленный в названии. Время основного действия книги – одно северное лето, период, когда солнце сопровождает человека круглые сутки. В начале пути Тошка записывает в судовом журнале: «Солнце катится над морем на восток, к полуночи. Мы плывём вслед за ним на всех парусах» [1]. В финале же романа герои понимают парус и плывут на запад, описывая таким образом, круг, отмечающий важный этап в их жизни.

В связи с образом полуночного солнца в книге возникает устойчивый мотив бессонницы: уставшее от своей бесконечной летней работы солнце видится героям красным и усталым. Маринка замечает: «Пока мы разговаривали, наступила ночь. Было совсем тихо, море блестело, как каток. Солнце было большое и красное, какое-то усталое. Оно высилось над самой кромкой моря. Мне оно казалось таким слабым, что вот-вот упадёт в воду, и ничего от этого не будет» [1].

Удивительный по тишине и световым оттенкам закат на северном море воспринимается ещё не отринувшим мифопоэтизм сознанием подростка как ожившая сказка. Так видит его единый с окружающим миром саами Стёпка Анев: «Когда солнце, красное от бессонницы, чуть задремало, привалившись боком к краю моря, – обессилевший ветер, не дойдя до скал, улётся прямо на волнах, чуть пошевеливающихся в дремоте; задремали и остановились облака в небе, задремали чайки на воде...» [1]. Царство, возникающее на грани сна и яви, живущее под полуночным северным солнцем.

С мотивом нераскрытой тайны связаны в романе и образы бесчисленных северных островков, которые проходят путешественники. На одном из них, по мнению Тошки, скрыта в скалах заветная шкатулка Виллема Баренца; от этого все они, похожие то на корабли, то на кувшины, тона спящих рыжих собак, становятся чудесными и манящими.

Север в романе Н. Ауорова не только красив и удивителен, это прежде всего богатый край. Морские сокровища видит Маринка на палубе рыболовного траулера «Альбатрос»: «Чего тут только не было! Красноперые с оранжевыми полосами на теле морские окуни, пятнистые с круглыми кошачьими головами, похожие на леопардов зубатки, плоские камбалы, спины которых были усеяны красноватыми звёздами, как ночное небо, замшево-голубые щеголеватые акулы, треска, пикша, сайда. Тычась клешнями в

борта, неуклюже ползали сухоногие крабы; морские звёзды, малиновые и жёлтые, испуганно шевелили щупальцами; дрожали, переливаясь, медузы; плотно прикрыв створки, лежали радужные раковины; алели, как свежесорванные цветы, актинии; таились, притворяясь мёртвыми, моллюски...» [1]. Используя в этом фрагменте глаголы движения, яркие сравнения, эпитеты и метафоры, автор передаёт полноту и разнообразие живой жизни Баренцева моря.

Героиню ошеломляет это невиданное зрелище не меньше, чем огромный, открытый ребятами косяк сельди или выловленная трёхметровая акула, или спасённый ими от касаток кит. Маринка, не связанная напрямую с рыболовным или охотничьим промыслом в отличие от своих спутников, как никто другой из героев может по-настоящему искренне и эмоционально оценить невероятные богатства северного моря и его побережья. Неслучайно, думается, именно она в романе благодарит море: «Гольфстрим... Так вот он какой! Синий-синий, величавый, спокойный... Он пришёл сюда за тысячи миль, как будто для того лишь, чтобы, обогрев холодное море, обессилеть в схватке с ледяным течением из Карских Ворот, рассыпаться на мелкие струи и затеряться в чужих холодных пространствах... Это был поход, достойный удивления и восхищения, и Маринка почтительно поклонилась кормильцу и поильцу её дедов и прадедов, поморских рыбаков» [1].

Чудо открытия мира Севера рождает у героев потребность в творчестве. Сквозным в романе становится мотив пения. Выходя в открытое море в начале пути, герои поют:

Ветер дует от востока,
Волны. Льды. Слепой туман.
Мы идём к Владивостоку
Через полярный океан.

Оказавшись в лодке близ острова Райдин, Эстен «меланхолически насвистывает» «Долю матросскую». Маринка солнечным утром напевает-декламирует «Я пришёл к тебе с приветом...» И, наконец, Стёпка Анев сопровождает любое своё долгое или не очень путешествие песней. Песня приходит к нему «непрощенная, как дыхание, как движения рук, поднимающих и опускающих вёсла» [1].

Слияние слов и мелодии, вызванное к жизни движениями тела и души, выражает ощущение слитности человека и родного ему окружающего мира; герои в момент пения чувствуют себя частью общества и природы. У Н. Аулова это не противоречит постоянной борьбе, которую люди ведут с морем и ветром, со смертью и опасностью. Север рождает особые характеры – открытые миру и неуспокоенные. Вот и в финале романа как бы нет точки, скорее многоточие. Эстен и Тошка с друзьями обсуждают план будущего путешествия по Белому и Балтийскому морям, рисуют перспективы будущей жизни, которая, по Н. Аулову, – суть поиск и путь.

Библиографический список

1. Аулов Н. Под полуночным солнцем // Архангельская областная научная библиотека им. Н. А. Добролюбова. URL: <http://webirbis.aonb.ru>.

References

1. Aurov N. Under the midnight sun//the Arkhangelsk regional scientific library of N. A. Dobrolyubov. URL: <http://webirbis.aonb.ru>.

УДК 808.2:82-3Шу ББК 81.2 Рус:83

*Воронежский государственный архитек-
турно-строительный университет
асс. кафедры русского языка и межкуль-
турной коммуникации*

Карташова Е.Н.

*Россия, г. Воронеж, тел. +7(4732)71-50-48
e-mail: elena.perceva.00@mail.ru*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-
cultural communication
assistant*

Kartashova E.N.

*Russia, Voronezh, +7(4732) 71-50-48
e-mail: elena.perceva.00@mail.ru*

Е.Н. Карташова

ОБРАЗ ТЕЩИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.М. ШУКШИНА

В статье рассматривается образ тещи в прозе В.М. Шукшина, а также его связь с русским фольклором.

Ключевые слова: теща, зять, фольклор, В.М. Шукшин.

E.N. Kartashova

THE IMAGE OF MOTHER-IN-LAW IN THE WORKS BY V.M. SHUKSHIN

The article discusses the image of the mother-in-law in the prose of V.M. Shukshin, and his connection with Russian folklore.

Key words: mother-in-law, son-in-law, folklore, V.M. Shukshin.

Народные традиции изображения русской женщины, нашедшие свое отражение в жанрах русского фольклора, воплотились в женских характерах, представленных в произведениях В.М. Шукшина. Необходимо отметить близость писателя к фольклору: «...Василий Шукшин как художник и гражданин позиционировал себя «выразителем крестьянства» и постоянно демонстрировал неотрывность от корней народных, от народной культуры. По его высказываниям, по его книгам видно, что он не «точечно» и не изредка обращается к архетипическим сюжетам, мотивам и образам фольклора. Не подлежит сомнению, что фольклорно – литературное взаимодействие здесь основано на глубинном, тотальном проникновении в народную культуру, в переосмыслении и отталкивании от нее. Такой фольклоризм обеспечивает показ жизни нации, народа не со стороны, а изнутри...Являясь сам носителем фольклора, он делает его ведущим в психобиографической составляющей стратегии текста» [1; с. 44-45]. Одним из ярких женских образов, запечатленных В. Шукшиным, является образ тещи.

Ярко прорисован образ тещи в русском фольклоре. В некоторых пословицах и поговорках показаны положительные черты ее характера: приветливость (*У тещи зятек любимый сынок*), гостеприимство (*Тещины блины сладки. У тещи-света – все для зятя приспето*) [2; т. 4; с. 415].

Однако чаще образ тещи наделен отрицательными чертами: бедность, лживость, неприветливость: *У тещи карманы тощи. Был у тещи, да рад утекиши. Зять с тещею говорит день до вечера, а послушать нечего. Смолода меня теща зятем звала, а взростя дочь - за инога отдала. Теща зятя в гости зовет: на Петров день, на сыр,*

на Ильин день, на бараний рог; на Успение, на морковкино заговенье [2; т. 4; с. 415], (морковкино заговенье – неопределенно отдаленное время; время, которое никогда не наступит [6; с. 161]).

Теща уподобляется черту, то есть является символом лукавства, раздора в семье (черт – олицетворенье зла, враг рода человеческого: нечистый, черная сила, сатана, диавол, лукавый [2; т. 4; с. 615]: *Тещу в дом – черта в дом* [5; с. 885]).

Такие черты тещи, как жадность, недовольство зятем отражены и в народных песнях: *Теща зятем хвалилась, ально с ног свалилась: «У маво у зятюшки нет сохи, ни боронушки, ни земли, ни бороздушки, ни в гумне кладушечки, ни в столе краюшечки»* [4; ч. 2; с. 305]; *Теща про зятя пирог пекла. В этом пироге три осмины муки, соли да крупы на четыре рубли, лучку да мачку на семь рублей, маслица с яичком на восемь рублей; этот-ли пирог с рублем двадцать стал. Зятя-т сел, у присеста съел. Теща по середе похаживает, косо на зятя поглядывает: «Как тебя, зятя, не разорвало?» Теща – то зятя употчивала, в четыре дубинки дубовенькие, в пятую дубинку вязовенькую»* [4; ч. 2; с. 305], *Теща про зятюшку сдобничала, сдобничала да пирожничала; испекла пирог в двенадцать рублей: солоду, муки на четыре рубли, ягодов, изюму на восемь рублей. Теща по горинке похаживала, косо на зятюшку поглядывала: «Как тебя, зятюшку, не разорвало? Как тебя, зятюшку, не перервало?»* [4; ч. 2; с. 235].

В некоторых народных песнях теща «задабривает» зятя, чтобы тот не обижал ее дочь: *«Теща зятю блины подносила, теща зятю сама говорила: «Уж ты кушай, зять сокол, да не упивайся, над моей милой дочерью не величайся...»* [4; ч. 1; с. 31]; *«А тещато зятя провожала, среди двора зятю наказала: «Ах, зять ты мой, зять любимой, ты пей, зять, вино не допьяна, а сладкого меда не до сыта, ты садись на коня, не шатайся, поедешь домой, не валяйся, над Татьянушкою не ломайся: ведь Татьяна – дитя молодое, Ивановна не устарок, обычая твоего не знает, ко нраву твоему не привыкла...»* [4; ч. 1; с. 283].

Материнская любовь тещи к своей дочери оборачивается против зятя, который воспринимается ею как «инородный элемент», подчеркивает В.Елистратов в статье «Метафизика тещи»: «Быт и Бытие для тещи нейтрализованы. Быт равен Бытию, вернее, все Бытие мира сведено к родному, кровному быту. «Малая родина» тещи – семья, дочь. Отношение к зятю соответствует воинствующей ксенофобии...Зять всегда, в большей или меньшей степени, иностранец на этой чужой родине... Конфликт тещи и зятя – это не просто семейный конфликт. Это, прежде всего – напряженное противостояние женского и мужского, вернее даже – «гиперженского» и «гипермужского»... Любовь матери к своей дочери – любовь «кровная», родовая и потому часто абсолютно слепая, животная. Мать можно идеализировать, но именно зять становится той лакмусовой бумажкой, которая проявляет все отрицательные стороны «беззаветной» материнской любви» [3].

В. Елистратов рассуждает на тему напряженных отношений между тещей и зятем в Советской России: «в России двадцатого века были созданы такие социально-бытовые условия, в которых «быт тещи» и «Бытие зятя» вступили в острейший диалог – конфликт, заставивший как тещ, так и зятьев поднимать в своем сознании (или подсознании) острейшие онтологические – метафизические вопросы. Условия эти, как это ни банально, следующие: вынужденное проживание зятьев с тещами. Если традиционно (и на этом основан богатейший русский «тестев» и «тещи» фольклор) невесту брали в дом мужа, то социальная, экономическая и «геополитическая» ситуация в Советской России сложилась так, что чаще всего «пассионарный» зять, как правило, деревенский, переехавший в город, вынужденно вселялся в дом своей городской жены, менее «пассионарной» и более «мещанской» [3]. Проживание зятя в доме тещи служит причиной конфликта между ними во многих рассказах В.М. Шукшина.

В рассказе В. Шукшина «Мой зять украл машину дров!» бытовой конфликт тещи и зятя перерастает в уголовное дело, незадачливому Вене грозит тюремный срок, за то,

что закрыл тещу в уборной. *Из горницы вышла теща, тоже круглолицая, шестидесятилетняя, крепкая здоровьем, крепкая нравом, взглядом на жизнь, – вообще вся очень крепкая* [7; т. 2; с. 561] – в данном контексте с помощью повторов лексемы *крепкая* репрезентируется твердость, жестокость тещи. Конфликтность тещи подчеркивается посредством лексем *закричала, вопила, злилась*, словосочетаний *повысила голос, изо всех сил кричала, сколько злости в человеке: «Если недопонимаешь, то слушай, что говорят! – повысила голос теща. – Красивая, нарядная жена украшает мужа. А уж тебе-то надо об этом подумать – не красавец»* [7; т. 2; с. 561], *«Я первые колхозы создавала, а ты мне – курва! – громко закричала теща, появляясь в дверях», «– Поса-адим, – опять с дрожью в голосе пообещала теща. И ушла писать заявление. Но тотчас опять вернулась и закричала: – Ты машину дров привез?! Ты где ее взял?! Где взял?! – Тебя же согреть привез... – Где взял?! – изо всех сил кричала Лизавета Васильевна»* [7; т. 2; с. 562], *«– Карау-ул!! – вопила Лизавета Васильевна. – Люди добрые, спасите! Спасите! Люди добрые!.. Мой зять украл машину дров! Мой зять украл машину дров! Мой зять украл машину дров! – наладилась теща»* [7; т. 2; с. 565], *«Вот же ж тварь, – думал он, – посадит и глазом не моргнет. Сколько злости в человеке! всю жизнь жила и всю жизнь злилась. Курва... На кой черт тогда и родиться такой?»* [7; т. 2; с. 563]. В описании тещи используется бранная лексика, посредством которой выражается негативное отношение к ней: *дура, курва: «Теща – змея и дура, она не три года, а готова пять выхлопотать для зятя, и все равно это можно понять. Она такая – курва»* [7; т. 2; с. 569].

Зять называет тещу змеей не случайно. В.Елистратов подчеркивает: «в традиционном устном фольклоре теща часто представлена, во-первых, через образ именно мертвой (или умирающей) тещи, во-вторых, через эмблему (синекдоху) длинного языка и, в третьих, в облике змеи. Главное «зло» тещи сосредоточено в ее языке. Он «выносит сор из избы», сплетничает, наговаривает, лжет. «Змея» («гадина», «гадюка»), в свою очередь, является отчетливым элементом брани, инвективы в разговорном языке («змея подколотная» и проч.). Она ассоциируется с хитростью, коварством» [3]. В.М.Шукшин уподобляет тещу змею – искусителю, вносящему раздор в семью.

Теща в произведениях Шукшина часто недовольна зятем, упрекает его (*пришел на все готовенькое, живет на все готовенькое*), желает для своей дочери другого, достойного мужа (*не дорос, не пара*): *«Ты же пришел на все готовенькое» «Мой зять украл машину дров!»* [7; т. 2; с. 565]; *«– Ты смотри, смотри-и, парень! – говорили в два голоса тесть и теща и стучали пальцами по столу. – Ты смотри-и!.. Ты – за рукоприкладство-то – в один миг вылетишь из Москвы. Нашелся!.. Для тебя мы ее растили, чтоб ты руки тут распускал?! Не дорос! С ней вон какие ребята дружили, инженеры, не тебе чета... – Живет на все готовенькое, да еще!.. Сволочь!» «Жена мужа в Париж провожала»* [7; т. 2; с. 546]; *«– Не пара – вот кто! – выпалила жена. – Вывезла!.. Таких-то у нас своих хоть отбавляй. – Во-он ты как, – Фонякин понял, что жена, если что и знает, не скажет: зять был ей не по душе» «Там, вдали»* [8; с. 97].

Зять бунтует против тещи, часто этот бунт приобретает гротескный, комический характер: *«Жена, теща – с ног сбились: делают, чтоб муж, зять – выглядел ПРИЛИЧНО. Зять терпел, терпел – снял шляпу, кинул ее в мусоропровод, скинул галстук, ботинки, костюм и лег на диван. «Пошли вы...» – сказал жене и теще. Они потом тихонько говорили на кухне – дочь жаловалась на мужа: сама видела, какой он. «Да», – горестно вздыхала теща из Одессы» «В гостях хорошо...»* [9; с. 810]; *«Едва теща зашла в уборную, Веня запер ее снаружи на крючок. Потом стал заколачивать дверь гвоздями. Теща закричала. – Посиди малость, подумай, – приговаривал Веня. – Сама любишь людей сажать? Теперь маленько попробуй на своей шкуре» «Мой зять украл машину дров!»* [7; т. 2; с. 565].

Итак, теща в произведениях В.М.Шукшина конфликтна и неприветлива, её отношения с зятем крайне напряжены, что соотносится с народным восприятием образа тещи, транслируемым через русский фольклор.

Библиографический список

1. Бодрова Л.Т. Малая проза В.М. Шукшина в контексте современности [Текст]: монография / Л.Т.Бодрова. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2011. 372 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка (т. 1-4): издание М.О. Вольфа, СПб.; М., 1880, 1881, 1882.
3. Елистратов В. Метафизика тещи [Электронный ресурс] / В. Елистратов // Нева. 2005. № 9. URL:<http://magazines.russ.ru/neva/2005/9/el14.html> (дата обращения: 29.04.2016)
4. Киреевский П.В. Под редакцией В.Ф. Миллера и М.Н. Сперанского: Песни, собранные П.В. Киреевским. Новая серия. М.: Общество любителей российской словесности при Московском университете – Печатня А.И. Снегиревой, (1,2). М.: Типография кооператива «Наука и просвещение», (3),1911, 1918, 1929. 995 с.
5. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии : Сборник образных слов и иносказаний : Посмертное издание. СПб.: Типография Акц. Общ. «Брокгауз-Ефронъ», 1912. 103 с.
6. Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А.И. Молоткова. Изд 2-е, стереотип. Москва: «Сов. энциклопедия», 1968. 543 с.
7. Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 3-х т. / Сост. Л.Федосеева-Шукшина. М.: Мол. гвардия, 1984.
8. Шукшин В. Странные люди / Василий Шукшин. М.:АСТ: Зебра Е, 2009. 317 с.
9. Шукшин В.М. Полное собрание рассказов в одном томе. Сборник рассказов. М.: Эксмо, 2012 944 с.

References

1. Bodrova L.T. Small prose of V.M. Shukshin in the context of modernity [Text]: monograph / L. T. Bodrova. Chelyabinsk: Publishing house of Chelyabinsk. GOSPED. University press, 2011. 372 p.
2. Dal V.I. Explanatory dictionary of the live Russian language (V. 1-4): the edition of M.O. Wolf, St. Petersburg. M., 1880, 1881, 1882.
3. Elistratov V. Mother-in-law Metaphysics [Electronic resource] / V.V. Elistratov // Neva. 2005. № 9. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2005/9/el14.html> (accessed: 29.04.2016)
4. Kireyevsky P.V. Under the editorship of V.F. Miller and M.N. Speransky: Songs collected by P.V. Kireevsky. New series. Moscow: Society of lovers of Russian literature at the Moscow University Printing house of A.I. Snegireva, (1, 2). M: Printing co-op «Science and education», (3),1911, 1918, 1929. 995 p.
5. Mikhelson M.I. Russian thought and speech. His and others. The experience of Russian phraseology : a Collection obratnyy words and allegories : post-mortem edition. SPb.: Printing House The ASC. Common. «Brockhaus-Efron», 1912. 103 p.
6. Phraseological dictionary of Russian language. Ed. by A.I. Molotkov. Ed 2nd ed. M.: «Sov. encyclopedia», 1968. 543 p.
7. Shukshin V.M. Collected works: in 3 volumes / Ed. L. Fedoseeva-Shukshina. M.: Mol. guard., 1984.
8. Shukshin V. Strange people / Vasily Shukshin. M.:AST: Zebra E, 2009. 317 p
9. Shukshin V.M. The Complete collection of short stories in one volume. A collection of short stories. M.: Eksmo, 2012. 944 p.

УДК 82.09

*Воронежский государственный архитек-
турно-строительный университет
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры рус-
ского языка и межкультурной коммуника-
ции
Скуридина С.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-
cultural communication
PhD, senior lecturer
Skuridina S.A.
Russia, Voronezh, tel. +7 (920)404-04-48;
e-mail: saskuridina@ya.ru*

С.А. Скуридина

XXXI МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАРОРУССКИЕ ЧТЕНИЯ «ДОСТОЕВСКИЙ И СОВРЕМЕННОСТЬ»

21-24 мая 2016 года состоялись XXXI Международные Старорусские Чтения «Достоевский и современность».

Ключевые слова: Ф.М.Достоевский, Старорусские Чтения, Дом-музей Ф.М.Достоевского.

S.A. Skuridina

XXXI INTERNATIONAL READINGS IN STARAYA RUSSA 'DOSTOEVSKY AND THE PRESENT'

On May 21-24, 2016, XXXI International Readings 'Dostoevsky and the present' took place in Staraya Russa.

Key words: F.M. Dostoevsky, Readings in Staraya Russa, Home museum of F.M. Dostoevsky.

21-24 мая 2016 года в Научно-культурном центре Дома-музея Ф.М.Достоевского, расположенном в городе Старая Русса (Новгородская область), проходили XXXI Международные Старорусские Чтения «Достоевский и современность».

Эта научная конференция, которая проводится ежегодно начиная с 1986 года, в очередной раз стала поводом для встречи исследователей, занимающихся творчеством Ф.М. Достоевского.

Старая Русса – это город, где в доме на набережной, которая сейчас названа именем великого писателя, с 1872 по 1880 год вместе со своей семьей проживал Ф.М. Достоевский. Здесь были написаны «Подросток» и «Братья Карамазовы». По мнению многих исследователей, именно Старая Русса стала прототипом провинциального городка Скотопригоньевска, изображенного в последнем романе Ф.М. Достоевского.

Впервые Ф.М. Достоевский с семьей приехал в этот курортный город 18 мая 1872 года, в связи с чем Старорусские чтения традиционно проводятся в мае, в преддверии Дней славянской письменности и культуры. Из года в год в Старую Руссу приезжают все крупные исследователи творчества Достоевского.

Именитые достоеведы поднимали проблему комментирования текстов Ф.М. Дос-

тоевского (В.В. Борисова, *Уфа*), убеждали искать новое в текстах великого писателя (В.Н. Захаров, *Москва*), раскрывали образ провинции в его сибирских текстах (В.И. Габдуллина, *Барнаул*). Б.Н. Тихомиров высказал мысль о том, что Порфирий Петрович – это несостоявшийся Раскольников, двойник Раскольникова. Н.Н. Богданов указал на некоторые спорные факты, возникающие при изучении родословной Ф.М. Достоевского. Т.А. Касаткина (*Москва*) на примере «Записок из подполья» в очередной раз подтвердила, что текст Ф.М. Достоевского перенасыщен микроцитатами на фоне аллюзии.

Наряду с выступлениями известных ученых в зале Научно-культурного центра Дома-музея Ф.М. Достоевского прозвучали доклады литературоведов, впервые посетивших Старую Руссу (Т. Магарил-Ильяевой, А.Л. Гумеровой, В.С. Сергеевой, *Москва*), а также сообщения достоеведов-лингвистов (С.А. Скуридиной, *Воронеж*).

Традиционной в рамках Старорусских чтений стала работа юношеской секции, которую ежегодно ведет литературовед и писатель Т.А. Касаткина. Интересные доклады, посвященные изучению разных мотивов в творчестве Ф.М. Достоевского, были представлены учениками М.В. Лебедевой, учительницы русского языка и литературы средней школы в городе Холм Новгородской области. В дни работы XXXI Чтений в школах Старой Руссы проходили «Уроки Достоевского».

Директор музея Н.А. Костина рассказала о создании Музея романа «Братья Карамазовы», ведь впечатления от пребывания в Старой Руссе были отражены писателем в реалиях вымышленного Скотопригоньевска [1], а также предложила провести одно из заседаний Чтений не в Научно-культурном центре музея, а в отремонтированном Доме-музее Ф.М. Достоевского.

Во время конференции прошла презентация книг исследователей, экскурсия по музею, а также состоялся круглый стол «Достоевский сквозь призму кинематографа: классика vs массовая культура», на котором обсуждалась проблема кинематографичности текстов Ф.М. Достоевского и поднимался вопрос, кому из режиссеров лучше удалось передать глубину произведений великого классика.

Библиографический список

1. Скуридина С.А. Провинциальный хронотоп в романе «Братья Карамазовы» // Скуридина С.А. Поэтика имени у Ф.М. Достоевского (на материале романов «Подросток» и «Братья Карамазовы»). Воронеж, «Научная книга», 2007. С. 230-242.

References

1. Skuridina S.A. Provincial chronotop in the novel 'The Karamazov brothers' // Skuridina S.A. Poetics of the name in F.M. Dostoevsky's works (based on the novels 'The adolescent' and 'The Karamazov brothers'). Voronezh, 2007. P. 230-242.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

УДК 811

*Монгольский государственный университет
науки и технологии
доктор PhD, проф., зав. кафедрой Инсти-
тута прикладной лингвистики*

*Томтогтох Гомбо
Монголия, г. Улан-Батор, тел. 976-99145977
e-mail: tomoo@mail.ru*

*Mongolian State University of Science
and Technology
Institute of foreign languages
Ph.D, full professor, The head of the chair
of Russian and Mongolian languages
Tomtoctokh G.
Mongolia, Ulaanbaatar, +976-99145977
e-mail: tomoo@mail.ru*

Г. Томтогтох

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ И СПОСОБАХ ЕЁ ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА)

В статье анализируется безэквивалентная лексика монгольского языка в сопоставлении с русским, актуализируется проблема классификации культурологической лексики. Выделяются два основных пласта монгольской безэквивалентной лексики с последующим их подразделением на тематические группы. Подчёркивается, что для исследования семантики слова и выявления его национально-культурной специфики необходимо проводить тщательный компонентный анализ, обращая особое внимание на проблему гипонимии. На основе анализа словарей устанавливаются основные способы перевода монгольской безэквивалентной лексики, самым эффективным признаётся способ транслитерации с толкованием. Делается вывод о том, что необходимым условием адекватного перевода безэквивалентной лексики является её систематизация в каждом конкретном языке.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, безэквивалентная лексика, классификация, общественно-политическая и социально-историческая лексика, лексика традиционного быта, национально-культурная специфика, компонентный анализ, гипонимия, способ перевода.

G. Tomtoctokh

TO THE QUESTION OF CLASSIFICATION OF NON-EQUIVALENT WORDS AND METHODS OF TRANSLATING THEM (BY THE EXAMPLE OF MONGOLIAN LANGUAGE)

The article sites non-equivalent Mongolian words in comparison to the Russian ones and raises a problem of classification of cultural lexical units. We sort out two main groups of non-equivalent Mongolian words with the prospect of their subdivision into minor thematic subgroups. It is emphasized that for semantic, national and cultural examination of the words it is necessary to carry put thorough component analysis and to pay special attention to the problem of hyponymy. The main methods of translation of non-equivalent words are based on the lexicographic analysis. The method of transliteration with explanation is considered to be the most effective of them. It is concluded that systematization of non-equivalent words of each language is the necessary condition for their appropriate translation.

Key words: cross-cultural communication, non-equivalent words, classification; political, social and historical lexicon; lexicon of traditional life, national and cultural specific, hyponymy, method of translation.

Решение проблем межъязыковой и межкультурной коммуникации, на наш взгляд, невозможно без анализа тех единиц языка, которые аккумулируют в себе национальный колорит, этнические, исторические и культурные особенности того или иного народа. К такими единицами относятся прежде всего безэквивалентные слова.

По определению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, “слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями, называются безэквивалентными” [1; с. 56]. С одной стороны, безэквивалентная лексика относится к несовпадающим элементам языка, в силу чего в процессе перевода всегда представляет собой особую сложность. С другой стороны, именно эта сложность и обеспечивает интерес к проблеме её перевода, делает её актуальной.

Для исследования и перевода безэквивалентной лексики, которая даёт возможность зафиксировать картину жизни в словах, очень важна её классификация. При этом следует иметь в виду, что культурологическая лексика каждого языка может иметь, помимо общих черт, свои разноплановые специфические особенности. В частности, она может включать в себя группы слов, которых нет в других языках, или, наоборот, в ней могут отсутствовать те или иные группы лексических единиц, характерных для сопоставляемых языков. Кроме того, один и тот же язык будет иметь различную номенклатуру культурологической лексики, если менять плоскость его сопоставления с другими языками. В данном случае мы рассматриваем безэквивалентные слова монгольского языка в сопоставлении с русским языком.

Наиболее перспективным нам представляется тематический принцип классификации безэквивалентной лексики, поскольку он даёт возможность раскрыть существенные компоненты значения каждого слова, сферу его функционирования и тематическую представленность, что раскрывает национально-культурную специфику.

Традиционно безэквивалентные слова делят на:

- 1) географические (объекты физической географии);
- 2) этнографические (слова, связанные с бытом, религией, искусством, культурой);
- 3) общественно-политические (слова, обозначающие административно-территориальное устройство, социальные структуры и группы населения, органы власти и т.д.).

Основываясь на этом делении, мы предприняли попытку классификации безэквивалентной лексики монгольского языка [7; с. 20-24]. По нашему мнению, целесообразно выделить два основных пласта монгольской безэквивалентной лексики: 1) лексика общественно-политическая и социально-историческая и 2) лексика традиционного быта.

Пласт общественно-политической и социально-исторической лексики включает названия, описывающие государственное устройство Монголии в прошлом и настоящем, а также названия, обозначающие особенности общественно-политической жизни, социальной структуры монгольского общества в разные периоды его развития и т. п. Эту лексику, в свою очередь, можно разделить на четыре группы:

- 1) названия административно-территориальных единиц: *аймаг-аймак* (крупная административно-территориальная единица сельской местности Монголии), *сум-сомон*

(средняя административно-территориальная единица сельской местности Монголии) и др.;

2) названия должностных лиц и социальных групп: *ард* - *арат* (простой народ) и др.;

3) названия племён, народностей: *халх* - *халхасцы*, *ойрад* - *ойраты*, *бурид* - *буряты* (названия народностей) и др.;

4) названия, связанные с общественно-политической жизнью и историей: *соёмбо* - *соёмбо* (символ независимости Монголии), *Улсын их хурал* – *Великий государственный хурал* и др.

Следует отметить, что большая группа слов и словосочетаний, отражающих особенности общественно-политической жизни времён социализма, имеет эквиваленты в русском языке, однако в фоновых значениях образующих эту группу лексических единиц можно обнаружить компоненты семантики, отражающие национальную специфику.

Пласт лексики, обозначающей понятия традиционного быта, более многочислен и тематически разнообразен. Его можно разбить на следующие группы:

1) названия, связанные со скотоводством: *сарлаг* - *сарлык* (як), *хурдан морь* - *конь-скакун для состязаний* и др.;

2) названия, отражающие специфику хозяйственной деятельности монголов: *айл-айлы* (соседи по кочевью), *хөдөө* - *худон* (сельская местность) и др.;

3) названия кушаний и связанных с ними действий: *борц* – *борц* (вяленое/сушеное мясо на теплое время года), *бууз* - *бозы* (горячее блюдо, изготавливаемое на пару), *хуушуур* - *хушур* (монгольское блюдо типа пирожков) и др.;

4) названия одежды: *дээл* - *дэли* (монгольская национальная верхняя одежда) и др.;

5) названия жилища и его деталей, предметов быта и домашней утвари: *гэр* - *гэр* (монгольское традиционное жилище), *борви* - *борви* (небольшая емкость из шкуры для перевозки айрака-кумыса) и др.;

6) названия единиц мер: *төгрөг* - *тугрик* (денежная единица Монголии), *алд* - *алд* (традиционная мера длины, измеряемая величиной распахнутых рук) и т.д.;

7) названия музыкальных инструментов, а также связанных с ними действий и лиц, играющих на них: *морин хуур* - *морин хуур* (национальный музыкальный инструмент) и т.д.;

8) названия национальных праздников, обрядов, игр и связанных с ними действий: *Наадам* - *Надом* (*национальный праздник, которое отмечается 11 июля*), *Цагаан сар* - *Цагаан сар* (новогодний праздник у монголов, который отмечается в первые дни весеннего месяца по восточному календарю) и др.;

9) названия, отражающие природно-географические особенности: *говь* - *гоби* (южная территория Монголии, где преобладает пустыня) и т.д.;

10) лексика из устного народного творчества: *мангас* - *мангус* (чудовище в сказках), *бадарчин* - *бадарчин* (странствующий монах) и др.;

11) религиозная лексика: *лам* - *лама* (буддийский монах), *бурхан* - *бурхан* (буддийский бог), *судар* - *сутары* (священная книга) и др.

Слова всех выделенных тематических групп создают своеобразную картину национального колорита. Возьмём в качестве примера слово “гэр” из тематической группы «Названия жилища и его деталей, предметов быта и домашней утвари». Оно означает «жилище», «дом», «юрта» и при сопоставлении с русским языком на первый взгляд выглядит вполне эквивалентным. Но на самом деле в русской жизни, в русской культуре нет точного понятия, соответствующего монгольскому “гэр”. Слова и выражения, производные или связанные со словом “гэр”, тоже следует считать безэквивалентными. К ним прежде всего можно отнести слова, обозначающие детали, принадлежности “гэр” типа *тооно* (дымое отверстие в юрте), *унь* (палочки-жерди, являющиеся одной из деталей каркаса “гэр”) и др.

В связи с тем, что безэквивалентная лексика в большей степени связана с внеязыковыми факторами, её перевод на другой язык весьма сложен и труден. Здесь недостаточно только лингвистических знаний, необходимы также знания о жизни и культуре народа, говорящего на данном языке. С другой стороны, и историко-лингвистическая компетенция переводчика сама по себе ещё не гарантирует точности перевода. Чтобы добиться гарантированной точности, необходимо тщательно отбирать и умело применять собственно лингвистические методы работы со словом.

Для исследования семантики отдельного слова необходим анализ семантической структуры каждой семы. Компонентный анализ как раз и позволяет проникнуть в семантику отдельного слова и выявить национально-культурную специфику данного слова. Чтобы подтвердить это положение, можно выделить специфический компонент значений в сопоставляемых лексических единицах. Для примера проведём анализ слов *цай/чай* в толковых словарях двух языков.

В Толковом словаре монгольского языка [8] лексема *цай* означает напиток; семема - *зарим ургамлын хатаасан буюу боловсруулсан навчийг усанд буцалган идээшүүлэн уух ундаа* (напиток, настойка, полученные кипячением высушенных, обработанных листьев некоторых растений); семы – *уух ундаа* (напиток), *зарим ургамлын хатаасан буюу боловсруулсан навч* (высушенные или обработанные листья некоторых растений), *усанд буцалгаж идээшүүлсэн* (настоенный в воде путём кипячения). В Толковом словаре русского языка [6] лексема *чай* означает напиток; семема - *напиток, настоенный на высушенных и обработанных листьях культивируемого вечнозеленого растения* (мөнх ногоон таримал ургамлын навчийг хатааж боловсруулан идээшүүлж хийсэн уух ундаа); семы - *высушенные и обработанные листья культивируемого вечнозеленого растения* (таримал ногоон ургамлын хатаасан буюу боловсруулсан навч), *настоенный* (идээшүүлсэн), *напиток* (уух ундаа). При сравнении сем монгольского и русского слова находим как общие по значению для двух языков семы (такие как *ундаа* – напиток, *хатаасан буюу боловсруулсан* – высушенные и обработанные, *навч* – листья, *идээшүүлсэн* – настоенный), так и различные семы. Различия состоят в том, что монголы обрабатывают чайные листья кипячением, а русские чайные листья настаивают; монголы отбирают для чая листья «некоторых растений», у них нет специально культивируемых чайных растений, т. е. монголы употребляют для чая опреленные дикорастущие листья, а русские пьют чай, настоенный на листьях вечнозелёных, специально культивируемых растений. Отсюда видно, что анализ различных по

значению сем действительно выявляет национальную специфику культур народов, говорящих на сопоставляемых языках

Родо-видовые понятия, называемые *гипонимией*, в лингвистике являются главными парадигматическими отношениями в лексике. Это соотношение родового и видового понятий, соотношение целого и частного интересно для перевода безэквивалентной лексики. Слово образует особый парадигматический ряд, основанный на неравномерном распределении дифференцирующих признаков. Например: слово *хувцас* (одежда) обладает более общим значением, чем *дээл* (верхняя одежда – дэли), *малгай* (головной убор), *цамц* (рубашка), *гутал* (обувь). А названия *ухэр* (корова), *хонь* (овца), *ямаа* (коза), *тэмээ* (верблюд), *адуу* (лошадь) входят для монгологоворящих в родовое понятие *гэрийн тэжээмэл амьтан* (домашнее животное). Учет такого соотношения особенно важен для перевода безэквивалентной лексики.

Проведённые нами анализ показывает, что при переводе безэквивалентной лексики с одного языка на другой, в нашем случае безэквивалентной лексики монгольского языка на русский язык, необходимо внимательно подойти к проблеме гипонимии. К сожалению, и в двуязычных словарях [4,9], и в переводной литературе [2,5], и в других источниках встречается немало примеров пренебрежения родо-видовыми отношениями слов. Например, слово *дээл* переводят как «дэли», «шуба», «тулуп», «халат», «халат на теплой подкладке» и «национальная одежда типа халата». В этом случае неудачным следует признать перевод, ориентированный на видовые понятия «халат», «тулуп», «шуба», а удачным будет перевод, основанный на родовом понятии «одежда». Мы считаем, что при переводе безэквивалентной лексики надо опираться на родовое понятие. Разумеется, нельзя переводить слово *дээл* на русский язык только одним словом «одежда», к нему требуется и дополнение-разъяснение, акцентирующее внимание именно на компоненте смысла «национальный». По нашему мнению, для этого слова в переводном словаре вполне достаточно описание, вернее толкование типа «*дээл – дэли, национальная верхняя одежда монголов*». В то же время мы вовсе не отрицаем важности поясняющих примеров, иллюстраций.

В результате анализа перевода безэквивалентной лексики нами обнаружено, что на русский язык безэквивалентная лексика, обозначающая реалии монгольской действительности, переводится следующими способами: 1) словом, обозначающим аналогичное видовое понятие в языке перевода; 2) калькой; 3) транскрипцией и транслитерацией; 4) толкованием; 5) транскрипцией и транслитерацией с толкованием.

Отметим, что достаточно широкое распространение получили случаи перевода безэквивалентных лексических единиц словами, обозначающими аналогичное видовое понятие (*ааруул* – творог, *дээл* – халат, тулуп, *Цагаан сар* – Новый год, *аймаг* – область, *ард* – крестьянин-скотвод, *боов* – печенье, *ерөөл* – пожелание), кальками (*Цагаан сар* – Белый месяц, *улаан гэр* – красная юрта), транслитерацией и транскрипцией (*бишгүүр* – бичхур, *ерөөл* – ерол, *орхимж* – орхимдж, *тэрлэг* – тэрлик).

Перевод словом, обозначающим видовое понятие в языке перевода, называют аналогом. Под аналогом понимают лексическое соответствие, обозначающее сходное или подобное явление в рассматриваемых языках. Как уже отмечено, при переводе безэквивалентной лексики опора на видовое понятие может привести к ошибкам. Об

этом свидетельствуют примеры типа *Цагаан сар – Новый год, аймаг – область, ард – крестьянин*. Данные реалии на первый взгляд аналогичны в том и другом языке, т.е. переводимы. С одной стороны, *Цагаан сар* для монголов – это *Новый год*, но с другой стороны, это не тот *Новый год*, что имеют в виду русскоговорящие, *Цагаан сар – это новогодний праздник у монголов, который отмечается в первые дни весеннего месяца по восточному календарю*. Значит, *Цагаан сар* – это не Новый год в традиционном русском и европейском понимании, точный перевод словосочетания *Новый год* с русского языка на монгольский – это *Шинэ жил* (калька). Надо иметь в виду, что калька иногда создаёт обманчивое впечатление полной ясности исходного понятия.

Что касается транслитерированных единиц, то хорошо известно, что их общее количество в переводах сравнительно невелико; тем не менее, их употребление мало себя оправдывает, так как они не несут сколько-нибудь значительной нагрузки в контексте и не выражают важную культурную специфику.

По нашему мнению, при переводе безэквивалентной лексики в двуязычных словарях самым удачным, эффективным способом является способ транслитерации с толкованием.

Наиболее распространенный и хорошо оправдывающий себя способ перевода безэквивалентной лексики – это толкование понятий, хотя встречаются и неудачные объяснения. Почти 90% выявленной нами лексики переведено на русский язык при помощи толкований и описаний. Приведём несколько примеров: 1) *хуур* – национальный смычковый музыкальный инструмент; 2) *урхи* – четырехугольная кошма, которой закрывается дымовое отверстие юрты; 3) *борц* – вяленое мясо, порезанное на тонкие куски.

Безэквивалентные слова, как уже сказано выше, – это слова, не имеющие по содержанию передаваемых ими лексических понятий параллелей в другом языке. Наряду с ними встречаются слова, в целом эквивалентные по лексическому значению, но имеющие национально-культурную специфику не за пределами собственно лексического понятия, а в лексическом фоне. Они переводятся как эквивалентные единицы: *морь* – конь, *цай* – чай, *багш* – учитель, *хийд* – монастырь, *домбо* – кувшин. Однако, если провести анализ лексического фона, то будет выявлена богатая национально-культурная специфика. Но этот вопрос требует отдельного анализа за рамками данной статьи.

Итак, приведённые выше примеры ещё раз демонстрируют, насколько сложен перевод безэквивалентной лексики, поскольку “перевод в аспекте межкультурной коммуникации – это контактирование двух семантических систем со своими национально-культурными особенностями, контакт представителей двух лингвокультурных общностей со своим мировосприятием и определённым фондом культурного наследия: фоновыми знаниями, морально-эстетическими нормами, речевым этикетом и мн. др.”[5; с. 162].

Как уже отмечалось выше, здесь недостаточно только лингвистической компетенции переводчика, необходимы культурологические знания. Очевидна необходимость систематизации безэквивалентной лексики в каждом конкретном языке и совершенствование методов перевода с последующим включением данной лексики в словари. Разумеется, такое включение следует осуществлять с учётом характера, целей и задач конкретного словаря.

Библиографический список

1. Верещагин Е.М., Костомаров Г.М. Язык и культура. М., 1983.
2. Кузнецов В.С. Амурсанаа. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение. 1980 (см. глоссарий).
3. Кычанов Е.И. Повествование об ойратском Галдане бошукте-хане. Новосибирск: Наука, 4. Сибирское отделение, 1980. С. 187-189.
4. Монгольско-русский словарь / Под общей редакцией А. Лувсандэндэва. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957.
5. Никитина Ю.А. Перевод как акт межязыковой коммуникации // Новые возможности общения: достижения лингвистики, переводоведения и технологии преподавания языков. Издательство Иркутского государственного технического университета, 2007. 162 с.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М: Азбуковник, 1999. 877 с.
7. Томтогтох Г. Лексико-семантическое исследование монгольских реалий / Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора PhD филологических наук. Улан-Батор, 2000.
8. Цэвэл Я. Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхлэх хороо, 1966. 780 с.
9. Цэдэндамба Ц. Монгольско-русский словарь. Улаанбаатар: Шинжлэх ухааны хэвлэлийн Эрдэм компани, 1997.

References

1. Vereshchagin E.M., Kostomarov G.M. Language and culture. Moscow, 1983.
2. Kuznetsov V.S. Amursanaa. Novosibirsk, 1980 (q.v. the glossary).
3. Kychanov E.I. The story of oyrat Galdan boshukta-khan. Novosibirsk, 1980. P. 187-189.
4. Mongolian-Russian dictionary / Ed. by A. Luvsandeneva. Moscow, 1957.
5. Nikitina J.A. Translation as an act of cross-cultural communication // New opportunities of communication: achievements of linguistics, translation studies and language teaching technologies. Irkutsk state technical university, 2007. 162 p.
6. Ozhegov S.I., Shvedova N.J. Explanatory dictionary of Russian language. Moscow, 1999. 877 p.
7. Tomtogtokh G. Lexical and semantic research of Mongolian subjects of reality / Abstract of the thesis... PhD in philology. Ulan-Bator, 2000.
8. Tsevel J. Mongol helniy tovch tailbar tol. Ulan-Bator, 1966. 780 p.
9. Tsedendamba Ts. Mongolian-Russian dictionary. Ulan-Bator, 1997.

УДК 81'282.2

*Воронежский государственный архитек-
турно-строительный университет
канд. филол. наук, доц. кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации*

*Недоступова Л.В.
Россия, Воронеж, тел. 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-
cultural communication
PhD, associate professor
Nedostupova L.V.
Russia, Voronezh, 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

Л.В. Недоступова

СОВРЕМЕННЫЙ ДИАЛЕКТ КАК ФОРМА КОММУНИКАЦИИ

В работе излагается взгляд на диалект, являющийся средством коммуникации большой группы населения России. Указаны причины научного интереса к говорам, отмечены их отличия от литературного языка. Названы современные формы существования языка в сельских поселениях.

Ключевые слова: источник изучения языка, духовная культура народа, литературный язык, диалект (говор), полудиалект, диалектное окружение, языковая картина мира, коммуникация.

L.V. Nedostupova

MODERN DIALECT AS A FORM OF COMMUNICATION

The work presents the view of dialect as a means of communication of a large group of the population of Russia. The reasons for the scholarly interest in dialects are marked by their differences from literary language. Modern forms of language existence in rural settlements are mentioned.

Key words: source of language studies, spiritual culture of the people, literary language, dialect (patios), semi-dialect, dialectal environment, language picture of the world, communication.

Особый интерес в настоящее время для тех, кто занимается историей развития языка, представляют диалекты.

Ни для кого не секрет, что не все русскоговорящие люди говорят одинаково. Несомненно, каждый замечал какие-либо особенности в речи человека, приехавшего изда- лека, чувствовал, что он говорит как-то иначе. Или мы сами, приехав в другой регион, часто слышим произношение слов, непривычное для нас. У многих городских жителей корни, как правило, восходят к русской деревне, и эта тема – поиск носителей русских диалектов – потому и интересна, что она актуальна и близка почти для каждого человека.

По тому, как мы говорим, можно судить не только о нашем кругозоре и образова- нии, но и о том, из какой местности мы родом. Причина отличий в речи кроется в диа- лектном окружении человека.

Диалектное окружение – это диалект, на территории бытования которого живёт человек [3; с. 1]. Диалект (синоним термина «говор») является особой формой комму- никации, выразителем народной речевой культуры.

Все явления реальной действительности обозначаются словами, которые связаны между собой так же, как отражаемые ими явления.

Хотя речь северных и южных территорий России значительно отличается, все русскоговорящие люди практически всегда понимают друг друга [3; с. 4]

К сожалению, многие говоры нашей огромной страны изучены фрагментарно, и

они ждут своих исследователей.

Целью данной работы стало определение особенностей диалекта, являющегося средством коммуникации большой группы населения России.

Необходимо отметить, что, в отличие от литературного языка, диалект: используется преимущественно в бытовом общении (т.е. дома, в семье); территориально ограничен; бытует только в устной форме и не имеет закреплённых на письме норм и правил (нормы в диалекте передаются «из уст в уста», от детей к родителям).

Вследствие последнего диалекты изменчивы, меняются же они под влиянием литературного языка и в результате взаимовлияния. Уходит из диалектов в первую очередь наиболее яркое, заметное [3; с. 4]. Поэтому для историков языка и диалектологов первоочередной задачей является фиксация народной речи, сохранившейся у представителей старшей возрастной группы.

Одна из множества причин, по которым нужно записывать и изучать местные говоры, заключается в следующем: современные диалекты представляют собой хранилище, в котором до наших дней остались неизменными звуки, формы слов, слова древнерусского языка, утраченные русским литературным языком. Следовательно, говоры являются одним из важнейших источников изучения истории языка.

Более того, исследование диалектной лексики важно для изучения языковой картины мира, так как «любой диалектный словарь, заключая в себе сотни и сотни местных народных слов и выражений, представляет собой подлинную энциклопедию материальной и духовной культуры народа. Народная лексика позволяет глубже, полнее и, главное, более детально проникнуть в историю народной культуры, в происхождение отдельных слов, в описание самих реалий и предметов» [1; с. 11].

Не следует забывать и тот факт, что местные говоры выходят за рамки литературной нормы – они находятся в рамках русского национального языка, который сформировался в XVII в. на основе языка великорусской народности.

В настоящее время примерно 37 млн. человек в России проживает в сельской местности (1/3 населения) [5], а значит, ареал функционирования тех или иных говоров достаточно велик.

На территории Воронежской области насчитывается около полутора тысяч населённых пунктов с русским населением и более 350 сельских поселений – с жителями украинского происхождения [4; с. 294]. Это достаточно большой диалектный массив со своими специфическими чертами и особенностями.

Что именно сохранили для нас говоры?

Например, характерное для северных говоров оканье является прямым наследием древнерусского языка. Аканье не было свойственно древнерусскому языку и развилось в нём лишь в XIII-XIV вв.

Ещё одна причина научного интереса к современным говорам связана с активно развивающимися в современной лингвистике направлениями: лингвокультурологией и этнолингвистикой.

Язык – это явление социальное, в нём возникают очень любопытные вещи. Когда говорят: «Я пользуюсь литературным языком, я говорю по-московски», – здесь надо отдавать себе отчёт, что – да, конечно, литературный язык сформирован на основе смешанного, то есть сочетает в себе северные и южные черты. Но то, что литературным языком выбран именно московский говор, – это не потому, что московский говор был велик, могуч и невероятно красив и заморозил политиков и историков. Так сложилась политическая история, что власть переместилась на эту территорию, и если бы она оставалась по-прежнему в Суздале, Владимире или Боголюбове, то наше с вами произношение было бы окающим. Так что здесь надо отдать отчёт, что литературный язык, безусловно – достижение, но выбор литературной основы – вещь политическая, это не особая заслуга московского говора [2].

Отношение к диалектам менялось в процессе развития лингвистики несколько раз. Период пристального внимания сменялся языковой политикой, в которой по отношению к народным говорам сложился «комплекс неполноценности», существующий до сих пор. Однако народная культура и народный язык – это наша история, о которой мы обязаны помнить и знать. И больше всего она сохранилась в речи представителей старшего поколения, которую необходимо изучать в различных аспектах: лексическом, фонетическом, морфологическом и т.д.

На сегодняшний момент со всей определённостью можно сказать, что в современных сельских поселениях функционируют три формы существования языка: традиционный диалект, полудиалект и литературный язык. Об использовании в селе литературного языка во всём функциональном многообразии говорить нельзя: здесь он представлен лишь в разговорном варианте. Носителем традиционного диалекта является в основном старшее поколение. Однако в настоящее время стала реальностью ещё одна форма существования языка в селе – полудиалект (промежуточная форма между диалектом и литературным языком) [4; с. 27].

Для современного исследователя-диалектолога важно определить границы между перечисленными формами существования языка, понять закономерности в его развитии с учётом региональных особенностей.

Таким образом, осуществляя духовную преемственность, современные говоры являются феноменом национального культурного наследия. В них отражается особое мировосприятие сельских жителей, их индивидуальные особенности и качества, самобытный взгляд на окружающую действительность.

Знание особенностей народной речи важно и потому, что диалект до сих пор является живым источником коммуникации большого количества людей старшего поколения России, проживающего в сельской местности. Помимо лингвистической ценности, говоры также представляют собой ценность историческую и этнографическую.

Библиографический список

1. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. СПб., 2005. С. 11.
2. Исаев И.И. Живы ли русские диалекты? В поисках носителей // Публичные лекции Политехнического музея Москвы. М., 2011.
3. Кузнецова Е.В. Современные русские говоры – источник для изучения истории языка и кладовая народной мудрости (лекция). Благотворительный фонд Потанина. М., 2013.
4. Черенкова А.Д. Воронежские диалектные тексты как источник для изучения русского национального языка, истории и культуры народа. Воронеж: Полиграф, 2009. С. 294-297.
5. Население России. URL: <https://ru.wikipedia.org>.

References

1. Gerd A.S. Introduction to ethno linguistics. St.-Petersburg, 2005. P. 11.
2. Isaev I.I. Do Russian dialects still exist? Search for bearers // Public lectures of the Polytechnic museum in Moscow. Moscow, 2011.
3. Kuznetsova E.V. Modern Russian dialects as the source of studies on language history and storage of people's wisdom (the lecture). Potanin's charity fund. Moscow, 2013.
4. Cherenkova A.D. Voronezh dialectal texts as the source of studies on Russian national language and people's history and culture. Voronezh, 2009. P. 294-297.
5. Population of Russia. URL: <https://ru.wikipedia.org>.

УДК 81'282.2

*Воронежский государственный архитек-
турно-строительный университет
канд. филол. наук, доц. кафедры русского
языка и межкультурной коммуникации*

*Недоступова Л.В.
Россия, Воронеж, тел. 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

*Voronezh State University of Architecture
and Civil Engineering
The chair of Russian language and cross-
cultural communication
PhD, associate professor
Nedostupova L.V.
Russia, Voronezh, 89204697860
e-mail: nedostupowa2009@yandex.ru*

Л.В. Недоступова

ГОВОР ХУТОРА РАСТЫКАЙЛОВКИ (ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

В работе представлены лексические особенности речи жительницы хутора Растыкайловки Острогжского района Воронежской области, сохраняющей черты русского и украинского языков. Рассмотрены слова, отражающие разные стороны жизни и быта сельского человека. Определён ареал функционирования зафиксированных лексических единиц в других воронежских говорах.

Ключевые слова: хутор; лексика, обозначающая семейные отношения, жилище, питание, одежду, головные уборы и обувь; интерференция, языковые особенности, самобытность.

L.V. Nedostupova

THE DIALECT OF RASTYKAILOVKA FARM (LEXICAL ASPECT)

The paper presents lexical features of the speech of an inhabitant of Rastykailovka farm of Ostrogozhsk district of Voronezh region, preserving the features of Russian and Ukrainian languages. The words that reflect different aspects of the life and living of rural people are considered. The area of functioning of lexical units in other Voronezh dialects is defined.

Key words: farm; vocabulary that reflects family relationships, housing, food, clothes, head-dress and shoes; interference, language features, identity.

В фокусе современного исследовательского интереса находится диалектная лексика, отражающая разные стороны деятельности человека. Языковой материал позволяет получить представление о носителях народной речи и их укладе жизни.

Исследования В.И. Собиинниковой, М.Т. Авдеевой, Е.Ф. Акаткиной, А.Д. Черенковой, М.Я. Запрягаевой, В.Ф. Филатовой, Е.И. Сьяновой, Г.Я. Сысоевой, О.В. Смирновой и др. посвящены русско-украинским говорам и их специфическим чертам.

Целью настоящей работы является выявление лексических особенностей речи жительницы хутора Растыкайловки, находящегося в 25 км от города Острогжска Воронежской области.

К сожалению, исторические данные об образовании этого населённого пункта отсутствуют. Однако со слов старожилов становится понятно, что хутор возник как стоянка на ночь крупного рогатого скота, перегоняемого из Харькова в Луганскую область.

Изначально Растыкайловка имела беспорядочную планировку: дома были разбросаны на 200-300 метров друг от друга (эта картина сохранилась до сих пор). Люди предполагают, что, возможно, от этого и произошло загадочное название: «хаты» как бы «растыканы» по разным местам.

Когда-то в Растыкайловке имелись школа-четырёхлетка, магазин и клуб; было много жителей: в каждой семье по 8-10 человек. Перепись населения 2010 года свидетельствует о 131 растыкайловце. В настоящее время хутор представляет собой 12 дворов, проживают в них 30 человек, практически все пенсионеры. Инфраструктура отсутствует полностью: нет магазина, медпункта, школы, зато имеется электричество и у некоторых жителей – телефон. Сейчас растыкайловцам, кто моложе, приходится добираться до села Кривая Поляна, находящегося в 4-5 км, чтобы купить продукты себе и соседям, воспользоваться услугами почты и медицинского персонала.

Данные обстоятельства отразились на речи коренной жительницы исследуемого населённого пункта – Ребрун Юлии Максимовны (1941 года рождения, имеет 8 классов образования), поэтому её говор представляет собой интересное в лингвистическом плане явление. Запись произведена в 2016 году.

В момент заселения хутора все местные жители были родственниками в разной степени: родными, двоюродными, троюродными. Изначально чужих людей среди них не было.

Лексика, обозначающая семью и семейные отношения

Ба'тько – ‘отец’: [*у наз жэ було' у ба'тько*], [*ба'тько забра'лы у нас трыца'того ию'ня*] (следует отметить, что в статье используется упрощённая транскрипция. Звук «г» в говоре фрикативный. – Л.Н.). «Словарь украинских говоров Воронежской области» М.Т. Авдеевой указывает на распространение данной лексической единицы на территории нескольких сёл: Старотолучеево Богучарского района, Нижний Карabut и Поповка Россошанского р-на, хутор Замостье Петропавловского р-на [3; 2; с. 27]. В словаре воронежских говоров, вышедшем под научным руководством проф. Г.Ф. Ковалёва, местом функционирования лексемы названы Марки Лискинского р-на и Старая Ведуга Семилукского р-на [2; 1; с. 80].

Ма'тэ, ма'тэрь – ‘мать’: [*у ма'тэ бы'ло нас сэ'меро / ма'тэ фсих падныма'ла*], [*ма'тэ ши'ла*], [*ма'тэрь ны па'йки нэ поло'ла*], [*туда' ж посэлы'лы ма'тэрю*], [*ма'тэрю вы'лэчили*]. В рассматриваемых словарях эти лексемы не представлены.

Сама' – ‘одна’: [*а она' оста'лась ба'ба сама'*]. В.И. Даль указывает на распространение слова в данном значении на юге и западе страны [4; 4; с. 11].

Дивчи'на – ‘девочка’: [*дивчи'на умэрла'*]. **Дивча'та** (мн.ч.) – ‘девушки [*сэсть дивча'т було'*]. Слово «дивчина» вошло в русский язык из украинского, впоследствии стало восприниматься как нейтральное. Однако не во всех говорах Воронежской области оно получило распространение. В СУГВО приведено место бытования этой лексемы: Старотолучеево Богучарского р-на [3; 1; с. 112].

Па'рубок – ‘парень, юноша’: [*вин па'рубок / вин ужэ' бо'льшэ уци'тэля*]. Это украинское слово употребляется и в говоре растыкайловцев.

Хло'пцы (мн.ч.) – ‘ребята, парни’: [*а хло'пцэв дэ'силь*]. Названная лексема была заимствована в начале XVIII века из украинского языка, где хлопец – суффикс уменьшительно-ласкательное производное от *хлоп* – «крестьянин, холоп», усвоенного из польского языка [6]. В.И. Даль указывает местом распространения слова южные районы страны [4; 4; с. 356].

Ба'ба – ‘бабушка’: [*ба'ба то'жэ была' у'мна / она' ругы'лэ мэ'нэ*]. В СВГ приведены другие значения рассматриваемой лексической единицы [2; 1; с. 47].

Дид – ‘дед’: [*дид мытро'ха у наз жыл*]. М.Т. Авдеева указывает на распространение этого слова повсеместно в украинских говорах Воронежской области [3; 1; с. 112].

Ди'ты – ‘дети’: [*шко'лы нэма'е / и ди'тов нэма'*]. Здесь представлено иканье – черта украинской речи.

Хоза'ин – ‘муж’: [*хоза'ин мой был с трыца'того*]. Перед нами лексема, отличающаяся от литературного слова только произношением: твёрдый согласный на месте

мягкого, однако значение иное. Украинский словарь указывает на отнесённость слова в данном значении к диалектному.

Рэ'дны – ‘родные’: [*а диды' булы' рэ'дны братки'*]. Краткое прилагательное на месте полного и замена [о] на [э] являются яркими чертами речи хуторянки. Эта же особенность прослеживается и в лексеме **двоёрэдны'** – ‘двоюродные’: [*ба'тьки на'ши булы' двоёрэдны'*].

Здоро'вы – ‘большие’: [*сэ'мы ж бу'лы здоро'вы*]. В СУГВО находим место распространения этого слова: село Старотолучеево Богучарского р-на [3; 1; с. 145].

Старе'йсий – ‘старше’: [*вин на пять лэт старе'йсий*]. Здесь наблюдается замена [ш] на [с].

Повосыта'ла – ‘воспитала’: [*дэтэ'й повосыта'ла / хоза'ин у'мэр*]. Перед нами использование твёрдого согласного на месте мягкого, что является показателем украинской речи.

Лексика жилища

Ха'та – ‘дом’: [*ну хорошо' хоть у своей'й ха'ти*], [*ха'та завалы'лась в пийся'т чэтвэ'ртом году'*]. В.И. Даль приводит лексему **ха'та** с пометой «южное» [4; 4; с. 348]. В воронежских говорах рассматриваемое слово имеет большую территорию функционирования: Острогжский, Верхнемамонский, Нижнедевицкий, Аннинский, Рамонский, Верхнехавский, Богучарский и Репьёвский р-ны (КСВГ) (Лексема проверена по картотеке Словаря воронежских говоров, хранящейся на кафедре славянской филологии Воронежского госуниверситета. – Л.Н.). Установлено, что слово **хата** заимствовано славянами из иранских языков, где оно обозначало дом земляночного типа. О происхождении заимствования однозначного мнения у этимологов нет. Одни считают, что славяне переняли его непосредственно от носителей иранских языков – скифов и сарматов, другие же полагают, что оно пришло от венгров в то время, когда их предки перекочевывали из-за Волги на свою современную родину – в Венгрию.

Приха'тка – ‘пристроенное к хате небольшое помещение для хранения вещей’: [*приха'тка нэ отопля'лась*], [*пойду' в ту холо'дну приха'тку*]. СРНГ указывает на использование в воронежских говорах в данном значении лексемы «прихатник» [1; 32; с. 47].

Зэмяны'в пол – ‘земляной’: [*пол був зэмяны'в у ха'ти*]. Наблюдаем твёрдую согласную перед [е] и -в на конце слова, что является показателем украинского языка.

Лэзэ'нка – ‘небольшая печка с плитой’: [*булы' нэ плы'ты и нэ пэ'ци / а лэзэ'нки*]. Лексему «лежанка» М.Т. Авдеева приводит с указанием распространения в сёлах: Нижняя Полубянка Острогжского р-на, Колыбелка Лискинского р-на, и Поповка Россошанского р-на [3; 1; с. 199]. В данном случае отсутствует смягчение согласной перед [е].

Кладо'ука, кладо'вь, кладо'ва – ‘кладовка’: [*а тут була' кладо'ука*], [*у кладо'ви храны'лыся маку'ха*], [*ну и кладо'ва була'*]. В первом случае имеет место использование [у] неслогового на месте [в]. В двух других – укорочение основы.

Лексика питания

В значении ‘есть, принимать пищу’ функционируют лексические единицы: **йи'стэ, йи'сты, ест**: [*йи'стэ нэчэго*], [*вин йи'сты вары'л вку'сно*], [*у'тром вста'ла йи'сты свары'ть*], [*ест жэ трэ'ба*]. Здесь наблюдается неустойчивость системы речи, её эклектичность, обусловленная влиянием русского литературного языка.

Бала'нда – ‘жидкая невкусная похлёбка’: [*муку' у во'ду киято'к / вот и бала'нда*]. СВГ указывает на распространение слова в населённых пунктах: Орлово Но-

воусманского р-на, Усть-Муравлянка и Краснолипые Репьёвского р-на, Гремячье Хохольского р-на, Нижний Кисляй Бутурлиновского р-на [2; 1; с. 63].

Буря'к – ‘свёкла’: [буряки' поло'лы у по'ли]. В СВГ находим территории использования в речи рассматриваемой лексемы: Краснолипые Репьёвского р-на, Малые Алабухи Грибановского р-на, Большая Приваловка Верхнехавского р-на, Садовое Аннинского р-на [2; 1; с. 164]. СУГВО указывает на функционирование лексемы «буряк» в Подколдновке Богучарского р-на, Бычке Петропавловского р-на, Переволочном Калачеевского р-на и Назаровке Ольховатского р-на [3; 1; с. 44].

Еэ'ц – ‘яиц’: [по сто пийся'т по-мо'ему еэ'ц здать ну'жно у госуда'рству]. Перед нами фонетический диалектизм.

В речи хуторянки отмечены интересные словообразовательные модели диалектных слов: **коро'вицным** – ‘коровьим’: [ма'слом залье' коро'вицным]; **свыня'чий** – ‘свиной’: [сыр вну'трэнный свыня'чий]. Ни один из рассматриваемых словарей эти лексемы не отражает.

Маку'ха – ‘спрессованный в прямоугольные плитки жмых, остающийся при производстве подсолнечного масла’: [маку'ха ис патсо'лнуха и ис со'и]. Данное слово распространено также в сёлах: Каменка Острогжского р-на, Новобелая и Бондарёво Кантемировского р-на и хуторе Замостье Петропавловского р-на [3; 1; с. 212].

Цавэ'ца – ‘чечевица’: [у кладо'ви храны'лыся маку'ха и цавэ'ца]. Здесь наблюдается упрощение согласного и гласного в начале слова и отсутствует смягчение согласного перед [е].

Лексика, характеризующая одежду, головные уборы и обувь

В значении ‘одета’ функционирует лексема **убра'та**: [ты зна'ишь у чём я убра'та].

Отмечены слова, относящиеся и к русскому литературному, и к украинскому языку, и собственно диалектные.

Платье: [одна' бы'ла платье из нэмэ'цкой пала'ткы / сэстра' носы'ла / а та'ды мини' пэрэда'ла]. Данное именование свидетельствует об использовании в речи диалектоносителя и слов русского литературного языка.

Стёганка – ‘стёганая ватная куртка’ [как нара'зэны вси // хто у стёганку]. Данная лексема имеет украинское происхождение.

Саль – ‘шаль’: [цэ я в са'ли / бальса'я саль]. **Салэ'нка** – ‘маленькая шаль’: [надэ'ла йие' салэ'нку]. Здесь наблюдается замена «ш» на «с» в начале слова.

Имеет место субституция звука [ф] звуком [хв] и [х]: **хвата'** – ‘фата’: [из ма'рли була' хвата']; **ту'хли** – ‘туфли’: [дак купы'лэ ту'хли]. Это является чертой украинских воронежских говоров.

Бо'тыки – ‘закрытые туфли: [бо'тыки / вот таки'е здоро'вы булы'], [булы' рэзы'новыи бо'тыки].

Чо'боты – ‘сапоги’: [чо'боты починя'л люда'м]. Данная лексическая единица перекочевала в русский язык из украинского языка.

Обува'чка – ‘обувь’: [починя'л люда'м и обува'чку]. Рассматриваемое слово является украинским. СРНГ указывает на функционирование похожей лексемы «обуванка» в псковских говорах [1; 22; с. 247].

Ва'ленки – ‘валенки’: [тады' я надэ'ла йие ва'ленки]. Здесь наблюдается, с одной стороны, русское литературное произношение (во 2-м слоге), с другой, употребление твёрдого согласного вместо мягкого (в 3-м слоге), что свидетельствует о сохранении в говоре украинских черт.

Таким образом, лексика хуторянки даёт ценные сведения о языковой картине её носителя и является показателем русско-украинского контактирования в языке. Являясь генетически украинским, исследуемый говор существовал в условиях интерференции – взаимодействия языковых систем в условиях двуязычия. Язык предков Ребрун Ю.М., приспособившись к новой среде, к коммуникативным потребностям, получил иное оформление, превращаясь, на наш взгляд, в специфический, своеобразный диалект. Естественно, он вырабатывался постепенно.

Наши наблюдения позволяют сделать вывод о том, что растыкайловский говор можно считать самобытным и оригинальным – переходным русско-украинским диалектом. Отсутствие многих лексических единиц в рассматриваемых словарях являются тому подтверждением.

В наше время, в век высоких технологий, в современном обществе остро стоит проблема сохранения самобытности русского народа. Постепенно теряется связующая нить между настоящим и прошлым, без которых, как известно, невозможно и будущее. И мы, современные люди, это осознаём и стараемся, насколько это возможно, не забывать своих истоков, своей истории [5; с. 260]. Необходимость фиксации народной речи, сохранившейся в большинстве своём в материнской основе в отдалённых населённых пунктах, является первоочередной задачей диалектологов. Помимо лингвистической ценности, диалектная речь представляет также ценность этнографическую и историческую.

Библиографический список

1. Словарь русских народных говоров / [гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов]. М.: Л.: СПб., 1965-2011. Вып. 1-44.
2. Ковалёв Г.Ф. Словарь воронежских говоров. Вып. 1. А - Вячать. Воронеж: ВГУ, 2004; Вып. 2. Га - Жучок. Воронеж: Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2007.
3. Авдеева М.Т. Словарь украинских говоров Воронежской области: в 2 т. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2008.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008.
5. Черняева М.И. Записи диалектной речи в контексте реализации регионального компонента школьного и вузовского филологического образования // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография-2015. Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 260.
6. Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М.: Дрофа, 2004.

References

1. Dictionary of Russian national dialects / Ed. by F.P. Filin, F.P. Sorokoletov. Moscow – Leningrad (St.-Petersburg), 1965-2011. Iss. 1-44.
2. Kovalev G.F. Dictionary of Voronezh dialects. Iss. 1, 2. Voronezh State University, 2007.
3. Avdeeva M.T. Dictionary of Ukrainian dialects of Voronezh region: in 2 vol. Voronezh State University, 2008.
4. Dahl V.I. Explanatory dictionary of live Great Russian language: in 4 vol. Moscow, 2008.
5. Chernyaeva M.I. Records of dialect speech in the context of realization of regional component of philological education at school and university // Modern Russian lexicology, lexicography and language geography-2015. Institution of linguistic research of RAS. St.-Petersburg, 2015. P. 260.
6. Shansky N.M., Bobrova T.A. Etymological dictionary of Russian language. Moscow, 2004.

КОНЦЕПТОЛОГИЯ CONCEPTS STUDIES

УДК 81-25

*Московский гуманитарно-
лингвистический институт МГЛИ
ст. преп. кафедры иностранных языков*

*Перевалова С.Г.
Россия, Москва, тел. +7 (985) 967-02-29
e-mail: som.81@mail.ru*

*Moscow international linguistic institute
MGLI*

*The chair of Foreign Languages
senior lecturer
Perevalova S.G.*

*Russia, Moscow, +7(985) 967-02-29
e-mail: som.81@mail.ru*

С.Г. Перевалова

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «МАТЬ» («LA MÈRE») ЧЕРЕЗ ПОСЛОВИЧНО-ПОГОВОРНЫЙ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФОНДЫ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА ФОНЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

В настоящей статье дается сравнение и анализ особенностей перевода фразеологизмов, пословиц и поговорок в ходе работы над концептом «мать» («la mère») в процессе обучения студентов французскому языку с целью повышения их лингвокультурной компетенции.

Ключевые слова: фразеологизмы, пословицы, лексические единицы, межкультурный подход, лингвокультурная компетенция, образ матери, обогащение словарного запаса.

S.G. Perevalova

VERBALIZATION OF THE CONCEPT «MOTHER» («LA MÈRE») THROUGH THE PROVERBIAL-SAYING AND PHRASEOLOGICAL FUNDS OF THE RUSSIAN LANGUAGE (ON A BACKGROUND OF THE FRENCH LANGUAGE)

This article provides the comparison and the analysis of the peculiarities of translation of phraseological units, proverbs and sayings during the work on the concept «mother» («la mère») in the learning process of students to the French language with the aim of increasing their linguo-cultural competence.

Key words: phraseological units, proverbs, lexical units, intercultural approach, linguo-cultural competence, image of the mother; enrichment of vocabulary.

Одной из важнейших задач современной лингвистики является глубокое изучение и сравнение взаимосвязи языка и культуры родного и изучаемого языков, а также формирование лексической и межкультурной компетенции обучающихся через непосредственное погружение в мир и культуру носителей иностранного языка.

В процессе изучения иностранного языка особое внимание, несомненно, должно уделяться лексике и обогащению словарного запаса обучающихся, а для продуктивного решения данной проблемы огромное значение придается пословично-поговорному и

фразеологическому фондам иностранного языка, в которых наиболее ярко и емко отражаются самосознание народа, его менталитет, национальный характер, традиции, жизненные устои и моральные ценности нации в общем. Поэтому расширение лексического запаса через овладение пословично-поговорным и фразеологическим фондами и описание национальных ценностей и особенностей через анализ конкретных культурных концептов считаются по праву одними из самых действенных методов изучения языка и показывают на практике свою высокую эффективность.

«Обращение к изучению ментальных сфер одного из крупнейших европейских социумов – России и не менее значимой в масштабе человечества, и мировой культуры – Франции продиктовано рядом причин. Во-первых, Россия и Франция, начиная с XI века, состоят в отношениях длительного интеркультурного диалога, который способствовал установлению межнациональных контактов в разных областях: дипломатия, искусство, литература и т.п. Во-вторых, история развития данных социумов позволяет говорить, что они обладают как общими чертами в социальном, экономическом, политическом устройствах, так и этнографической самобытностью в экономической, политической, демографической и других сферах...» [3; 1].

Настоящая статья посвящена лингвокультурному изучению концепта «мать» («la mère») посредством сравнения пословиц, поговорок и фразеологизмов французского и русского языков, в которых наиболее ярко и эмоционально отражены национальные традиции и система нравственных ценностей обеих наций.

Актуальность написания данной статьи обусловлена рядом факторов:

- 1) высокой значимостью лингвокультурного концепта «мать» («la mère») для русской и французской культур;
- 2) недостаточностью существующих исследовательских подходов в описании данного концепта;
- 3) необходимостью лингвокультурной интерпретации концепта «мать» («la mère») как значимого фрагмента языковых картин русского и французского лингвосоциумов;
- 4) потребностью более глубокого и комплексного исследования концепта «мать» («la mère») как одного из фрагментов более обширного концепта «семья» («la famille»).

Предметом исследования данной статьи являются:

- 1) лексические единицы французского и русского языков, которые определяют содержание лексического концепта «мать» («la mère»);
- 2) фразеологические единицы, пословицы и поговорки сравниваемых лингвокультур, выявление их национально – культурных особенностей и их сравнительный анализ (общее - различное).

Целью написания настоящей статьи является лингвокультурный анализ концепта «мать» («la mère») через сопоставление французской и русской культур, семейных традиций и принципов воспитания посредством изучения фразеологических оборотов, пословиц и поговорок по рассматриваемой теме.

Главной задачей данной работы является рассмотрение концепта «мать» («la mère») в традиционных французской и русской картинах мира на примере их вербализации в пословицах, поговорках и фразеологизмах.

Пословица, поговорка или фразеологический оборот - это не просто изречение. Они выражают мнение народа. На протяжении веков они создавались, дополнялись,

оттачивались, передавались, переосмысливались народом и становились тем «крылатым словом», которое придает особую остроту, выразительность и эмоциональность каждому отдельному языку. Далеко не каждое изречение становилось пословицей, фразеологизмом или поговоркой, но только лишь то, которое наиболее близко и точно несло в себе образ жизни и мысли целой нации. Именно такие изречения прочно занимали свое место в языке, становились понятными каждому и могли существовать столетия, переходя из века в век от поколения к поколению. За каждой пословицей, фразеологизмом или поговоркой стоит опыт поколений, их создавших и передавших следующему поколению. Эти выражения не спорят, не доказывают и не утверждают что-то – они просто несут в себе истину.

Еще великий русский писатель Н. А. Добролюбов говорил, что «народные пословицы и поговорки... служат отражением народного ума, характера, верований, воззрений...» [2;4].

Мать... Самый дорогой и близкий человек, ангел-хранитель, символ счастья и безопасности для каждого человека.

Проанализировав достаточное количество французских и русских паремий о семье, семейных принципах, традициях и методах воспитания, можно смело говорить о том, что ключевой фигурой как для французской, так и для русской культур является «мать» («la mère»). Результаты проведенного лингвокультурологического анализа 72 русских паремий на фоне их 40 французских соответствий дают возможность сделать вывод о том, что, в целом, большинство культурных установок, выраженных в паремиях двух языков, совпадают, и «мать» («la mère») имеет первостепенное значение в жизни представителей обеих лингвокультур:

1) Мать – это самое дорогое, что есть у человека.

В русском языке: *Нет роднее дружка, чем родная матушка; Родную мать никем не заменишь; Без отца – наполовину сироту, а без матери – круглая сирота; Мать кормит детей, как земля – людей; При солнышке тепло, при матушке добро.*

Во французском языке: *Ребенок без матери как карри без лука (Un enfant sans mère est comme un curry sans oignons); Сидя на коленях бедной матери каждый ребенок богат (Assis sur les genoux d'une mère pauvre, tout enfant est riche); Бог не может быть повсюду, поэтому он создал мать (Dieu ne pouvant être partout, alors il a créé la mère).*

2) Для обеих лингвокультур «мать» («la mère») – это символ защиты, надежности и спокойствия.

В русском языке: *Мать праведна – ограда каменна; Материнская молитва со дна моря вынимает; Без матки рой не держится; Сердце матери лучше солнца греет; При солнышке тепло, при матушке добро; Слепой щенок и тот к матери ползет; С матерью жить – ни скуки, ни горя не знать.*

Во французском языке: *Безумная любовь матери к ребенку (Folle mère pour enfant); Материнская ласка конца не знает (Tendresse maternelle toujours se renouvelle).*

3) Через паремии и французского, и русского языков прекрасно прослеживается тот факт, что каждая мать любит безответно, безумно своего ребенка на протяжении всей жизни, порой не видя в нем никаких недостатков.

В русском языке: *Для матушки ребенок до ста лет дитенок; Всякой матери свое дитя мило; Сердце матери лучше солнца греет; Всякой матери свое дитя мило; Свое*

дитя и горбато, да мило; Хоть дитя и криво, а отцу с матерью мило; Кто девку хвалит? Отец да мать; Дитя худенько, а отцу-матери миленько.

Во французском языке: *Когда ребенок покидает дом, он уносит с собой руку матери* (Quand l'enfant quitte la maison, il emporte la main de sa mère); *Мать немого понимает его язык* (La mère du muet en connaît le langage).

4) Хорошая мать хоть и любит безумной любовью своих детей, но воспитывает их в строгости и без лишнего баловства.

В русском языке: *Материнский гнев, что весенний снег: и много его выпадает, да скоро растает; Материны побои не болят, мать и бия, не бьет; Неразумная опека хуже беспризорности; Что в детстве воспитаешь, на то в старости и обопрешься; К чему ребенка приучишь, то от него и получишь; В хорошей семье хорошие дети растут; Кто детям потакает, тот потом слезу проливает.*

Во французском языке: *Гнев матери быстро проходит* (Colère de mère ne passe pas la nuit); *Избалованный ребенок неуч и недисциплинирован* (Enfant par trop caressé, mal appris et pis réglé); *Дети должны быть видны, но не слышны* (Les enfants doivent être vus mais pas entendus); *Слишком избалованный ребенок – неблагодарный ребенок* (Enfant trop gâté, enfant ingrat); *Не нужно прощать ребенка, который плохо себя ведет* (Il ne faut pas excuser un enfant qui agit mal); *Без дисциплины из ребенка вряд ли получится что-нибудь стоящее* (L'enfant sans discipline en sa jeunesse fera rarement fruit en sa vieillesse).

5) И во французском, и в русском языках проходит мысль о том, что дочь часто бывает похожа на мать и по внешнему виду, и по поведению, и по характеру.

В русском языке: *По матери и дочь; Если хочешь узнать, какой будет невеста через много лет, посмотри на ее мать; Шишка от ели недалеко падает; Какова matka, таковы и детки.*

Во французском языке: *Какова мать, такова и дочь* (Telle mère, telle fille); *Дочь следует нравам своей матери* (Une fille suit les moeurs de sa mère); *Перед тем, как смотреть на дочь, посмотри на ее мать* (Regarde la mère avant la fille); *Кто выбирает жену, смотрит на ее мать* (Qui choisit une femme, regarde sa mère; Regarde la mère, puis épouse la fille).

6) В обеих лингвокультурах через пословицы прослеживается необходимость уважительного отношения к своей и чужим матерям.

В русском языке: *Когда мать на земле обижают, Бог на небе плачет; Ласковый теленок двух маток сосет; Мать по дочке плачет, а дочь на танцах скачет; Мать кормит детей – сохнет, а они по ней не охнут; Кто свою мать уважает – чужую не обругает.*

Во французском языке: *Одна мать легче прокормит семерых детей, чем семеро детей одну мать* (Une mère nourrit plus facilement sept enfants que sept enfants une mère); *Жди от своих детей такого же отношения, какое у тебя было к твоим родителям* (Attends de tes enfants les mêmes égards que tu auras eus pour tes parents).

7) В аспекте обучения и воспитания детей огромная роль также придается матери.

В русском языке: *Умел дитя родить – умей и научить; Что с молоком матери не выпитал, с коровьим не придет; Народила, да не научила; Умная мать – богатство се-*

мьи; Детки хороши отцу, матери – венец; худы отцу, матери – конец; Впитывать с молоком матери; Дурной рыбак – дурные сети, дурная мать – дурные дети.

Во французском языке: *Впитывать что-либо с молоком своей матери* (Sucrer qch avec le lait de sa mère); *Метод воспитания детей: сын не должен покидать своего отца, дочь не должна покидать свою мать* (La méthode pour éduquer ses enfants: le fils ne doit pas quitter son père, la fille ne doit pas quitter sa mère).

8) И во французском, и в русском языках встречаются пословицы, которые несут в себе элемент насмешливости по отношению к человеку, который слишком привязан к своей матери.

В русском языке: *Маменькина дочка; Маменькин сынок; Держаться за материну юбку.*

Во французском языке: *Избалованный ребенок* (Enfant gâté); *Маменькин сынок* (Fils à maman; le chéri à sa maman; à sa maman); *Маменькина дочка* (Fifille à sa maman).

9) Анализируя французские и русские пословицы и фразеологические обороты, становится понятным, что в обеих культурах нередко проходит негативное отношение к мачехе (la belle-mère) и к неродным детям (пасынку - beau-fils или падчерице - belle-fille)

В русском языке: *В лесу медведь, а в доме мачеха; Из дому гонит мачеха, а из лесу медведь; Мать высоко замахивается, да не больно бьет; мачеха низко замахивается, да больно бьет; Мать гладит по шерсти, мачеха – насупротив; Мачеха пасынку надвое волю дала: наг ходи либо без рубаики; Маменька родимая – свеча неугасимая, мамонька неродная – похлебочка холодная; Уродился – ни в мать, ни в отца, а в приежжего молодца; Не наша печаль чужих детей качать; На чужой стороне и ребенок ворог; Не сохни, мать, по чужим детям; Нагулять ребенка; Принести в подоле.*

Во французском языке: *С приходом мачехи отец становится отчимом* (Avec l'arrivée d'une belle-mère le père devient un beau-père); *Лучше удар палкой от матери, чем хлеб с маслом от мачехи* (Mieux vaut le coup de bâton d'une mère que le pain et le beurre d'une belle-mère); *Любовь – это чувство, которое плохо делят между собой мачеха и падчерица* (L'amour est un sentiment que se partagent mal une belle-mère et une belle-fille); *«Младший сын, лишенный наследства, (букв: внебрачный сын из Ко). Ко – область на северо-востоке Нормандии, на Ла-Манше (Bâtard de Caux)»* [7;11]; *Сын приемный, работа двойная* (Fils adopté, travail doublé); *Нужно плохо кормить чужого ребенка, так как он все равно уйдет, когда вырастет* (Il faut mal nourrir autrui enfant, car il s'en va quand il est grand).

10) В обеих лингвокультурах также можно проследить употребление слова «мать» («la mère») в пословицах, поговорках и фразеологизмах не только при обозначении родственных отношений, а для обозначения аспекта первоисточника, происхождения.

В русском языке: *Темна ночь вору родная мать; Труженику земля – мать родная; Праздность – мать всех пороков; Повторенье – мать ученья; Баня – мать вторая - кости распаришь – все тело направишь; Достаток – мать, убожество – мачеха; Родина-мать; Москва – кому мать, а кому – мачеха.*

Во французском языке: *Лень – мать всех пороков* (La paresse est la mère de tous les vices); *Повторенье – мать учения* (La répétition est la mère de l'apprentissage); *Все можно, только осторожно* (La défiance est mère de la sûreté); *Каждый человек смертен* (La

tombe est la mère de tous); *Осторожность – мать безопасности* (La prudence est mère de la sûreté); *Небылица, вздор* (букв.: сказка моей матери Гусыни), образовано от названия сборника сказок Шарля Перро (Conte de ma mère l'Oie).

11) В обоих языках можно найти лексему «мать» («la mère») в восклицаниях. В ругательствах же она была найдена только в русском языке.

В русском языке: *Иди к чертовой матери; Показать Кузькину мать; Япона мать; Мать честная!; Мать сыра земля, говорить нельзя!*

Во французском языке: *Мать честная! (Bonne mère!)*

Результаты проведённого лингвокультурологического анализа русских и французских паремий и фразеологизмов позволяют сделать вывод о том, что в целом большинство культурных установок, выраженных в паремиях двух языков, совпадают:

1. Рассмотренные пословицы, поговорки и фразеологизмы позволяют сделать заключение, что, в целом, материнству посвящены различные положительные характеристики, какие только можно представить у человека. Мать в паремиях и фразеологизмах обеих лингвокультур – это самое дорогое, что есть у человека, это уникальный человек в жизни каждого из нас.

2. Мать в обоих языках - символ добра, заботы, ласки, надёжности, защиты и спасения, человек, дающий заботу, ласку и поддержку.

3. И в русских, и во французских пословицах, поговорках и фразеологизмах прослеживается безумная любовь матери к своим детям и готовность жертвовать собой ради их счастья и беззаботной жизни.

4. При сравнении русского языкового материала с французским ярко отражается общая тема почитания и уважения матери.

5. В культуре обоих языков проходит тема важности и значимости роли матери в аспекте обучения и воспитания детей.

6. Отрицательно оцениваются лишь слишком сильная привязанность к матери, некая инфантильность.

7. Негативный элемент несут в себе образы мачехи и неродных детей.

8. В ругательствах лексема «мать» («la mère») была выявлена лишь в русском языке.

Аналогичную работу со студентами по изучению пословично-фразеологического фонда можно также успешно проводить и по другим изучаемым концептам. Так, богатые возможности по расширению лексического запаса студентов и повышению их лингвокультурной компетенции предоставляют такие темы, как:

- Семья (Famille);
- Внешность и характер (L'apparence et le caractère);
- Замужество (Le mariage);
- Мода (La mode);
- Кухня (La cuisine);
- Путешествия (Les voyages);
- Человеческие отношения (Les relations humaines);
- Образование и воспитание (L'enseignement et l'éducation);
- Толерантность (La tolérance);
- Научные открытия (Les découvertes scientifiques);

- Искусство (L'art) и др.

Работа по изучению пословиц, поговорок и фразеологизмов французского языка и сопоставлению их с русскими эквивалентами в ходе изучения определенных тем способствуют обогащению лексического запаса студентов, расширению их знаний о французском языке и Франции, формированию у них эстетического вкуса, повышению культуры речи и приданию ей неповторимого своеобразия, особой экспрессивности, образности и яркости.

Библиографический список

1. Бардоши В. Фразеологизмы французского языка: Словарь практикум. Екатеринбург: Уральское издательство, 2002. 247 с.
2. Берсеньева К.Г. Русские пословицы и поговорки. М.: Центрполиграф, 2010. 58 с.
3. Железнова Ю.В. Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта «семья»: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: Спец. 10.02.19. Ижевск.: Удмуртский государственный университет, 2009. 27 с.
4. Иванченко А.И. Французские пословицы и их русские аналоги. СПб.: КАРО, 2004. 128 с.
5. Назарян А.Г. Почему так говорят по-французски. М.: Наука, 1968. 352 с.
6. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. М.: Высшая школа, 1987. 288 с.
7. Хазина А.М. 1500 русских и 1500 французских идиом, фразеологизмов и устойчивых сочетаний. М.: Астрель, 2012. 224 с.
8. Хайитов Б. Французско-русский лингвострановедческий словарь по фразеологии. М.: Московский лицей, 1997. 49 с.

References

1. Bardochi V. Phraseologisms of the French language: Vocabulary-workshop. Ekaterinburg: Ural publishing house, 2002. 247 p.
2. Bersenyeva K.G. Russian proverbs and sayings. M.: Tsentropoligraf, 2010. 58 p.
3. Zheleznova Y.V. Linguo-cognitive and linguo-cultural research of the concept «family»: The autoabstract of dissertation on competition of a scientific degree of the candidate of philological science: Spec. 10.02.19. Izhevsk.: Udmurt State University, 2009. 27 p.
4. Ivanchenko A.I. French Proverbs and their Russian analogues. SPb.: KARO, 2004. 128 p.
5. Nazarian A.G. Why speak so French. M.: Nauka, 1968. 352 p.
6. Nazarian A.G. Phraseology of the modern French language. M.: Higher School, 1987. 288 p.
7. Khazina A.M. 1500 Russian and 1500 French idioms. M.: Astrel, 2000. 224 p.
8. Khajitov B. French-English encyclopaedic dictionary of phraseology. M.: Moscow Lyceum, 1997. 49 p.

УДК 378.014.25 (100) – 048. 87

Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ)

*д. пед. наук, проф. кафедры русского языка для иностранных граждан
Авдеева И.Б.*

*Россия, г. Москва, тел. +7-906-757-66-27
e-mail: i.b.avdeyeva@mail.ru*

Moscow State automobile and highway Technical University (MADI)

The department of Russian language for foreign students

*Dr. , Professor of Philology
Avdeyeva I.B.*

*Russia, Moscow, +7-906-757-66-27
e-mail: i.b.avdeyeva@mail.ru*

И.Б.Авдеева

ИНЖЕНЕРНЫЙ ДИСКУРС В РАМКАХ КОММУНИКАТИВНО-КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

В статье идет речь об особенностях гуманитарного и естественно-научного мышления и их влиянии на закономерности построения дискурсов. Обосновывается использование коммуникативно-когнитивного подхода, который позволяет выделить из научных дискурсов инженерный и по ряду параметров противопоставить инженерный дискурс научным.

Ключевые слова: коммуникативно-когнитивная парадигма, русский язык как иностранный, различные виды дискурсов, инженерный дискурс, гуманитарное мышление, инженерное мышление, когнитивный стиль.

I.B. Avdeyeva

ENGINEERING DISCOURSE IN COMMUNICATIVE-COGNITIVE PARADIGM LIMITS

In this article two types of thinking are divided: art and science. The analysis of specific linguistic and lingvo-cognitive features of engineering discourse shows that it is special subject to teach foreign pupils in Russian technical universities.

Key words: communicate-cognitive paradigm, Russian as foreign language, different kind of discourses, engineering discourse, humanitarian thinking, engineering thinking, cognitive style.

Все науки делятся на физику и
коллекционирование марок.
Эрнест Резерфорд.

Традиционно методика обучения РКИ уделяла большое внимание обучению на примерах определённых типов текстов. Классические типологии были даны О.Д. Митрофановой, Н.А. Метс, Е.Н. Корчагиной, Н.А. Керн и др. Но в исследованиях последних десятилетий по обучению иностранным языкам появилась четкая тенденция анализировать тексты не как статичное явление, а в их развитии, динамике. Данный подход, именуемый дискурсивным и характеризующийся новыми взглядами на природу речевой коммуникации, принципы и категории её анализа, базируется на новой онтологии – так называемой «онтологии Выготского». Поэтому наряду с термином «текст» получил

широкое распространение и толкование термин «дискурс», имеющий определённую историю употребления в науке и базирующийся на сформированной в начале XXI в. **коммуникативно-когнитивной парадигме** изучения языковых процессов. «Нынешняя коммуникативно-когнитивная направленность исходит из значимости, во-первых, понятий «субъекта», «персоны», «личности», во-вторых, понятия «деятельности» и взаимодействий между ними. Как любая концептуальная **лингводидактическая идея**, эта заявленная ориентация предполагает, помимо самой идеи, ее **научное сопровождение** и соответствующее **учебно-методическое обеспечение**» [17, с. 123].

Приоритет в описании дискурса на современном этапе принадлежит Т.А. Ван Дейку: «Дискурс – это речевой поток, язык в его постоянном движении, вбирающий в себя всё многообразие исторической эпохи, индивидуальных и социальных особенностей как коммуниканта, так и коммуникативной ситуации, в которой происходит общение. В дискурсе отражается менталитет и культура как национальная, всеобщая, так и индивидуальная, частная» [10, с. 169]. Текст в динамике, как процесс порождения, восприятия, имитации – это дискурс. Понимание дискурса в таком расширительном смысле слова – сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, и не собственно языковые факторы (экстралингвистические) – знания о мире, целях, установке, адресате, необходимые для понимания и интерпретации текста.

В современной науке понятие «дискурс» изучается разными дисциплинами (прагмалингвистика, прагмастилистика, лингвистическая семантика, теория коммуникации, грамматическая стилистика, лингвистика текста, грамматика текста) и междисциплинарными направлениями (психолингвистика, социолингвистика, когнитивная лингвистика) и потому многозначно.

Во **французском словоупотреблении** «дискурс» имеет широкий спектр значений: от свободной беседы и рассуждения до методически выверенной философской речи. Ещё Декарт в 1730 г. сформулировал рационалистические основы своей философии в работе «Рассуждения о методе для хорошего направления разума и отыскания истины в науках», которая в оригинале имеет название «Discours de la methode de bien conduire sa raison». В **немецкоязычном словоупотреблении** «дискурс» – подчиненное понятие по отношению к понятию диалога. Дискурс – это диалог, ведущийся с помощью аргументов; это форма коммуникации, при которой сталкиваются различные высказывания, содержащие притязания на общезначимость (Ю.Г. Хабермас и Апель).

Наиболее точным определением **отечественного языкознания** считается определение В.З. Демьянкова: «Discours – дискурс, произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса, – это точка зрения «этнографии речи»... Исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т.п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и «не-события», то есть: а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников события; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [11, с. 7].

Наиболее общей трактовкой в области **методики обучения иностранным языкам** можно считать понимание дискурса как вербализированной речемыслительной деятельности, включающей в себя, помимо собственно лингвистических, еще и экстралингвистические факторы, то есть дискурс понимается как совокупность процесса и результата. В связи с этим понятие дискурса трактуется обычно в двух плоскостях: а)

дискурс как текст, актуализируемый в определенных условиях; б) дискурс как дискурсивная практика [16, с. 12].

В области преподавания русского языка как иностранного в рамках **функционально-коммуникативной лингводидактической модели языка** [7] существует устоявшееся представление о двух значениях термина «дискурс», часто употребляемых вместе: «Дискурс-1» – текст с учетом внелингвистических (внеязыковых) условий его реализации, например, дискурс семинара, дискурс частной беседы и пр. «Дискурс-2» – вся сумма существующих и возможных текстов того или иного функционального стиля, например, медицинский дискурс, юридический дискурс, экономический дискурс и пр.» [9, с. 3]. А в **коммуникативной лингвистике** – новом направлении филологического знания, возникшего на базе лингвистики языка и лингвистики речи, – основными единицами общения считают «дискурс, упакованный в текст, и его составляющую, – высказывание, в том числе, речевой акт – во всем разнообразии национально- и социально-культурных и индивидуальных воплощений в бесконечно разнообразных ситуациях жизненных обстоятельств». «Дискурс – это и репликовое взаимодействие в устном диалоге или полилоге, и устный монолог в публичном общении, и результат чтения текста» [18, с. 14].

В современной научной литературе все чаще упоминаются **различные виды дискурсов**: практический, критический, этический, юридический (Ю. Хабермас); политический (А.Н.Баранов, Ю.Н.Караулов); военный, педагогический (Н. Райнер); научный дискурс, в котором происходит устранение ученого как адресанта ради объективности изложения (Р.Барт). Существуют различные классификации дискурсов, выделяемые по различным принципам: интердискурс и специальные дискурсы (В.Либерт), общий дискурс и частные дискурсы, этнические дискурсы, аргументативный и оценочный дискурсы, диалогический и монологический дискурсы [16, с. 48], дискурс адресанта (передающего информацию) и дискурс адресата (извлекающего ее), а также дискурс читателя художественного текста [18, с. 14]. Многие исследователи разграничивают, с одной стороны, национальные дискурсы, с другой стороны – в рамках одного национального дискурса выделяют некоторые «модификации», определенным образом адаптированные в соответствии с той сферой, в которой они функционируют. В ряду других предлагается рассматривать также **русский дискурс** как «вербализованную речемыслительную деятельность, включающую в себя как лингвистические, так и экстралингвистические компоненты и осуществляемую на русском языке представителями русского национально-лингво-культурного сообщества» [12, с. 190]. Следует отметить, что в последнее время наблюдается тенденция к более глубокому изучению **художественного дискурса** в его различных проявлениях (Н.Д. Бурвикова, Н.В.Кулибина, О.С. Иссерс, В.В.Красных, Д.Б.Гудков и др.). Наши многолетние исследования посвящены изучению в ракурсе лингводидактики **русского научного дискурса**, в частности, функционирующего в области инженерной деятельности.

Прежде всего имеет смысл **разграничить гуманитарную и естественно-техническую составляющие** научного дискурса, с целью обоснования того, что эти дискурсы преследуют разные цели и создаются в разных системах мышления. Если брать за основу положение, что «текст является единицей дискурса, манифестирующей лингвистические и экстралингвистические феномены, в которых проявляется языковое сознание и языковая личность как таковая» [12, с. 209], то встает вопрос: что включают в себя понятия «экстралингвистический феномен» и «языковое сознание», которые влияют на выбор языковых средств, на процессы порождения и восприятия текстов, проявляясь в контексте пресуппозиции, особенно применительно к научному дискурсу. Для научного дискурса это особенно актуально, поскольку экстралингвистические фак-

торы, помимо знаний о мире, целях, установке, адресате, обусловлены прежде всего спецификой научно-профессиональной деятельности.

Многие философы задавались вопросом по поводу научного статуса гуманитарии, т.е. в чем отличие социально-гуманитарных наук от естественных. Авторство ставшего расхожим в западном научном сообществе в середине XX в. термина «две культуры» принадлежит Чарльзу Сноу. Помимо прочей обширной проблематики, для нашего случая важно, что некоторые исследователи подробно рассматривают «отличие гуманитарных дисциплин от естественных наук **по признаку ценностной** «окрашенности» первых и «нейтральности» последних» [15, с. 133]. Для неопозитивистского науковедения факт, что «в большинстве гуманитарных текстов так или иначе выражаются «ценностные позиции» (т.е. содержатся оценки и призывы)», послужил основанием для «отличения» гуманитарии от науки. Неокантианское же направление, возглавляемое Виндельбантом, Риккертом и др., узаконило **«ценностную направленность»** в качестве **специфического признака** гуманитарных наук («наук о духе», «наук о культуре»); представители гуманитарного науковедения говорили об особых методах данных наук: индивидуализирующее-целостном, «идиографическом» (в противоположность «норматическому», характерному «для наук о природе»), о методе «отнесения к ценностям», о «понимании» (в отличие от каузального «объяснения») и т.п. [15, с. 133-134]. Заслужив М.Вебера и неокантианцев в целом считают строгое **различение оценки и факта** и применение данного различения в качестве критерия, позволяющего специфицировать «два типа духовной культуры» [15, с. 135].

Современные интерпретаторы гуманитарных дисциплин рассматривают их как своего рода «конгломерат», объединяющий ценности и знания: с одной стороны, описывая и объясняя человеческий мир, с другой – провозглашая и защищая те или иные ценностные позиции. Апологеты данной концепции видят главный недостаток в неразличении и смешении **«двух контекстов** гуманитарной мысли – ценностного (оценочно-нормативного) и познавательного (описательно-объяснительного)» [15, с. 132]. Говоря о «ценностно-познавательном синкретизме» в гуманитарии, исследователи отмечают, что «общим правилом остается смешение процедур объяснения и обоснования ценностей, что является одной из предпосылок постоянного и беспрепятственного перетекания **гуманитарного дискурса** из ценностного контекста в познавательный и наоборот» [15, с. 139]. «Одним из важнейших последствий господства **когнитивистской парадигмы** является характерная именно для гуманитарной мысли особого рода **эклектичность**, которая выражается в смешении и взаимоподмене двух разнородных контекстов – **теоретического** (познавательного) и практического (нормативно-ценностного)» [15, с.141].

«Естествоиспытатель обычно легко различает объяснение и обоснование, поскольку эти процедуры направлены на разноплановые «объекты»: объяснению подвергаются явления природы, а обоснованию – знания об этих явлениях, идеальные модели реальности (гипотезы, теории и пр.); никому не придет в голову «обосновывать» явления природы. В гуманитарии же адресатом обеих процедур могут быть одни и те же объекты – политические программы и лозунги, правовые и моральные кодексы и нормы, эстетические принципы и другие реалии ценностного сознания. В качестве явлений, исследуемых социально-гуманитарными науками, они подлежат объяснению (задача которого – вскрыть их генезис, функции, социальную обусловленность и т.д.); в качестве же определенных утверждений и деклараций они нуждаются в обосновании (цель которого – привести доводы в их защиту). Но поскольку сам объект этих рациональных процедур один и тот же, обе они в процессе своего осуществления постоянно переплетаются и нередко воспринимаются как одно и то же действие» [15, с.142-143].

Указанное методологическое смешение имеет множество конкретных проявлений, одним из которых является экстраполяция критериев одного вида знаний на другой. От-

сюда вытекает и более частная проблема – априорное рассмотрение филологами «строго научных», инженерно-технических текстов/дискурсов через призму хорошо известной им в силу образования **гуманитарной «двухконтекстности»**, в то время как критерии оценки самих естественно-технических наук лежат в **«одноконтекстной» плоскости** – описательно-объяснительной. Все это не может не вызывать «когнитивный диссонанс» иностранных учащихся и преподавателя-филолога на уроках русского языка [6].

В философии принято в числе прочих естественных наук выделять особый класс так называемых **нормативных и прикладных наук**, к числу которых относят юриспруденцию, логику, грамматику, медицину, а также огромный пласт **технических (технологических)**, военных и прочих наук, включающий в себя и **дисциплины инженерного цикла**. Социология, экономика, политология, этика и др. в представленной классификации являются гуманитарными дисциплинами.

Современное философское мировоззрение трактует **прикладные науки** как сложные образования, «в которых собственно **научное знание** выполняет посредствующую функцию между социально-заданными **общими целями** (ценностями) и **конкретной рецептурой**, конкретными указаниями относительно того, что и как «надо делать»; «...эти науки ничего не предписывают, не выдвигают «от себя» никаких указаний; они лишь **используются** практическими деятелями (проектировщиками, технологами и др.) в качестве средства, позволяющего **трансформировать** общие ценностные установки в частные, допускающие реальную возможность предметного воплощения» [14, с. 46-47]. Таким образом, в прикладных науках не происходит взаимопревращения знаний и ценностных позиций, поэтому к ним неприменимы критерии, принятые в гуманитарных науках. При этом преподаватель-филолог, как правило, имеет весьма приблизительное представление об инженерной деятельности и ее реалиях и в большинстве случаев старается смоделировать на уроке не присущую инженеру «картину мира», а приписать ему собственную. Поэтому, как правило, используемые в русистике технологии анализа научно-технических текстов, к сожалению построенные в значительной степени на инженерной неосведомленности исследователей, грешат **методологической синкретичностью**.

В отечественной лингвистике проблема выделения инженерной коммуникации в отдельную дискурсивную структуру практически не ставилась. Поскольку каждую научную область можно считать определенным дискурсом (по М.Фуко), мы посчитали необходимым в лингводидактических целях из общего **русского научного дискурса** выделить «инженерный дискурс» и по многим позициям противопоставить ему. **Термин «инженерный дискурс»** впервые был введен в 1999 г. [1, 2], затем более подробно разработан [3, 4, 5, 13]. Таким образом, «вопрос о выделении особого инженерного дискурса впервые в российской науке поднимается в методике преподавания русского языка как иностранного.... В работах И.Б.Авдеевой сделан первый для отечественной науки серьезный шаг по описанию инженерной действительности с позиций когнитивных механизмов и прагматики реалий инженерной деятельности. Двигаясь от экстралингвистических факторов, организующих инженерную деятельность, исследователь вплотную подходит к описанию речевой культуры инженера» [8, с. 16-17].

Мы понимаем «инженерный дискурс» как «некое **информационное поле**, базирующееся на научной картине мира и включающее денотативное содержание инженерной деятельности, **отраженное** в сознании профессионала и обусловленное реалиями инженерной деятельности» [5, с. 317].

При рассмотрении дискурса наиболее часто упоминаются два **когнитивных принципа**: «порядок упоминания», базирующийся на **принципе иконичности**, и разделение информации на «данную» и «новую» - ту, которая, по предположениям говорящего, из-

вестна адресату, и неизвестную адресату. Но, прежде всего, когнитивные принципы организации информации в дискурсе связаны с **ориентированностью на текстовый прототип**, что включает в себя: а) конкретную адресованность текста – принятие во внимание знаний и предположений адресата; б) конвенционализированность типов и жанров текстов, функционирующих в конкретной социокультурной общности.

Подробные многолетние исследования позволили нам прийти к выводу, что:

а) **аутентичный инженерный дискурс** – это **моносоциумный дискурс**, адресованный инженером инженеру/будущему инженеру, созданный на языке «посвящённых» (термин О.Д.Митрофановой);

б) инженерный дискурс базируется на реалиях инженерной деятельности – **этапах инженерного поиска** – и имеет проекцию в виде архитектоники инженерного текста/дискурса, которая является универсальным прототипом текстов учебников по инженерным дисциплинам всех уровней (базовых, фундаментальных и узкопрофильных);

3) инженерный дискурс является продуктом **когнитивного стиля учащихся инженерного профиля**, детерминируемого как биологическими предпосылками, так и формированием профессионального инженерного менталитета в процессе социализации/обучения в вузе инженерного профиля [5].

Таким образом, мы рассмотрели инженерный дискурс с позиций **когнитивизма**. По мнению многих авторов, когнитивизм для гуманитарии – это парадигма, в том смысле, в каком это последний термин употребляется в науковедении в последние десятилетия. Термин «когнитивизм» с его ярко выраженным научно-аналитическим колоритом употребляется в современной специальной литературе как название и одновременно как характеристика концепций, в которых приоритетной считается роль рациональной, когнитивной составляющей и тех подходов, в рамках которых абсолютизируются «когнитивные» рационально-научные методы исследования. Обычно рассматривая с позиций когнитивного подхода дискурс как совокупность процесса и результата, в нем выделяют два плана: **собственно лингвистический и лингво-когнитивный**. Первый непосредственно связан с языковой системой, проявляясь в используемых языковых средствах, второй – с языковым сознанием, влияя на выбор языковых средств, на процессы порождения и восприятия текстов. По данной концепции, будучи единицей дискурса, любой текст также имеет собственно лингвистический и лингво-когнитивный планы. Изучив инженерный дискурс в рамках данного подхода, мы пришли к следующему выводу. Выделяя вслед за многими исследователями два упомянутых плана дискурса, инженерный дискурс можно также подразделить на два: **лингво-когнитивный**, детерминируемый когнитивными стилями продуцирующих его инженеров/будущих инженеров, и **когнитивный**, формируемый собственно реалиями инженерной деятельности. Таким образом, мы понимаем **общеинженерный дискурс** («общемировой инженерный дискурс» по Г.М.Левиной) «как некое сложное информационно-коммуникативное поле, включающее в себя когнитивный, экстралингвистический, профессиональный и лингвистический аспекты инженерной коммуникации, определяющие его порождение и восприятие» [5, с. 317].

И в конце следует остановиться подробнее на «языковой упаковке», т.е. на том, как вышеозначенные закономерности построения научных инженерных дискурсов проявляются на языковом уровне. Для этого уместно обратиться к **категории дескриптивности-прескриптивности**. Научно-технический лексикон включает в себя в основном «чисто дескриптивные» слова, имеющие денотат, или референт, в то время как в быденном и гуманитарном лексиконе представлены также и **прескриптивные**. Группа же «чисто прескриптивных» слов, выполняющих специализированную оценочно-предписательную функцию, практически отсутствует в силу нехарактерности для инженерного менталитета. Это слова типа «хороший», «плохой», «нельзя», «прекрасный»,

«безобразный» и пр. Не представлены также **бифункциональные** слова, являющиеся контекстуально-дескриптивными, совмещая в себе функцию **обозначения** с функцией **оценки**: «разумный», «правильный», «моральный», «этический», «гуманитарный», «закон», «порядок» и др. При этом часть бифункциональной лексики, описывающей мыслительные процессы и их продукты, употребляется в текстах/дискурсах прикладных наук только в их познавательном, **когнитивном смысле**, обходя ценностно-интенциональный пласт, проявляющийся в гуманитарных науках: «думать», «полагать», «считать», «представлять», «иметь мнение», «обучать», «изучать», «исследовать», «знание», «наука», «теория», «концепция», «гипотеза», «точка зрения», «позиция», «учение» и др. Таким образом, базовой характеристикой инженерного дискурса на **лингвистическом и лингво-когнитивном уровне** мы полагаем однозначность смысла, недвусмысленность, монофункциональность лексики, т.е. **дескриптивность** в широком смысле слова. То есть, ситуация дискурса диктует, в каком случае слово выполняет дескриптивную, а в каком – прескриптивную функцию, и инженерный дискурс не оставляет возможности для двусмысленного, подтекстуального понимания бифункциональных слов. Рамки внеценностного по характеру инженерного дискурса не предполагают также разночтений при употреблении **терминов**, в то время как в гуманитарных науках – это обычное явление. Например, «что касается самого слова «когнитивизм», то его широкое и не регламентированное по сути никакой конвенцией употребление в современной психологической литературе часто приводит к теоретической путанице, к потере предмета исследования» [14, с. 69].

Таким образом, «теоретические положения, раскрывающие коммуникативно-когнитивную концепцию, частично уже реализованы применительно к инженерному профилю обучения (см. работы Г.М.Левиной, И.Б. Авдеевой, Т.В.Васильевой). Научное сопровождение других профилей обучения в нефилологических вузах еще предстоит осуществить, не говоря уже о новом учебно-методическом обеспечении всех этих профилей» [17, с. 124].

Библиографический список

1. Авдеева И.Б. Типология инженерных дискурсов в аспекте когнитивной лингвистики // Виноградовские чтения: Когнитивные и культурологические подходы к языковой семантике: Тезисы докладов международной научной конференции. М.: ГИРЯП, 1999 а. С. 3-4.
2. Авдеева И.Б. Компаративный анализ инженерного дискурса как методическая основа обучения языку специальности // Актуальные проблемы сопоставительной лингвистики и лингводидактики на пороге XXI века: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции. Ульяновск, 1999 б. С. 8-9.
3. Авдеева И.Б., Васильева Т.В. Инженерный дискурс в ряду других научных дискурсов // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М.: МГУ, 2004. С. 379.
4. Авдеева И.Б. Категория дескриптивности в инженерном дискурсе // Известия Тульского гос. ун-та. Серия «Язык и литература в мировом сообществе». Вып. 6: Языкознание: Методика преподавания русского языка и литературы. Тула: ТулГУ, 2004 б. С. 78-80.
5. Авдеева И.Б. Инженерная коммуникация как самостоятельная речевая культура: когнитивный, профессиональный и лингвистический аспекты (теория и методика обучения русскому языку как иностранному). М.: МГТУ, 2005. 368 с.
6. Авдеева И.Б. Когнитивный диссонанс как причина неуспеха при обучении РКИ в вузах инженерного профиля// Вестник российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2014, №3. С. 81-87.

7. Амиантова Э.И., Битехтина Г.А., Всеволодова М.В., Клобукова Л.П. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как составляющая современной лингвистической парадигмы// Вестник Моск. Ун-та, Сер. 9, 2001, № 6.
8. Велединская С.Б. «Проблемы инженерного дискурса и технической документации» portal.tpu.ru/SHARED/v/VELEDINSKAYASB/four/Tab2/Tema2.pdf
portal.tpu.ru/SHARED/v/...
9. Всеволодова М.В. Русский язык в зеркале других языков. К вопросу о новой грамматике//Русский язык как иностранный в современной образовательной и геополитической парадигме:1У Международная научно-практическая конференция. Москва, МГУ имени М.В.Ломоносова, 18-19 ноября 2010 г.: Тезисы докладов. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 3-5.
10. Дейк Т.А. Ван. Критический анализ дискурса/ Пер. с англ.//Перевод и лингвистика текста. Translation and Text Linguistics. М.: совместное изд. ВЦП и кафедры русского языка Маастрихтского ин-та переводчиков, 1994. с. 169-217.
11. Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста // Методы анализа текста. Вып. 2. Тетради новых терминов. М.: ВЦП, 1982. 90с.
12. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность. М., 1998. 270с.
13. Левина Г.М. Обучение иностранцев русскому инженерному дискурсу. М.: Янус-К, 2003. 204 с.
14. Максимов Л.В. Проблема обоснования морали: логико-когнитивные аспекты. М.: Философское общество СССР, 1991. 149 с.
15. Максимов Л.В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 230 с.
16. Миронова Н.Н. Политический дискурс VS оценочный дискурс// Политический дискурс в России: Материалы рабочего совещания 30 марта 1997 г./ Под ред. Ю.А. Сорокина, В.Н.Базылева. М.: Институт языкознания РАН; Высшие молодежные курсы, 1997. С. 41-50.
17. Митрофанова О.Д. Научные декларации – педагогическая реальность – методические технологии // Традиции и новации в преподавании русского языка как иностранного: Международная научно-практическая конференция. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 22-24 ноября 2006 г.: Тезисы докладов. М.: МАКС Пресс, 2006.
18. Формановская Н.И. Становление коммуникативной лингвистики// Русский язык как иностранный в современной образовательной и геополитической парадигме:1У Международная научно-практическая конференция. Москва, МГУ имени М.В.Ломоносова, 18-19 ноября 2010 г.: Тезисы докладов. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 12-14.

Reference

1. Avdeyeva I.B. Typology of engineering discourses in the context of cognitive linguistics // Vinogradov readings: Cognitive and cultural approaches to language semantics: International scientific conference abstracts. М.: Pushkin State Russian Language Institute, 1999 a. P. 3-4.
2. Avdeyeva I.B. Comparative analysis of an engineering discourse as a methodical basis of specification language teaching // Topical issues of contrastive linguistics and linguodidactics on the eve of 21st century: International workshop and conference abstracts. Ulyanovsk, 1999 b. P. 8-9.
3. Avdeyeva I.B., Vasilieva T.V. Engineering discourse among other scientific discourses // Russian language: in the past and contemporary context: II International congress of the Russian language scholars: Works and proceedings. М.: MSU, 2004. P. 379. (abstracts)

4. Avdeyeva I.B. The category of descriptiveness in engineering discourse // Tula State University Bulletin. Series "Language and literature in global community" Issue 6: Linguistics: Russian language and literature teaching methods. Tula: TulSU, 2004 b. P. 78-80.
5. Avdeyeva I.B. Engineering communications as independent speech culture: cognitive, professional and linguistic aspects (theory and methods of the Russian language teaching as a foreign language). M.: MSTU, 2005. 368 p.
6. Avdeyeva I.B. Cognitive dissonance as the reason of failure when teaching Russian as a foreign language in higher education institutions of engineering specialization// RUDN University Bulletin. Series: Educational issues: languages and specialty. 2014, № 3. P. 81-87.
7. Amiantova E.I., Bitekhtina G.A., Vsevolodova M.V., Klobukova L.P. Functional communication linguo-didactic language model as a part of contemporary linguistic paradigm // Moscow University Bulletin, Series 9, 2001, № 6.
8. Veledinskaya S.B. "Issues of engineering discourse and technical documents" portal.tpu.ru/SHARED/v/VELEDINSKAYASB/four/Tab2/Tema2.pdf
portal.tpu.ru/SHARED/v/...
9. Vsevolodova M.V. Russian language mirrored in other languages. Regards new grammar//Russian as a foreign language in contemporary educational and geopolitical paradigm:1U International workshop and conference. Moscow, Lomonosov Moscow State University, November 18-19, 2010: Abstracts. M.: MAKS Press, 2010. P. 3-5.
10. Teun A. van Dijk. Critical discourse analysis/ Translated from English // Translation and Text Linguistics. M.: co-publication of the All-Russian Translation Center and Russian Language Department of the Maastricht School of Translation and Interpreting, 1994. P. 169-217.
11. Demyankov V.Z. English-Russian terminology in applied linguistics and automatic text processing// Text analysis methods. Issue 2. Notebooks for new terms. M.: All-Russian Translation Center, 1982. 90 p.
12. Krasnykh V.V. Virtual reality or real virtuality. M., 1998. 270 p.
13. Levina G.M. Russian engineering discourse teaching to foreigners. M.: Yanus-K, 2003. 204 p.
14. Maximov L.V. The issue of the ethics reasoning: logical and cognitive aspects. M.: The USSR Philosophical Society, 1991. 149 p.
15. Maximov L.V. Cognitivism as the paradigm of humanitarian and philosophical ideas. M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2003. 230 p.
16. Mironova N.N. Political discourse VS evaluative discourse // Political discourse in Russia: Proceedings of the workshop of March 30, 1997/ edited by Yu.A.Sorokin, V.N.Bazylev. M.: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; Higher Courses for Youth, 1997. P. 41-50.
17. Mitrofanova O.D. Scientific declarations – pedagogic reality – methodical technologies//Traditions and innovations in teaching Russian as a foreign language: International workshop and conference. Moscow, Lomonosov Moscow State University, November 22-24, 2006.: Abstracts. M.: MAKS Press, 2006.
18. Formanovskaya N.I. Communicative linguistics formation// Russian as a foreign language in contemporary educational and geopolitical paradigm:1U International workshop and conference. Moscow, Lomonosov Moscow State University, November 18-19, 2010.: Abstracts. M.: MAKS Press, 2010. P. 12-14.

Правила оформления статей в Научном вестнике

Уважаемые авторы, пожалуйста, следуйте правилам оформления статей для опубликования в Научном вестнике.

Статьи представляются в электронном виде. Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4. Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) Сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт Times New Roman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;
- 3) Инициалы и фамилии авторов (шрифт Times New Roman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);
- 4) Название статьи на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) Аннотацию на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) Ключевые слова на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) Основной текст (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 8) Библиографический список на русском и английском языках (шрифт Times New Roman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см. **Выравнивание текста – по ширине.** Для обеспечения однородности стиля не подчеркивайте текст. Отступ первой строки абзаца – 1 см. Не допускается для оформления статьи использовать Open Office. Просим, при наборе текста используйте клавишу «ПРОБЕЛ» только по основному назначению – для отделения одного слова от другого, для этого достаточно нажать клавишу «Пробел» **1 раз**. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе Corel Draw либо в любом из графических приложений MS Office. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал.

Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм).

Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа)

без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54–67]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТа. После слов **Библиографический список** точка или двоеточие **не ставятся**. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, красная строка 1 см. **Оформлять в алфавитном порядке библиографический список необходимо по ГОСТу Р 7.05-2008.**

В одном номере публикуется не более двух статей одного автора.

С уважением, редакционная коллегия серии.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 811.161.1 ББК 81.2 Рус-5

Гуманитарный институт филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова в г. Северодвинске
канд. филол. наук, ст. преп. кафедры языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск, тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Institute of Humanities of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (branch in Severodvinsk)
The department of linguistics,
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk, +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег. На материале поэзии XIX – начала XXI вв. выявляются образы, созданные по моделям «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*» и «*некий объект как первый снег*», тем самым устанавливается эстетическое значение сочетания *первый снег* и определяется круг реалий, при описании которых актуализируется образ первого снега.

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, художественная концептуализация, признаки образа, повторяющееся поэтическое сочетание.

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow. The images created according to the models «*the first snow as an object having certain features*» and «*an object like the first snow*» are described on the basis of poetry from the 19th to the early 21st c. It helps to reveal the aesthetic meaning of «*the first snow*» and to determine the range of objects whose descriptions contain actualized images of the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, repeated poetis combination.

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина, И.З. Суриков и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небес полуночной страны* [4]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания как его современники (А.И. Тургенев, А.С. Пушкин), так и впоследствии исследователи его творчества (Л.Я. Гинзбург, Б.С. Мейлах, К.И. Соколова и др.).

Поэтический текст содержит результаты эстетического освоения действительности, наряду с национальным языком, отражающим результаты обыденного познания мира, и наряду с научными текстами, фиксирующими результаты научного освоения мира природы и человека.

Снег является значимым фрагментом русской языковой картины мира, в силу этого снег – важный компонент художественной модели мира: образы снега, метели, снегопада присутствуют в творчестве многих авторов XVIII – начала XXI вв., о чем говорят более 8 тысяч контекстов, выявленных методом сплошной выборки из произведений русских поэтов. Особое место среди всего корпуса «снежного» поэтического материала составляют контексты, целые произведения, в которых создан образ первого снега. Постоянное обращение поэтов разных эпох и различных эстетических взглядов к данному образу дает основание предположить, что первый снег (как явление природы) обладает особым эстетическим и символическим смыслом.

Материалом для данного исследования послужили контексты, в которых использованы сочетания *первый снег, первый снежок, первый снегопад, первые сугробы, первая пороша*. Наблюдения над контекстуальным окружением названных сочетаний позволяют определить особенности художественной концептуализации первого снега как фрагмента действительности и тем самым установить, какие новые значения появляются у образа первого снега на каждом этапе развития русской поэзии. Так, в этом аспекте рассмотрены контексты, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». Под признаками в данной модели понимаются как различные физические проявления первого снегопада («мелкий», «мокрый», «утренный» и пр.), так и художественные признаки, представляющие особые ассоциативные связи, которые возникают в поэтическом сознании авторов при виде снега (например, первый снег как напоминание о каких-либо событиях в жизни человека). Кроме того, привлечение большого корпуса текстов XIX – начала XXI вв. делает возможным определить круг объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируются признаки первого снега и в описании которых используется сочетание *первый снег* в роли предмета сравнения. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «*некий объект как первый снег*».

Среди названных выше сочетаний регулярность употребления характерна для синтагмы *первый снег*, что подтверждается использованием его в функции заглавия произведений поэтов разных эпох: П.А. Вяземского, А.М. Жемчужникова, С.А. Есенина, В. Брюсова, Б.Л. Пастернака, А. Вознесенского, Н. Рубцова, Л. Мартынова, Т. Алферовой, В. Осипова, В. Шнейдера и др. Кроме того, сочетание *первый снег* наряду с названными синтагмами отличается большей частотой употребления. Эти условия позволяют отнести синтагму *первый снег* к повторяющимся поэтическим сочетаниям, под которыми мы понимаем элементы общей системы поэтического языка, совпадающие у

разных авторов, вычлененные из поэтического текста единицы, которые не утрачивают своей экспрессивности при неоднократном использовании поэтами, принадлежащими к одному или разным поколениям.

Анализ материала показал, что сочетание *первый снег* функционирует в русских поэтических текстах с различной контекстуально-смысловой нагрузкой. Заметим, что в нашем материале практически не встретились контексты из произведений XVIII в., что объясняется типом художественного мышления того времени – господством монументализма и масштабности. Это в свою очередь проявляется и в незначительном количестве произведений с описанием пейзажей, в том числе – зимних. Заметим, что для поэзии XVII в. характерна статичность в изображении природы, тогда как первый снег (в реальном мире и в художественной его модели) – это мимолетное, порой быстро исчезающее явление погоды.

Обозначим группы контекстов, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*». В первую очередь к этой группе относятся контексты, в которых эстетическое значение синтагмы *первый снег* совпадает с узуальным значением составляющих ее единиц *первый* и *снег* в национальном языке. Например, *Поникли тополя. / Ложится первый снег. Пусты поля...* (Г. Адамович), *Завершился листопад, / Первый снег упал на крыши* (Л. Мартынов), *Уж мороз серебром темный лес разукрашивал, / Подмерзала земля и снежок, / Первый, мягкий снежок припорошивал* (Д. Бедный), *Первый снег плотину ярко выбелил* (А. Тимирева), *Выпал за окнами первый снежок, / Блекнет закат, догорая...* (М. Светлов), *Первый снег сапог хватает* (О. Фокина), *Три алые розы на первом снегу / У края лежат тротуара. / Их кто-то швырнул на ходу, на бегу. / Три искры ночного пожара* (И. Николукин) и др. В ряде случаев снег, являясь предметом изображения, становится и объектом эстетического осмысления. Сравнивая первый снег с каким-либо предметом из мира человека или с объектом природы, поэты подчеркивают различные оттенки проявления этого погодного состояния. Например, *Ручей прозрачный / Замедлит свой журчащий бег. / И на него фатю брачной / Небрежно ляжет первый снег* (К. Фофанов); *Я по первому снегу бреду <...> / Может, вместо зимы на полях, / Это лебеди сели на луг* (С. Есенин). Сравнение снега в первом случае с фатой, а во втором – с лебедями создает картину легкого, прозрачного, неплотного слоя, покрывающего воду, и картину темной земли, неравномерно покрытой белым снегом.

Кроме того, в эстетическом описании первого снега в текстах XX в. встречаются атрибутивы с общим значением «характеристика человека», которые, с одной стороны, передают особенности падения первого снега, создавая неповторимый образ, а с другой – выражают эмоции, чувства и ощущения, появляющиеся у лирического героя в эту погоду. И в этом случае образное осмысление первого снегопада различно. Например, *То идет он сверху вниз, / то снизу вверх – / озабоченный, растерянный, / чудной... / Я прекрасно понимаю / первый снег, / потому что так же было и со мной. / Время встало. / А потом пошло назад!* (Р. Рождественский), *Первым злым / Колючим снегом / Дрожит озябшая земля – / Зима жестоким печенегом / Пришла на мирные поля* (А. Жигулин), *На нашей долгой бытности / Казалось нам не раз, / Что снег идет из скрытности / И для отвода глаз. / Утайщик нераскаянный, – / Под белой бахромой / Как часто вас с окраины / Он разводил домой!* (Б. Пастернак).

Итак, к группе контекстов, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*», относятся контексты, актуализирующие физические явления этого погодного состояния (*мягкий, пушистый, белый* и пр.), а также передающие их эмоциональное восприятие лирическим героем (*злой, озабоченный, растерянный*). Выдвижение тезиса о значимости образа первого снега для

русской поэтической модели мира требует рассмотрения жизни образа в текстах XIX – начала XXI вв. в эволюционном аспекте, что дает возможность установить, как менялось значение образа, как и когда у него появились новые смыслы.

Обозначим контексты, в которых созданы образы по модели «*первый снег как объект, обладающий определенными признаками*», составляющие группу с актуализацией ассоциативных связей образа снега. Так, достаточно устойчивым для поэтического сознания русских авторов является осмысление первого снега как «погодного явления, напоминающего о чем-либо важном или связанного со значимыми событиями в жизни лирического героя (и его автора)». Например, *Живо вспомнил я старое время, / Поздней осенью первый снежок, / И темнеющий сумрак вечерний, / И в окошке твоём огонек* (Л. Пальмин), *Ловит память тонким клювом / Первый снег и первопуток* (С. Есенин), *Сегодня мне немного непривычно, / Вокруг бело. И около Карпат / Такая тишь, которая обычно / Бывает только в первый снегопад <...> / Но каждый видит памятные дали / И первый снег, упавший на село* (К. Ваншенкин), *Очень гордая, / сама пришла ко мне, / равнодушие, обидное стерпя. / На твоих ресницах / тает первый снег...* (Р. Рождественский), *Пусть падают листки календаря, / пусть будет долгодневный твой путь. / Но день двадцать шестого октября, / но первый снег его – забудь, / совсем забудь. / Как не было...* (О. Берггольц), *Погода напомнила / Осень в Тайшете / И первый на шпалах / Колючий снежок* (А. Жигулин), *Первый снег мне былое напомнил / О судьбе, о земле, о Тебе, / Я оделся и вышел из комнат / Успокаивать горе в ходьбе* (Б. Поплавский), *О как легко плеча плечо / Касалось той поры <...> / Стелила свежий первый снег / Нам улица одна <...> / Еще идет там первый снег, / Есть улица одна, / И мы увидим белый свет / Из одного окна* (Л. Мочалов).

Другим доминирующим художественным признаком выражения эстетического значения образа первого снега является «особое эмоциональное состояние, которое появляется у лирического героя при любовании этой погодой». Впервые в русской поэзии своим восторгом при виде первого снега поделился с читателями П.А. Вяземский: *Приветствую душой и песнью первый снег* («Первый снег», 1819 г.). Запечатлеть исчезающую мимолетную красоту первого снега стремился А.М. Жемчужников в стихотворении «Первый снег» (1888 г.): *Так первый снег мне этот мил! / Скорей подметить! Он победу / Уступит солнечному дню; / И к деревенскому обеду / Уж я всего не оценю.*

Этот оттенок эстетического значения образа первого снега является актуальным для авторов на протяжении всего XX и начала XXI вв.: *Я по первому снегу бреду. / В сердце ландыши вспыхнувших сил* (С. Есенин), *Счастлив видеть первый снег, / Стройных сосен колоннаду* (К. Ваншенкин), *А нынче, землю веселя, / Упала первая пороша* (Н. Браун), *По первому снегу так хочется ехать куда-то, / чтоб ночь, и вокзал, и билеты с проставленной датой, / но без указания станции – / вперед, наугад, что достанется* (Т. Алферова), [О первом снеге. – Н.М.] <...> *Снег прикрыл только ворохи бурой листвы, / А зеленых трав – не осилил. / С новым снегом становится кровь горячей / И смелей для пьянящего шага. / Черной жилкой пульсирует нервный ручей / В побелевшей бездне оврага. / С первым снегом тебя!* (А. Бобров).

Особенно ярко эмоциональное восприятие первого снега проявилось в произведении Д. Самойлова, где создана трогательная картина первого снегопада, который настолько гармоничен внутреннему миру героя, что у него при виде первого снега создается впечатление встречи с родственной душой: *Рано утром почувался снег. / Он не падал. Он лишь намечался. / А потом полетел, заметался. / Было чувство, что вдруг повстречался / По дороге родной человек. / А ведь это был попросту снег – / Первый снег и пейзаж Подмосковья.*

В эту же группу контекстов вошли те, в которых образ первого снега связывается с творческим настроением героя, воспринимающего первый снег как время поэтического

вдохновения. Заметим, что данный оттенок значения образа актуален лишь для современных авторов. Например, *Стихи идут по первому снежку* (Н. Горбаневская), *На белый лист строка ложится, / На белый лист. / А в небе первый снег кружится, Безгрешно чист. / Он до земли не долетает, / Неуследим. / И с ним душа моя витает / Над сном твоим* (В. Халупович).

Материал показал, что в поэзии XX в. за счет актуализации узуального значения прилагательного *первый* «первоначальный, ранний, происходящий ранее всех других» [3] образ первого снега приобретает еще одно значение. Семантика слова *первый* обусловливает «прочтение» этого образа в связи с общефилософской категорией начала, а сочетание *первый снег* приобретает символическое значение «начала чего-либо». Например, в стихотворении О. Берггольц образ первого снега актуализируется при описании первых (в прямом и переносном значении) шагов в жизни человека: *Точно детство вернулось и – в школу. / Завтрак, валенки, воробьи... / Это первый снег. Это первый холод / губы стягивают мои <...> / Точно первый снег, / первый шаг у дочки, / удивительный в октябре* (О. Берггольц). В стихотворении Е. Евтушенко образ первого снега появляется при осмыслении важных этапов жизни человека. Снег наделяется индивидуализированным значением: «у каждого свой первый снег (каждый по-своему воспринимает его)»: *И если умирает человек, / с ним умирает первый его снег, / и первый поцелуй, и первый бой... / все это забирает он с собой*. Повторение слова *первый* в сочетании со словами *снег, поцелуй, бой* в контексте этих строк позволяет интерпретировать данные субстантивы как обозначение понятий «начало жизни», «любовь», «борьба» – важные составляющие пути человека. Кроме того, в ряду *первый снег, первый поцелуй, первый бой* слово *снег* занимает особое положение: он открывает данный ряд и, обозначая в действительности часть природы, а не жизни человека, благодаря контекстуальному окружению приобретает символическое значение «всего первого, что произошло в жизни человека».

Так, у поэтического сочетания *первый снег* к концу XX в. постепенно расширяется контекстуальное окружение, которое формирует новые обертоны смысла. Образ первого снега на каждом следующем витке развития русской поэзии обогащается текстовыми семантическими приращениями, которые естественно связаны с многообразием поэтических индивидуально-авторских систем.

Второй аспект анализа полученного материала состоит в выявлении круга реалий, объектов, в эстетическом осмыслении которых актуализируется первый снег, его концептуальные признаки. В этом направлении проанализированы контексты, в которых реализуется модель образа «некий объект как первый снег».

В поэзии XIX в. природная белизна снега устойчиво актуализируется при описании цвета кожи: *спрыгнув с коня ретивого, / Точно первый снег бела, / Без рыданий к мужу мертвому / Василиса подошла* (И. Суриков), *Как первый снег та длань бела* (В. Кюхельбекер), седины: *Ветр власы его взвеает, / Белые, как первый снег!* (А. Бунина), в конце XIX в. при описании небесного тела: *<...> светлая лазури высота / Горит незбылемо над нами. / И тусклая луна, бледна как первый снег / В лучах вечернего заката, бледна как первый снег* (К. Фофанов).

Для поэтического языка рубежа XIX – XX вв. характерны открытия новых метафорических возможностей поэтического слова, это время изменения семантического строя, структуры поэтического образа; период активного освоения новых пластов лексики [1], эпоха «глубокой трансформации образного мышления в эстетическом сознании России» [2]. Эти тенденции развития поэтического языка проявились и в функционировании сочетания *первый снег*. Например, новым, неожиданным для языка поэзии стало сравнение звучания голоса смеющегося человека с первым снегом: *И серый глаз*

светлей воды с колодца, / И смех свежей, чем первый белый снег... В этом случае актуализируется не только природный цвет снега, но и та прохлада, которая возникает в воздухе при первом снеге. Тем самым создается образ на основе синестезии: в передаче впечатлений от смеха (особого звука, издаваемого человеком) совмещаются признаки снега «цвет» и «холод».

Заметим, что названные черты поэтического языка сохранились на протяжении всего XX в.: образ первого снега актуализируется при описании человека, его внутреннего мира, душевного состояния. Например, *И тает первый снег / На сердце у меня* (А. Межиров). Обстоятельственный компонент *на сердце* в конструкции *тает первый снег на сердце* дополняет содержание образа первого снега: в данном случае сочетание *первый снег* обозначает внутренний, эмоциональный холод, который был вызван событиями в жизни героя. Интересным представляется функционирование в этих строках глагола *тает*. С одной стороны, он актуализирует концептуальный признак снега как вида атмосферных осадков – свойство «превращаться в жидкое состояние под действием тепла», а с другой стороны, благодаря соседству с сочетанием *на сердце* приобретает переносное значение «исчезать, постепенно сокращаясь, прекращаясь» [3]. В строках Ю. Кузнецова *Выхожу – а девушка смеется, / Весело смеется у ворот. / Вся она, как легкая пушинка. / И душой чиста, как первый снег* при создании образа невинно чистой девушки актуализируется признак белизны первого снега. Заметим, что такое осмысление белого цвета снега к этому времени становится традиционным для русской поэзии, однако в данном случае подчеркивается первозданная белизна снега, тем самым усиливается символическое значение белого цвета.

Наряду с этим образ первого снега актуализируется и при описании жизненных ситуаций. Например, *И покроется жухлая зелень / Первым снегом осенних невзгод* (А. Жигулин). В строке *первый снег осенних невзгод* синтагма *первый снег* приобретает дополнительное эстетическое значение «изменения в жизни человека и в природе, которые связаны с наступлением холодов». Генетивная метафора *снег невзгод* раскрывает комплекс ассоциаций: текучесть времени, неблагоприятные, менее всего ожидаемые нежелательные события, их близость и неизбежность.

Еще большее разнообразие художественных ассоциаций у образа первого снега находим в поэзии конца XX – начала XXI вв. Так, В. Лапшин использует образ первого снега при передаче красоты цветущей черемухи: *Он черемуху колышет. / А она-то, а она – / Снега первого белее*. Однако более актуальным образ первого снега оказывается при описании внутреннего мира человека. Например, В. Болохов точно передает эмоциональные переживания пожилого человека, увидевшего первый снег через окно вагона: *И не одна душа / от суеты седая, / извечностью дыша, / вдруг стала молодая. <...> / Хотя была слеза – / как снег... / тот самый – первый...*

Особую философскую «пронзительность» приобретает образ первого снега в строках Е. Матусовской, передающей осмысление жизненной несправедливости при виде умирающих больных детей, осознание неизбежности ухода их из жизни: *Но тщетно к ним [Больные умирающие дети. – Н.М.] идти с вопросом. / Как первый снег, как лёгкий дым / Они уходят. И уносят / Ту тайну, что открылась им* (Е. Матусовская).

Наблюдения над контекстуально-смысловыми изменениями отдельной единицы поэтического языка (в данном случае повторяющегося поэтического сочетания) привели к интересным результатам. Так, проследив характер использования синтагмы *первый снег* в текстах русских авторов начала XIX – начала XXI вв., мы выяснили, что образ первого снега является неотъемлемой частью русской поэтической картины мира, на протяжении развития русской поэзии он обогащается новыми ассоциациями, обрас-

тая различными смысловыми обертонами, которые в свою очередь свидетельствуют о постепенной символизации первого снега в художественном мире.

Библиографический список

1. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.
2. Келдыш В.А. Русская литература конца XIX – начала XX века как сложная целостность // Русская литература конца XIX – начала XX века. В 2 т. Т. 1. / отв. ред. В.А. Келдыш. М.: Академия, 2007. 287 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
4. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

References

1. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.
2. Keldysh V.A. Russian literature of the late 19th – early 20th c. as a complicated unity // Russian literature of the late 19th – early 20th c. in 2 vol. Vol. 1 / ed. by V.A. Keldysh. M., 2007. 287 p.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Russian language dictionary. M., 1997. 944 p.
4. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/>

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Воронежского государственного
архитектурно-строительного университета

**ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ**

Выпуск № 2(21), 2016 г.

Научный журнал

Подписано в печать 16.06.2016. Формат 60*84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 17. Усл.-печ. л. 18. Тираж 500 экз. Заказ № _____

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства учебной и учебно-методической литературы Воронежского ГАСУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84